



ISSN 2412-8562(print)  
ISSN 2658-7777(online)  
doi: 10.32603/2412-8562

***ДИСКУРС***  
Том 9. № 6/2023

***DISCOURSE***  
Volume 9. No. 6/2023

Санкт-Петербург  
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg  
ETU Publishing house

2023

## ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

**Учредитель и издатель:** Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

**Языки:** русский, английский.

**Редакция журнала:** 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Главный редактор*

**А. Ф. Иванов**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

*Заместитель главного редактора*

**Н. К. Гигаури**, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

*Ответственный секретарь*

**М. Ю. Лютиков**, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

**Г. А. Баева**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

**Е. В. Боднарук**, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

**А. О. Бороноев**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

**С. С. Бразевич**, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

**А. В. Волков**, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

**П. П. Дерюгин**, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

**Д. Ю. Дорофеев**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

**С. М. Елисеев**, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

**В. И. Игнатъев**, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

**А. А. Изгарская**, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

**Н. В. Казаринова**, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

**Е. Н. Лисанюк**, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

**Т. В. Мельникова**, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

**В. П. Милецкий**, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

**С. И. Росенко**, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

**Е. Г. Соколов**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

**А. В. Солдатов**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

**А. Ю. Сторожук**, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

**Е. В. Строговецкая**, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

**Н. А. Трофимова**, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

**В. В. Тузов**, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

**С. В. Чебанов**, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

**С. И. Черных**, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

**А. А. Шумков**, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

**С. В. Шустова**, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

**В. В. Щербина**, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

**М. П. Яценко**, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

**Aleksey Nesteruk**, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

**Kristina Štrkalj Despot**, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

**Mansoor Maitah**, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

**Randall E. Auxier**, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

**Zhang Baichun**, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

### Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

### Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>



Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

## DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).  
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

**Founder and publisher:** Saint Petersburg Electrotechnical University  
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

**Accepted Languages:** Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

**Editorial address:** Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str.,  
St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

## THE EDITORIAL BOARD

### *Editor-in-Chief*

**Andrey F. Ivanov**, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

### *Deputy Editor-in-Chief*

**Nina K. Gigauri**, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

### *Executive Secretary*

**Mikhail Yu. Lyutikov**, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

**Galina A. Baeva**, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

**Elena V. Bodnaruk**, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

**Asalkhan O. Boronoev**, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

**Svyatoslav S. Brazevich**, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

**Aleksey V. Volkov**, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

**Pavel P. Deryugin**, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

**Daniil Yu. Dorofeev**, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

**Sergei M. Eliseev**, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

**Vladimir I. Ignatyev**, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

**Anna A. Izgarskaya**, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

**Nadezhda V. Kazarinova**, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

**Elena N. Lisanyuk**, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

**Tatyana V. Melnikova**, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

**Vladimir P. Miletskiy**, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

**Svetlana I. Rosenko**, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

**Evgeniy G. Sokolov**, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

**Alexander V. Soldatov**, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

**Anna Yu. Storozhuk**, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

**Elena V. Strogetskaia**, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

**Nella A. Trofimova**, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

**Victor V. Tuzov**, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

**Sergei V. Chebanov**, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

**Sergei I. Chernykh**, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

**Andrei A. Shumkov**, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

**Svetlana V. Shustova**, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

**Vyacheslav V. Shcherbina**, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

**Mikhail P. Yatsenko**, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

**Aleksey Nesteruk**, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

**Kristina Štrkalj Despot**, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

**Mansoor Maitah**, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

**Randall E. Auxier**, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

**Zhang Baichun**, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

**Aim and scope:** DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

### **Mission of the Journal:**

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>



All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2023

## СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

### ФИЛОСОФИЯ

<b>Бабаева А. В.</b> Польская философия XX – начала XXI вв. глазами русского .....	5
<b>Лоскутов Ю. В.</b> Марксизм и религия: от атеистических предрассудков к научному подходу .....	17
<b>Разова Е. Л.</b> Топология этоса: антропологическое прочтение феномена дома .....	29
<b>Ильина А. В.</b> Социально-философские основания исследования искусственного интеллекта в искусстве (на примере музыки).....	44

### СОЦИОЛОГИЯ

<b>Глухих В. А., Попов Р. Е., Салахутдинов А. А., Дерюгин П. П.</b> Исследование ценностей студентов-программистов в контексте идей В. П. Тугаринова (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета) .....	57
<b>Корнилова М. В.</b> «Активное долголетие»: поиск ответов на новые вызовы (на примере программы «Московское долголетие»).....	74
<b>Колянов А. Ю.</b> Профессиональная гендерная сегрегация в научном дискурсе: тенденции и противоречия.....	90
<b>Куропова А. С., Куратов С. В., Ильченко А. Б.</b> Социологическая диагностика образа «героя», как объекта социального конструирования в идеологии молодежи, в период проведения специальной военной операции .....	101

### ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<b>Дрейфельд О. В.</b> Прагматический анализ антивоенных высказываний (на материале дискурса общественного мнения весной 2022 г. в России) .....	116
<b>Семенихина М. В.</b> Образы Луны и Солнца в поэзии Ф. Г. Томпсона .....	128
<b>Мельникова В. Д., Ульяницкая Л. А.</b> Некоторые социолингвистические особенности франко-английского билингвизма в Канаде.....	143
<b>Kiseleva S. V., Trophimova N. A., Ananyeva Yu. S., Skryabina E. Yu.</b> Explicative Specificity of the Concept of “Coronavirus” for Children in the Framework of Medical Discourse .....	161
<b>Кривоносов А. Д.</b> К вопросу о систематизации современной терминологии рекламы и публичных отношений .....	173

<b>Правила представления рукописей авторами</b> .....	184
---	-----

## CONTENTS

Original papers

### PHILOSOPHY

<b>Babaeva A. V.</b> Polish Philosophy of the XX – early XXI Centuries through the Eyes of the Russian .....	5
<b>Loskutov Yu. V.</b> Marxism and Religion: from Atheistic Prejudice to Scientific Approach .....	17
<b>Razava A. L.</b> Topology of Ethos: Anthropology Study of the Phenomenon of Home .....	29
<b>Ilina A. V.</b> Socio-Philosophical Foundations of Research of Artificial Intelligence in Art (in the Context of Music).....	44

### SOCIOLOGY

<b>Glukhikh V. A., Popov R. E., Salakhutdinov A. A., Deryugin P. P.</b> A Study of the Values of Student Programmers in the Context of the Ideas of V.P. Tugarinov (to the 300th Anniversary of Saint Petersburg State University) .....	57
<b>Kornilova M. V.</b> “Active longevity”: searching for answers to new challenges (on the example of the program “Moscow longevity”) .....	74
<b>Kolianov A. Yu.</b> Professional Gender Segregation in Scientific Discourse: Trends and Contradiction .....	90
<b>Kurapova A. S., Kurapov S. V., Ilchenko A. B.</b> Sociological Diagnostics of the Image of a “hero” as an Object of Social Construction in the Ideology of Youth, during a Special Military Operation.....	101

### LINGUISTICS

<b>Dreifeld O. V.</b> Pragmatic and Semantic Analysis of Anti-War Protest Utterances (on the Data of Public Opinion Discourse in the Spring of 2022 in Russia) .....	116
<b>Semenikhina M. V.</b> Images of the Moon and the Sun in the Poetry of F.H. Thompson .....	128
<b>Melnikova V. D., Ulianitckaia L. A.</b> Several Sociolinguistic Particularities of French-English Bi-Lingualism in Canada .....	143
<b>Kiseleva S. V., Trophimova N. A., Ananyeva Yu. S., Skryabina E. Yu.</b> Explicative Specificity of the Concept of “Coronavirus” for Children in the Framework of Medical Discourse .....	161
<b>Krivososov A. D.</b> On the Issue of Systematization of Modern Terminology of Advertising and Public Relations .....	173

Оригинальная статья

УДК 1(091)

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-5-16>

## Польская философия XX – начала XXI вв. глазами русского

**Анна Владимировна Бабаева**

*Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Россия,  
annabab1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-0180>*

**Введение.** В современном мире можно отметить возрастание интереса к проблемам и мыслителям, которые длительное время не были включены в классическую историю философии. В русской традиции польская философская мысль рассматривалась в узких рамках идей Н. Коперника, революционеров-демократов, представителей Львовско-Варшавской школ. Формировалось представление, что в XX в. ничего значимого и интересного польская мысль не породила. В данной работе предпринимается попытка переосмыслить отношение русского человека к польским мыслителям XX в., выделить фигуры тех, кто может восприниматься духовно близким русскому пониманию философской проблематики.

**Методология и источники.** Как в любой историко-философской работе в данной статье был использован историко-компаративистский подход. Для реализации поставленных задач были проанализированы труды польских мыслителей XX в. Л. Колаковского, Й. Бохеньского и С. Лема, которые выступили источниками этой работы.

**Результаты и обсуждение.** В русской культуре философия (любомудрие) никогда не ограничивалась только рамками академических традиций. Мысль невозможно уложить в «прокрустово ложе» четких правил и схем, тем более мысль философскую. Поэтому автор включает в круг изучения тех польских мыслителей, которые в своем творчестве стремились работать вне границ и установленных рамок. Л. Колаковский, Й. Бохеньский и С. Лем представляют необычное видение привычного мира. Они в своих трудах демонстрируют, «шутовское» видение, которое может содержаться и в философской традиции, показывают, что афоризм – квинтэссенция мысли. В произведениях Л. Колаковского, Й. Бохеньского и С. Лема можно видеть мир парадоксального мировоззрения, мир смеха над «незыблемыми» принципами, мир, заставляющий удивляться.

**Заключение.** Гротеск, оксиморон, парадокс в произведениях Л. Колаковского, Й. Бохеньского и С. Лема представляют форму философского осмысления современности. Польская мысль XX в. показывает, что философия может и должна иметь множество вариантов своего воплощения.

**Ключевые слова:** история философии, современная польская мысль, «шут и жрец» в философии, афоризм, гротеск, трикстер

**Для цитирования:** Бабаева А. В. Польская философия XX – начала XXI вв. глазами русского // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-5-16.

© Бабаева А. В., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

## Polish Philosophy of the XX – early XXI Centuries through the Eyes of the Russian

**Anna V. Babaeva**

*Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia,  
annabab1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-0180>*

**Introduction.** In the modern world we can note an increasing interest in problems and thinkers who have not been included in the classical history of philosophy for a long time. In the Russian tradition, Polish philosophical thought was considered within the narrow framework of the ideas of N. Copernicus, the revolutionary democrats, representatives of the Lviv-Warsaw schools. As a result, the impression was formed that in the 20<sup>th</sup> century Polish thought did not generate anything significant and interesting. In this work, the author made an attempt to rethink the attitude of Russian people to Polish thinkers of the 20<sup>th</sup> century to highlight the figures of those who can be perceived as spiritually close to the Russian understanding of philosophical issues. Philosophical novels and novellas have always existed in Russian culture. Russian thinkers sought to act as an artist of the word, which is not limited by academic frameworks.

**Methodology and sources.** As in any historical and philosophical work, the historical-comparative approach was used in this article. To implement the tasks set, the analysis of the works of Polish thinkers of the twentieth century L. Kolakovsky, J. Bohensky and S. Lem, who were the sources of this work, was carried out.

**Results and discussion.** In Russian culture, philosophy (love of wisdom) has never been limited only to the framework of academic traditions. It is impossible to put thought in the "Procrustean bed" of clear rules and schemes, especially philosophical thought, therefore the author includes in the circle of study Polish thinkers who in their work sought to work outside the boundaries and established frameworks. L. Kolakovsky, J. Bohensky and S. Lem represent an unusual vision of familiar concepts. They demonstrate in their works that the "buffoonish" view can be present in the philosophical tradition, that an aphorism is the quintessence of thought. In the works of L. Kolakovsky, J. Bohensky and S. Lem, one can see a world of paradoxical worldview, a world of laughter at "unshakable" principles, a world that makes one wonder. And it is with surprise, according to Aristotle, that philosophy begins.

**Conclusion.** Grotesque, oxymoron, paradox in the works of L. Kolakovsky, J. Bohensky, S. Lem represent a form of philosophical understanding of modernity. The Polish thought of the twentieth century shows that philosophy can and should have many variants of its implementation.

**Keywords:** history of philosophy, modern Polish thought, "the fool and the priest" in philosophy, aphorism, grotesque, trickster

**For citation:** Babaeva, A.V. (2023), "Polish Philosophy of the XX – early XXI Centuries through the Eyes of the Russian", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-5-16 (Russia).

Философы – это люди, которые к ключам подбирают замки.

*Станислав Лем*

**Введение.** Любой исторический обзор чаще всего строится, опираясь на знаковые имена-точки. «Историческая карта» философской мысли, казалось бы, изучена и описана вдоль и поперек, причем с разных позиций и в разные времена. На первый взгляд, найти что-то новое, не рассмотренное в рамках той или иной парадигмы, невозможно. «Белые пятна» в век цифровой цивилизации, казалось бы, априори не могут существовать. В мире,

где все прозрачно и отсутствуют границы, все тайное становится явным. Таков тренд, долгое время доминирующий в познавательной парадигме. Но если внимательно посмотреть на историю философии, мы увидим огромные пространства, наполненные «забытыми» мыслителями, вытесненными на обочину философской мысли. История философской мысли таит в себе множество неизведанного. Достаточно часто пространства неизвестного оказываются географически близки: «Лицом к лицу Лица не увидеть. Большое видится на расстоянии», – писал С. Есенин [1]. Увидеть необычное вблизи сложно. Человек в современном мире бесконечной сменяемости с трудом выделяет необычное, то, что действительно может стать событием. Для каждого, интересующегося философией, такими событиями может оказаться открытие учений, постижение идей, созвучных глубинным личным переживаниям. Двадцатый век представляет огромный пласт разнообразных философских взглядов и учений. И в этом калейдоскопе почему-то в русской традиции остается «на обочине» философия Польши. Во многом, как считает автор, это связано с господством стереотипа, что все серьезные учения могут появляться в высокоразвитых странах, таких как Германия, Франция, Великобритания. «Окраина» европейской цивилизации чаще всего не попадает в сферу интересов русских исследователей. Польша же не просто воспринимается «провинцией» Европы. В русском обществе сформировался стереотип о «братьях славянах», которые вторичны по сравнению с великой русской идеей и вторичны по сравнению с мыслителями Западной Европы. Взаимное отторжение на протяжении многовековой истории дали свои плоды. Интерес к культурам друг друга, стремление понять и принять идеи, взгляды, представления почти не развито.

Интерес к польской философской мысли долгое время был сосредоточен на узком круге проблем и мыслителей. Мировоззрение Н. Коперника, идеи польских революционеров-демократов XIX в., представители Львовско-Варшавской школы рассматривались советскими и российскими историками философской мысли [2–7]. Философская мысль XX в. практически не рассматривается, так как начинает срабатывать стереотип: Польша – экспортер культуры и философии Запада. Несмотря на то, что в последние десятилетия появляются переводы современных польских мыслителей, статьи о Польше, польской культуре и философии [8–13 и др] русское представление о польских мыслителях очень узко.

В польской культуре так же господствуют стереотипные представления о русской культуре и русской философии. «Русская мысль, по моему мнению, неинтересна, но люди восхищаются ею, как и другими экзотическими философиями, вроде китайской философии» – отмечал современный польский мыслитель Ян Воленски во Вроцлавском университете в 2008 г. [14, с. 74]. Пока преобладает «отторжение» друг друга мы многое теряем. Увидеть особенности можно только сравнивая себя с Другим. Еще один современный польский мыслитель Ян Красицкий подчеркивал: «Польская философия и русская философия нужны друг другу. Они нужны друг другу не потому, что они не могут развиваться независимо друг от друга. Они нужны друг другу – как мы это и пробовали доказать – потому, что кто мы есть, мы осознаем только во взаимном отношении. Потому что узнаем самого себя глазами Другого» [15, с. 184].

**Методология и источники.** Как в любой историко-философской работе в данной статье был использован историко-компаративистский подход. Для реализации поставленных

задач были проанализированы труды польских мыслителей XX в. Л. Колаковского, Й. Бохеньского и С. Лема, которые выступили источниками этой работы.

**Результаты и обсуждение.** В своем историческом обзоре мы выбрали среди множества интересных польских мыслителей XX в. тех, которые в чем-то близки русскому человеку. В русской культуре философия (любомудрие) никогда не ограничивалась только рамками академических традиций. К. Леонтьев писал: «Я по складу ума более живописец, чем диалектик, более художник, чем философ» [16, с. 68]. В русской культуре всегда существовали философские романы и повести. Русскому человеку, полагаем, ближе и интереснее философские притчи, чем многотомные исследования. Подобную тенденцию встречаем и в западноевропейской традиции. Мысль невозможно уложить в «прокрустово ложе» четких правил и схем, тем более мысль философскую. Что касается Польши, которая, по мнению современных исследователей, «имеет непрерывную философскую традицию около 800 лет» [17, р. 9], в ней всегда найдутся мыслители, «выходящие» за пределы четкого западного рационализма. Мифологический образ трикстера достаточно интересно отражает суть опыта философского мышления. «Если бы я делал все, как все, я не был бы философом», – цитировал Хрисиппа Диоген Лаэртский [18, с. 324]. Лев Шестов подчеркивал: «Задача философии не успокаивать, а смущать людей» [19, с. 5]. Такие представления приближают фигуру философа к фигуре трикстера. Этот образ – образ «неудобного» человека, переворачивающего все с ног на голову персонажа, разбивающего привычные представления и ожидания. Он всегда «идет по лезвию», его смех – смех сквозь слезы. Он не претендует на окончательные ответы, более того, он показывает насколько опасны могут быть догматические, единственно верные ответы.

Именно таких мыслителей мы можем встретить в XX в. в Польше. Среди множества имен польских мыслителей можно выделить несколько «фундаментально близких» русскому человеку – Й. Бохеньский, Л. Колаковский, Е. Лец.

Последнее имя может вызвать недоумение. Каким образом афоризмы Станислава Ежи Леца (польск. – *Stanisław Jerzy Lec* 1909–1966) могут считаться философией. Афоризм – квинтэссенция мысли. Намного сложнее выразить свою мысль кратко, особенно во время, когда принято много говорить, вещать с серьезным видом о глупостях. «Почему-то нам кажется, что глубина и мудрость заключаются в пессимизме и апокалиптических пророчествах» – писал Леонидас Донскис [20, с. 280]. Мы оказались в мире, где «словесный шум» закрывает чаще всего пустоту, придавая ей сущностные черты. Неслучайно У. Эко отмечал, что на смену времени, когда о недозволенном замалчивали, пришел век, когда недозволенное забалтывают. Традиционно это высказывание относят к цифровой эпохе, когда «вал» информации позволяет затеряться любому высказыванию. Но и в XX в. идеологические штампы и сленги, якобы «академизм», могли скрывать пустоту мысли. «Там, где царит внешняя власть, мышление находится под подозрением и вызывает внешнее сопротивление» [21, с. 117]. В таких условиях «Непричесанные мысли» Е. Леца [22] воспринимались и продолжают восприниматься как «глоток свежего воздуха», который «подпитывает» свободу человеческой мысли, позволяет «иметь мужество пользоваться своим умом» [23, с. 31], как выразился И. Кант в своем эссе «Что такое просвещение» в 1784 г. И совсем неважно, к какому жанру относят это произведение. Читатель, открывая книгу Е. Леца, открывает мир

парадоксального мировоззрения, мир смеха над «незыблемыми» принципами, мир, заставляющий удивляться. Меткая, к тому же ломающая стереотип рутинного мышления фраза живет порой дольше сотен страниц манускриптов или печатных изданий. Глубокая мысль в своем начале может принимать форму афоризма, шутки. Мы как-то забыли, на что обращали внимание еще античные мыслители, что высшая мудрость – философствуя, не казаться философствующим, и шуткой достигать серьезной цели.

Афоризмы Е. Леца выступают своеобразными «островками» смысла, особым пространством порождения смыслов. «Почему я пишу такие короткие фразы? Потому что мне не хватает слов!», – писал Е. Лец [22, с. 6]. Его «Непричесанные мысли» – яркий пример того, как своеобразно может реализовать себя философская мысль в определенное время: «Трагизм эпохи лучше всего передает ее смех» [22, с. 76].

Афоризмы Е. Леца – пространство свободы мышления, свободы человеческого духа. Философия стремится к свободе во все времена. «Каждый “уголок юмора” – свидетельство размеров творческой свободы своего времени» [22, с. 19]. И хотя сам Е. Лец не считал себя философом: «Какой там из меня философ? Ведь у меня нет никакой теоретической подготовки в этой области» [22, с. 3], но история философии показывает, что оригинальные идеи, идеи, которые способны изменить мировосприятие, не всегда производят специалисты с документами, подтверждающими их профессиональную подготовку. В «Непричесанных мыслях» содержится целая «россыпь» мыслей, которые являются философским взглядом на мир и его проблемы. Афоризмы Е. Леца можно рассматривать как «стартовую площадку» для рождения Мысли. Его «смех сквозь слезы» заставляет посмотреть на реальность и историю с помощью иной оптики. Во времена тотального контроля «И тусклый огонёк смутит умы. На фоне тьмы» [22, с. 16]. Е. Лец в своих афоризмах дает точную оценку не только времени, но и современному человеку: «Люди, как я заметил, предпочитают мысли, которые не заставляют мыслить» [22, с. 35]. И его сожаление: «Эх, достался б нам хоть раз. Ключ для открыванья глаз!» [22, с. 35] Афоризмы Е. Леца еще раз обращают наше внимание на необходимость принимать философскую мысль во всём многообразии ее воплощения.

Применение стратегического приема шута-трикстера можно встретить и у, казалось бы, академического мыслителя Йозефа Марии Бохеньского (польск. – *Józef Maria Bocheński* 1902–1995). В русской традиции его представляли как философа-неотомиста и логика, доминиканца, человека, который критиковал Советский Союз. Со своей стороны, советская пропаганда клеймила его как буржуазного философа, написавшего враждебные марксизму книги о диалектическом материализме. Речь шла о произведениях Й. Бохеньского «Советско-русский диалектический материализм» (1950) [24], «Догматические основы советской философии» (1959) [25], «Библиография советской философии» (1959) [26], «Марксизм-ленинизм» (1973) [27], которые и сегодня не переведены на русский язык. Из 13 работ мыслителя до настоящего времени на русский язык было переведено всего три: «Современная европейская философия» (1959) [28], «Современная европейская философия» (2000) [29], «Сто суеверий: краткий философский словарь предрассудков» (1993) [30].

В настоящее время его представляют как «человека разносторонних дарований». Чаще всего эти «дарования» демонстрируют в свете непоследовательности взглядов и эксцентричных форм поведения Й. М. Бохеньского, приводя в пример факт, что почти в 70-летнем

возрасте он получил лицензию пилота, а в завещании передал свое тело для научных исследований. Но, как отмечал сам Й. М. Бохеньский: «Богатство современной философской мысли не втискивается в такие узкие схемы» [31]. Любой оригинальный мыслитель всегда выходит за существующие схемы и рамки. За примерами экстравагантного поведения можно увидеть человека ищущего, сомневающегося, рискующего. Именно такого, который пробуждает своим примером вкус к жизни, поиск своего «Я», а не желание «быть как все». На этом пути поиска своей сущности, а также сущности всей европейской культуры можно обращаться к произведениям Й. М. Бохеньского, в которых автор ставит вечный философский вопрос – почему? И предлагает достаточно необычные варианты ответа. Пишет ли он о логике или методах современного мышления, рассматривает ли современную европейскую философию первой половины XX в. – он обращается к тихическим (от греческого *tuch* – судьба) проблемам. И это неслучайно, так как философия для Й. М. Бохеньского «наука проблем и оснований, а следовательно, радикальная наука, <...> стремящаяся в познании прийти к корням и причинам» [31]. Й. М. осознавал всю сложность и неоднозначность философской мысли, в которой не может быть простых решений, но «именно мысль меняет лицо человечества! <...> Философ, высмеиваемый в народе, такой безобидный, живущий в мире понятий, в действительности – страшная сила. Его мысль действует, как динамит» [31]. Динамитом можно считать и безобидную, на первый взгляд, книгу Й. М. Бохеньского «Сто суеверий» [30]. Этот словарь терминов, собранных автором, взрывает все привычные ориентиры европейской культуры. Он разрушает аксиоматические ценности, такие как авторитет, государство, гуманизм, демократия, патриотизм, прогресс, религия, толерантность и т. д. Автор убежден, что «человек есть *animal rationale* (рациональное животное – ред.), он не может не пользоваться своим разумом, и если он этого не делает сознательно и философски, то он делает это неосознанно и дилетантски» [30, с. 3]. Й. М. Бохеньский критикует мировоззренческие основания, которые стали стереотипами, мешающими свободно мыслить, а значит, свободно жить. Как он отмечал в предисловии, «этот словарь является «иконоборческим», ибо суевериями здесь названы взгляды, всеми почитаемые за истинные, благие, достойные, чуть не за священные, такие, например, как альтруизм и гуманизм. Да, так оно и есть. Призвание философа – в том, что он иконоборец, ниспровергатель предрассудков и суеверий. Его главная задача – свержение идолов» [30, с. 3]. Словарь «Сто суеверий» можно считать гимном свободе, которую так мечтают получить люди и одновременно которой так боятся. В предисловии Й. М. Бохеньский подчеркнул, что «дозы нелепостей, рассмотренных ниже, хватит для исцеления сознания, его прояснения, “выхода на свет”» [30, с. 4].

Стремление к иному взгляду на привычные понятия можно отметить и у Лешека Колаковского (польск. – *Leszek Kołakowski*, 1927–2009). Традиционно в наследии Л. Колаковского выделяют работы, посвященные критике марксизма. Но у любого человека множество граней. Лешек Колаковский с этой точки зрения – многогранная фигура. Именно он предложил оригинальную типологию философии, разделив всех мыслителей на жрецов и шутов. «Жречество – это не просто культ прошлого, видимый сегодняшними глазами, это также сохранение прошлого в его неизменном виде в наше время, это перерастание самого себя. Жречество, следовательно – это не только определённое интеллектуальное отношение к

миру, но определённая форма существования самого мира, а именно фактического существования уже не существующей действительности. Наоборот, шут выражает то, что является только возможностью, и она в нем становится действительным, пока не возникнет фактически» [32, с. 142].

Шут по своей сути – человек, который говорит парадоксальные вещи, переворачивает привычный мир с ног на голову. Гротеск, оксиморон, парадокс у Л. Колаковского становятся философским осмыслением происходящих событий. «Разговоры с дьяволом», «Похвала непоследовательности», «Маленькая философия повседневной жизни», «Сказки из королевства Лайлони для больших и маленьких» и другие труды мыслителя вновь демонстрируют, что философские тексты могут быть представлены не только в виде фундаментальных трудов. Юмор, абсурд во многом больше, чем серьезное исследование могут вскрывать проблемы «больного» общества. Л. Колаковский в своих трудах доводит до полного абсурда привычные «незыблемые» формы человеческих отношений. Неслучайно он отмечал: «Мы высказываемся за философию шута, то есть за отношение отрицательной бдительности по отношению к любому абсолюту, не в результате сопоставления аргументов, ибо в этих вопросах главный выбор – это оценка. Мы высказываемся за возможности вне интеллектуальных ценностей, содержащихся в позиции, грозящая опасность и абсурдность которой нам известны. Это выбор образа мира, который даёт перспективу трудного согласования в ходе нашей деятельности среди людей таких элементов, которые необычайно трудны для объединения: доброты без универсальной снисходительности, мужества без фанатизма, ума без разочарования и надежды без самообольщения. Все иные плоды философского мышления маловажны» [32, с. 142].

Л. Колаковский работает и в привычном для польской философии поле лингвистики, предлагая свой вариант «толкового словаря» понятий, которые использует активно общество в XX в., который он назвал «Большая энциклопедия философии и политических наук». Как и Й. М. Бохеньский в своем словаре «Сто суеверий», Л. Колаковский наполняет новым смыслом «избитые» понятия современной цивилизации. Разрушения Колаковский начинает с нарушения привычного алфавитного порядка, затем разрушает привычные логические законы, активно используя *circulus in definiendo* (порочный круг) в толковании понятий. Автор отмечал: «Не у всех есть время долго учить философию и политические науки. Почему бы не облегчить людям жизнь с помощью этой Большой Энциклопедии? Следует указать, что, как в каждой энциклопедии, статьи расположены в алфавитном порядке. Но это не старомодный смешной алфавит, а современный, деконструктивистский» [33, с. 81]. В «Большой энциклопедии философии и политических наук» читатель узнает, что:

«Постмодернизм – что все можно.

Деконструктивизм – что, что бы ни говорилось, все равно это ничего не значит.

Демократия – чтобы каждый считал, что правит, но все время жаловался, что мало правит.

Маркс – что бога нет, а есть люди, что все постоянно сражаются за свои деньги, но через несколько лет всем станет очень, ну прямо очень весело, потому что денег не будет вообще, а все будет по карточкам.

Историзм – что сегодня правда это, а завтра уже другое.

Метафизика – о том, что что-то есть или нет.

Физика – см. метафизика (только отними «мета»).

Релятивизм – что может быть так, а может быть сяк.

Социальная справедливость – что у тебя в наличии дефицит наличных» и т. п. [33, с. 81–83].

На первый взгляд – нелепость, но, если посмотреть сквозь призму образа Шута, тогда мы получаем классическое действие в рамках шутовского абсурда. Нелепость, которая должна заставить задуматься, с помощью смеха освободить от «идолов» человеческого рода, по-новому взглянуть на известные сюжеты и мифы европейской истории. «Чтобы жить дольше, надо сделать так, чтобы мир перестал быть скучным» [34, с. 111].

Философия шута – это философия, которая в каждую эпоху разоблачает как сомнительное то, что считается самым нерушимым, выявляет противоречия в том, что кажется очевидным и бесспорным, высмеивает очевидности здравого разума и находит смысл в абсурде – словом, берет на себя весь повседневный труд шута вместе с неизбежным риском оказаться смешным; в зависимости от места и времени мысль шута может достигать всех крайностей мысли, «ибо сегодняшние святыни вчера были парадоксами, а то, что является абсолютным в тропиках, кажется кощунством на полюсе. Современный философ, если он никогда не ощущал себя шарлатаном, мыслит настолько поверхностно, что его труды вряд ли стоит читать» [35, с. 5].

Сборник работ «Похвала непоследовательности» – еще одна грань шутовского оксимо-рона, осуществленная Лешекком Колаковским [35]. Уже содержание этого сборника погружает читателя в калейдоскоп ярких образов-парадоксов: «Этика без кодекса», «Похвала непоследовательности», «Тезисы о надежде и безнадежности» и т. д.

В предисловии к русскому изданию Л. Колаковский писал: «Скорее, они выражают убеждение, что окончательных решений нет, а мы обязаны подвергать проверке скептицизмом все общественные, моральные и эпистемологические утопии окончательного примирения. С этой целью мы должны стараться редуцировать все слова до самого простого и наиболее приближенного к опыту смысла. Возвращение к обычному значению слов, казалось бы, такое легкое, в действительности задача чрезвычайно трудная для всех нас, кого – не без нашего позволения, к сожалению, и не без соучастия – старались утопить в океанах лжи» [35, с. 3].

Философия шута реализуется и в работе «Разговоры с дьяволом», опубликованной в 1965 г. В ней Л. Колаковский «переворачивает» известные исторические сюжеты. В своей работе он представляет певца и шута, царского сына Орфея, мещанина из Данцига, известного мизантропа Артура Шопенгауэра и даже описание мифического выступления дьявола на «метафизической пресс-конференции демона в Варшаве 20 декабря 1963 года» [36, с. 81–108]. Такое ироничное представление позволяет не только посмеяться и тем самым освободиться от традиции мифа в отношении культуры и истории, но и по-новому взглянуть на известные сюжеты.

«Сказки из королевства Лайлонии для больших и маленьких» – еще одна грань представления философских проблем [34] не только в виде строгих научных рассуждений, дискуссий, но в форме сказочных, вернее, сатирических историй. В них Л. Колаковский доводит до абсурда привычные формы человеческого существования: семью, общество, государство, где «жизнь – это непрекращающаяся жесточайшая война с вещами» [34, с. 98], а

бог Мажор повелевает всем и всегда «повторять: мы очень счастливы, а если кто-то сомневается, то такого не может быть, это невозможно» [34, с. 78–79], а настоящий человек «тот, который громче кричит» [34, с. 26].

**Заключение.** Человеку всегда требуется сделать выбор, между весьма разными взглядами на философию. Если философию рассматривать только как пространство четких, однозначных понятий и ответов, процесс построения замкнутых систем, тогда все рассмотренные авторы – критики философии. Если же философию воспринимать как пространство извечных вопросов, место многообразных взглядов и мир, где всему удивляются, подрывая любое догматическое учение и одновременно критично осмысливая любой ответ, тогда эти мыслители – ярчайшие представители философского мышления, которое может и должно быть интересно.

Обращение к изучению тематики, выходящей за рамки традиционной рациональной философской традиции, можно увидеть и в современной Польше. Появление работы Я. Добровольского «Философия глупости. История того, что иррационально» [37] – яркий пример своеобразия польского философского дискурса, как и существование Интернет-проекта «Оргия мысли» [38]. Эту склонность говорить о серьезных вещах, на первый взгляд, несерьезно, можно рассматривать как очень важную составляющую методологии познания в современном мире. Ведь любая глубокая мысль может принимать форму шутки. Польская философская мысль подтверждает, что «ирония – единственная духовная форма современного мира, который уничтожил все остальные» [39, с. 86].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есенин С. А. Письмо к женщине. 1924 // Lib.ru. URL: [http://az.lib.ru/e/esenin\\_s\\_a/text\\_0300.shtml](http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_0300.shtml) (дата обращения: 21.02.2023).
2. Нарский И. С. Мировоззрение Э. Дембовского. Из истории польской философии XIX в. / под ред. И. С. Миллера. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954.
3. Осипова М. Н. Философия польского Просвещения. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
4. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: в 3 т. / ред. И. С. Миллера, И. С. Нарского. М.: Госполитиздат, 1956–1958.
5. Польские мыслители эпохи Возрождения / ред. И. С. Нарского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
6. Якушевский И. Т. Ценные признания одного из наших критиков // Вопросы философии. 1964. № 10. С. 143–147.
7. Быховский Б. Партии в философии и философский камуфляж // Коммунист. 1967. № 1. С. 122–128.
8. Дианова В. М. Творческая деятельность Мариана Здзеховского в свете его двойной идентичности // Studia Culturae. 2021. № 1 (47). С. 46–53.
9. Дианова В. М., Скочиньский Я. Г. «Славянский клуб» в Кракове: научно-просветительская деятельность в 1901–1912 гг. // Вестн. СПбГУ. Философия и конфликтология. 2020. № 36. С. 709–720. DOI: 10.21638/spbu17.2020.409.
10. Дианова В. М. Польский вопрос в трактовке российских интеллектуалов XIX – начала XX века // Философский полилог. 2019. № 2. С. 109–117. DOI: 10.31119/phlog.2019.6.7.
11. Квасков В. Н. Владислав Татаркевич и марксизм // Вестн. ВорГУ. Сер. Философия. 2011. № 2 (6). С. 113–121.
12. Татаркевич Вл. История философии. Античная и средневековая философия / пер. с польск. В. Н. Кваскова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000.

13. Марков Б. В. Образ современности в работах российских и польских философов // *Studia Culturae*. 2013. № 16. С. 94–107.
14. Wolenski J. *Historico-philosophical Essays*. Vol. 1. Cracow: Copernicus Press, 2013.
15. Красицкий Я. Польская и русская философия глазами друг друга // *Вестн. русской христианской гуман. акад.* 2014. Т. 15, № 1. С. 173–187.
16. Леонтьев К. Н. *Избранные письма 1854–1891*. СПб.: Пушкинский фонд, 2017.
17. Skoczyński J., Woleński J. *Historia filozofii polskiej*. Kraków: Wydawnictwo, 2010.
18. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступит. ст. А. Ф. Лосева; пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979.
19. Шестов Л. *Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления*. М.: АСТ, 2004.
20. Бауман З., Донскис Л. *Текущее зло. Жизнь в мире, где нет альтернатив* / пер. с англ. А. И. Самариной. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.
21. Дьюи Д. *Свобода и культура* / пер. с англ. Л. Машковского. London: Overseas publications interchange, 1968.
22. Ежи Лец С. *Непричесанные мысли* / пер. с польск. М. Малькова. СПб.: Академ. проект, 1999.
23. Кант И. *Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8.* / пер. Ц. Г. Арзаканьяна. М.: Чоро, 1994.
24. Bochenski J. M. *Der sowjetrussische dialektische Materialismus*. Bern: Francke, 1950.
25. Bochenski J. M. *Die Dogmatischen Grundlagen der Sowjetischen Philosophie*. Dordrecht: Reidel, 1959.
26. *Bibliographie der sowjetischen Philosophie* / J. M. Bochenski (ed.). Dordrecht: Reidel, 1959.
27. Bochenski J. M. *Marxismus-Leninismus. Wissenschaft oder Glaube*. München: Günter Olzog Verlag, 1973.
28. Бохенский И. М. *Современная европейская философия* / сокр. пер. с англ. В. В. Мшвениерадзе, М. К. Мамардашвили. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.
29. Бохенский Ю. М. *Современная европейская философия* / пер. М. Н. Грецкого. М.: Научный мир, 2000.
30. Бохенский Ю. *Сто суеверий: краткий философский словарь предрассудков* / пер. с польск. М. М. Гуренко. М.: Прогресс, 1993.
31. Бохенский Ю. М. *Современная европейская философия (первой половины XX века)*, 1951. URL: <http://www.rodon.org/byu/sef.htm> (дата обращения: 27.12.2022).
32. Колаковский Л. Жрец и шут: Размышления о теологическом наследии современного мышления // *Политическая концептология*. 2018. № 1. С. 126–142. DOI: 10.23683/2218-5518.2018.1.126142.
33. Колаковский Л. *Большая энциклопедия философии и политических наук* / пер. С. Политыко // *Новая Польша*, 2012. № 9. С. 81–83.
34. Колаковский Л. *Сказки из королевства Лайлонии для больших и маленьких* / пер. с польск. СПб.: Jaromir Hladik press, 2021.
35. Колаковский Л. *Похвала непоследовательности* / пер. с польск. В. Кольцова. Firenze: Edizioni Aurora, 1974.
36. Колаковский Л. *Разговоры с дьяволом* / пер. Ю. Чайникова. СПб.: Jaromir Hladik press, 2019.
37. Добровольский Я. *Философия глупости. История того, что иррационально* / пер. с польск. Харьков: Гуманитарный Центр, 2014.
38. URL: <http://www.mysl-polska.pl> (дата обращения: 21.10.2023).
39. Бодрийяр Ж. *Совершенное преступление. Заговор искусства* / пер. с фр. А. В. Качалова. М.: РИПОЛ-классик, 2023.

### **Информация об авторе.**

**Бабаева Анна Владимировна** – доктор философских наук (2002), профессор кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных техноло-

гий, пр. Революции, д. 19, г. Воронеж, 394036, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, философия культуры, история и философия повседневности, история философии славянских стран.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 28.01.2023; принята после рецензирования 15.03.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.

## REFERENCES

1. Esenin, S.A. (1924), "Letter to a Woman", *Lib.ru*, URL: [http://az.lib.ru/e/esenin\\_s\\_a/text\\_0300.shtml](http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_0300.shtml) (accessed 21.02.2023).
2. Narskii, I.S. (1954), *Mirovozzrenie E. Dembovskogo. Iz istorii pol'skoi filosofii XIX v.* [Worldview of E. Dembovsky. From the history of Polish philosophy of the 19th century], Miller, I.S. (ed.). Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, USSR.
3. Osipova, M.N. (1961), *Filosofiya pol'skogo Prosveshcheniya* [Philosophy of the Polish Enlightenment], Izd-vo AN SSSR, Moscow, USSR.
4. *Izbrannye proizvedeniya progressivnykh pol'skikh myslitelei* [Selected works of progressive Polish thinkers] (1956-1958), in 3 vol., Miller, I.S. and Narskogo, I.S. (eds.), Gospolitizdat, Moscow, USSR.
5. *Pol'skie mysliteli epokhi Vozrozhdeniya* [Polish thinkers of the Renaissance] (1960), Narskii, I.S. (ed.), Izd-vo Akad. Nauk, Moscow, USSR.
6. Yakushevskii, I.T. (1964), "Valuable confessions of one of our critics", *Voprosy Filosofii*, no. 10, pp. 143–147.
7. Bykhovskii, B. (1967), "Parties in philosophy and philosophical camouflage", *Kommunist*, no. 1, pp. 122–128.
8. Dianova, V.M. (2021), "Creative activity of Marian Zdzekhovsky in the light of his dual identity", *Studia Culturae*, no. 1 (47), pp. 46–53.
9. Dianova, V.M. and Skoczynski, Ya.H. (2021), "Slavic club in Krakow": Scientific-educational work in 1901-1912", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Philosophy and Conflict Studies*, no. 36, pp. 709–720. DOI: 10.21638/spbu17.2020.409.
10. Dianova, V.M. (2019), "The Polish Question in the Interpretation of Russian Intellectuals of the 19th – early 20th Centuries", *Philosophical Polylogue*, no. 2, pp. 109–117. DOI: 10.31119/phlog.2019.6.7.
11. Kvaskov, V.N. (2011), "Vladislav Tatarkevich and Marxism", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser.: Philosophy*, no. 2 (6), pp. 113–121.
12. Tatarkevich, Wl. (2000), *Historia Filozofii. Filozofia starozytna i sredniowieczna*, Transl. by Kvaskov, V.N., Izd-vo Perm. un-ta, Perm, RUS.
13. Markov, B.V. (2013), "The image of modernity in the works of Russian and Polish philosophers", *Studia Culturae*, no. 16, pp. 94–107.
14. Wolenski, J. (2013), *Historico-philosophical Essays*, vol. 1, Copernicus Press, Cracow, POL.
15. Krasitsky, Y. (2014), "Polish and Russian philosophy eyed each other", *Review of the Russian Christian academy for the humanities*, vol. 15, no. 1, pp. 173–187.
16. Leont'ev, K.N. (2017), *Izbrannye pis'ma 1854–1891* [Selected letters 1854–1891], Pushkinskii fond, SPb., RUS.
17. Skoczyński, J. and Woleński, J. (2010), *Historia filozofii polskiej*, Wydawnictwo, Kraków, POL.
18. Losev, A.F. (ed.) (1979), *Diogenes Laertius. Lives of Eminent Philosophers*, Transl. by Gasparov, M.L., Mysl', Moscow, USSR.
19. Shestov, L. (2004), *Apofeoz bespochvennosti. Opyt adogmaticheskogo myshleniya* [The apotheosis of groundlessness. Experience of adogmatic thinking], AST, Moscow, RUS.
20. Bauman, Z. and Donskis, L. (2019), *Liquid Evil*, Transl. by Samarina, A.I., Izd-vo Ivana Limbakha, SPb., RUS.
21. Dewey, Jo. (1968), *Freedom and Culture*, Transl. by Mashkovskii, L., Overseas publications interchange, London, UK.

22. Jerzy Lec, S. (1999), *Mysli nieuczestane*, Transl. by Mal'kov, M., Akadem. proekt, SPb., RUS.
23. Kant, I. (1994), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 8 vol., Transl. by Arzakan'yan, Ts.G., vol. 8, Choro, Moscow, RUS, pp. 29–37.
24. Bochenski, J.M. (1950), *Der sowjetrussische dialektische Materialismus*, Francke, Bern, CHE.
25. Bochenski, J.M. (1959), *Die Dogmatischen Grundlagen der Sowjetischen Philosophie*, Reidel, Dordrecht, ND.
26. Bochenski, J.M. (ed.) (1959), *Bibliographie der sowjetischen Philosophie*, Reidel, Dordrecht, ND.
27. Bochenski, J.M. (1973), *Marxismus-Leninismus. Wissenschaft oder Glaube*, Günter Olzog Verlag, München, DDR.
28. Bochenski, J.M. (1959), *Contemporary European Philosophy*, Transl. by Mshvenieradze, V.V. and Mamardashvili, M.K., Izd-vo inostrannoi literatury, Moscow, USSR.
29. Bochenski, J.M. (2000), *Contemporary European Philosophy*, Transl. by Gretsii, M.N., Nauchnyi mir, Moscow, RUS.
30. Bochenski, J.M. (1993), *Sto Zabobonów. Krótki filozoficzny słownik zabobonów*, Transl. by Gurenko, M.M., Progress, Moscow, RUS.
31. Bochenski, J.M. (1951), *Sovremennaya evropeiskaya filosofiya (pervoi poloviny KhKh veka)* [Modern European philosophy (first half of the twentieth century)], available at: <http://www.rodon.org/byu/sef.htm> (accessed 27.12.2022).
32. Kolakowski, L. (2018), "Priest and Fool: reflections on the theological heritage of modern thinking", *The Political Conceptology: J. of Metadisciplinary research*, no. 1, pp. 126–142. DOI: 10.23683/2218-5518.2018.1.126142.
33. Kolakowski, L. (2012), "Great Encyclopedia of Philosophy and Political Science", Transl. by Polityko, S., *Novaya Polsha* [New Poland], no. 9, pp. 81–83.
34. Kolakowski, L. (2021), *Bajki z krolestwa Lailonii dla duzych i malych*, Transl., Jaromir Hladik press, SPb., RUS.
35. Kolakowski, L. (1974), *Pochwala Niekonsekwencji*, Transl. by Kol'tsov, V., Edizioni Aurora, Firenze, ITA.
36. Kolakowski, L. (2019), *Rozmowy z Diabłem*, Transl. by Chainikov, Yu., Jaromir Hladik press, SPb., RUS.
37. Dobrowolski, J. (2014), *Filozofia głupoty. Historia i aktualność sensu tego, co irracjonalne*, Transl., izd-vo "Gumanitarnyi Tsentr", Kharkov, UKR.
38. Available at: <http://www.mysl-polska.pl> (accessed 21.10.2023).
39. Baudrillard, J. (2023), *Le Crime Parfait. Le Complot de L'art*, Transl. by Kachalov, A.V., RIPOL klassik, Moscow, RUS.

#### **Information about the author.**

**Anna V. Babaeva** – Dr. Sci. (Philosophy, 2002), Professor at the Department of Philosophy and stories, Voronezh State University of Engineering Technologies, 19 Revolyutsii ave., Voronezh 394036, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, philosophy of culture, history and philosophy of everyday life, history of philosophy of Slavic countries.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.*

*Received 28.01.2023; adopted after review 15.03.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 141.4  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-17-28>

## Марксизм и религия: от атеистических предрассудков к научному подходу

**Юрий Викторович Лоскутов**

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,  
yuri-loskutov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4678-3357>*

**Введение.** В свете марксистской социальной онтологии выявляется теоретическая несостоятельность марксистского атеизма.

**Методология и источники.** Противоречия между двумя указанными аспектами марксизма рассматриваются в контексте работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Р. Люксембург, а также ряда современных философов-материалистов. Марксистская философия анализируется в постпозитивистском ключе как совокупность научно-исследовательских программ, в рамках которых атеизм следует рассматривать как не-обязательный, гипотетический элемент их «защитного пояса».

**Результаты и обсуждение.** Марксистская социальная онтология, имеющая коммунистический характер, и марксистский атеизм, опирающийся на буржуазное фейербахианское мировоззрение, не могут сосуществовать в «твердом ядре» марксистских научно-исследовательских программ. Материалистическая диалектика разоблачает буржуазно-просветительскую идею всемогущества человеческого разума, на которой основано убеждение К. Маркса в том, что «сознательный планомерный контроль» над общественным производством упразднит религию. Научный атеизм невозможен так же, как и научный теизм, ибо представления о Боге не поддаются однозначному научному определению из-за их апофатического аспекта, который, помимо прочего, не дает оснований приписать аутентичное христианское богословие к идеалистической философии. Общественно-историческая практика не подтверждает превосходства атеистического мировоззрения над религиозным. Отказ от перманентного неприятия религии вытекает из марксистского требования конкретно-исторического подхода к надстроечным социальным явлениям. Общая философско-антропологическая основа научного анализа различных мировоззрений позволяет конструктивно налаживать как межконфессиональный диалог, так и диалог между атеистами и верующими.

**Заключение.** В мире превращенных общественных форм понятие факта радикально проблематизируется, что ставит под вопрос атеистическую критику религии по линии «иллюзии или реальность». Пока вопрос о подлинной человеческой реальности не решен практически, объективная критика различных конкретно-исторических проявлений религии и атеизма возможна в масштабах научно-исследовательских программ только с помощью параметра «гуманно или негуманно», т. е. с помощью анализа влияния того или иного мировоззрения на развитие живых человеческих индивидов и сущностных сил человека.

**Ключевые слова:** марксизм, религия, атеизм, научно-исследовательская программа, общественно-историческая практика

© Лоскутов Ю. В., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

---

**Для цитирования:** Лоскутов Ю. В. Марксизм и религия: от атеистических предрассудков к научному подходу // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 17–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-17-28.

---

Original paper

## Marxism and Religion: from Atheistic Prejudice to Scientific Approach

**Yuri V. Loskutov**

*Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia,  
annabab1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-0180>*

**Introduction.** In the light of Marxist social ontology, the theoretical inconsistency of Marxist atheism is revealed.

**Methodology and sources.** The contradictions between these two aspects of Marxism are examined in the context of the works of K. Marx, F. Engels, V.I. Lenin, R. Luxemburg, and a number of contemporary materialist philosophers. Marxist philosophy is analyzed in a post-positivist key as a set of research programs within which atheism should be seen as an optional, hypothetical element of their “protective belt”.

**Results and discussion.** Marxist social ontology, which has a communist character, and Marxist atheism, which is based on the bourgeois Feuerbachian worldview, cannot coexist in the “solid core” of Marxist research programs. Materialist dialectics exposes the bourgeois-enlightenment idea of the omnipotence of human reason, on which Marx's conviction that “conscious planned control” of social production will abolish religion is based. Scientific atheism is just as impossible as scientific theism, because ideas about God do not lend themselves to an unambiguous scientific definition due to their apophatic aspect (which, among other things, does not allow for attributing authentic Christian theology to idealist philosophy). Socio-historical practice does not confirm the superiority of the atheistic worldview over the religious one. The rejection of permanent resistance to religion follows from the Marxist requirement of a concrete-historical approach to superstructural social phenomena. The general philosophical and anthropological basis of scientific analysis of different worldviews makes it possible to constructively engage in interfaith dialogue as well as dialogue between atheists and believers.

**Conclusion.** In a world of transformed social forms, the concept of fact is radically problematized. And this calls into question the atheistic critique of religion along the lines of “illusion or reality”. As long as the question of authentic human reality is not resolved in practical terms, an objective critique of the various concrete-historical manifestations of religion and atheism is possible on the scale of research programs only through the parameter “humane or inhumane”, that is, through an analysis of the impact of this or that worldview on the development of living human individuals and the essential human forces.

**Keywords:** Marxism, religion, atheism, research program, social-historical practice

**For citation:** Loskutov, Yu.V. (2023), “Marxism and Religion: from Atheistic Prejudice to Scientific Approach”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 17–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-17-28 (Russia).

---

**Введение.** Целью данной статьи является критика марксистского атеизма с марксистской же точки зрения. Такая критика в среде философов-марксистов до сих пор была весьма фрагментарной, но здесь она систематизируется, и к ней добавляются новые аргументы. Марксистский атеизм – наверное, самая слабая сторона марксистской философии, едва ли выдерживающая проверку общественно-исторической практикой и плохо сочетающаяся с

другими, сильными сторонами этой философии и прежде всего с социальной онтологией Карла Маркса. Вместе с тем марксистская философия обладает большим теоретическим потенциалом для развертывания научно-исследовательских программ, направленных на социально-онтологическое изучение религии, но этот потенциал не может быть реализован до тех пор, пока те или иные атеистические предрассудки оказывают существенное влияние на марксистский теоретический дискурс.

**Методология и источники.** Поскольку религия «четко не определена в марксистских трудах» [1, р. 309], постольку уместно обратиться к точке зрения близкого к марксизму Э. Фромма, который определяет религию как «всякую систему идей, ценностей и образцов поведения, которая принимается определенной группой и дает каждому в отдельности жизненные ориентиры и объект поклонения» [2, с. 206]. Это определение может показаться широким, но оно верно постольку, поскольку традиционное понимание религии, связывающее ее с особым культом и определенными представлениями о потустороннем мире, на самом деле является узким в условиях действительного разнообразия религиозности современного общества.

Противоречия между марксистским атеизмом и марксистской социальной онтологией необходимо рассматривать в контексте классических работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В постсоветскую эпоху исчез советский идеологический «канон» материалистического рассмотрения религиозной проблематики, чем и воспользовались такие интересные философы-материалисты, как С. В. Поросенков, А. А. Коряковцев, К. Н. Любутин, А. С. Попов, Г. Д. Левин и др. Среди зарубежных марксистов XX в. наибольший вклад в становление перспективной марксистской онтологии религии внесли Р. Люксембург и Р. Гароди. Для верификации тех или иных философских и религиоведческих суждений о содержании религии следует обратиться к религиозным и религиозно-философским текстам, например, к патристике.

Поскольку марксистский атеизм претендует на научность (в советской идеологии даже распространился термин «научный атеизм»), постольку имеет смысл в качестве дополнительного подхода обратиться к современному варианту философии науки – постпозитивизму – и прежде всего к концепции И. Лакатоса. Если представлять марксистскую философию в постпозитивистском ключе как совокупность научно-исследовательских программ, то атеизм обычно рассматривается как неотъемлемая принадлежность «твердого ядра» этих программ, напоминающего, согласно ленинской метафоре, «целостный кусок стали» [3, с. 56]. Судя по всему, так считали и классики марксизма. Тем не менее это неверная точка зрения: атеизм следует рассматривать всего лишь как возникший в качестве временной, рабочей гипотезы, необязательный элемент «защитного пояса» марксистских исследовательских программ, причем как такой элемент, который в обозримом будущем рискует выпасть даже из этого «защитного пояса». Конечно, марксист может быть атеистом, но такая его мировоззренческая позиция постепенно утрачивает концептуальную связь с марксистской теорией. Чтобы в дальнейшем иметь возможность успешно защищать «твердое ядро» марксистской философии, требуется марксистская же критическая рефлексия над марксистским атеизмом. Такая теоретическая самокритика разделяется здесь на четыре основных аспекта.

### Результаты и обсуждение.

1. *Шаткая фейербахианская основа.* К. Маркс выводит свои представления о религии из следующей идеи Л. Фейербаха: «Бог есть откровение внутренней сути человека. <...> Прежде чем искать свою сущность в себе, человек полагает ее вне себя. Свою собственную сущность он сначала объективирует в качестве другой сущности» [4, с. 33]. (Между прочим, Л. Фейербах в своих рассуждениях о религии игнорирует апофатическое богословие [5, с. 142], приоритетное для аутентичного христианства [6, с. 749]). К. Маркс заявляет, что на этом «критика религии по существу окончена» [7, с. 414], и что человек «не пожелает больше находить только видимость самого себя, только не-человека – там, где он ищет и должен искать свою истинную действительность» [7, с. 414].

Критика религии служит Марксу отправной точкой для критики общества в целом: «Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. <...> Религия есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого» [7, с. 415]. Но что означают «действительное счастье», «двигаться вокруг себя самого», «отказ от такого положения, которое нуждается в иллюзиях»? В дальнейшем К. Маркс и Ф. Энгельс проясняют их смысл, провозглашая стратегию реального гуманизма [8, с. 7], которая резюмируется Марксом следующим образом: «Коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, то есть человеческому» [9, с. 116].

Но столь ли бесспорно фейербахианское понимание религии, служащее отправным пунктом для развертывания марксистского атеизма? В «Тезисах о Фейербахе», послуживших «зародышем» последующей марксистской социальной онтологии, К. Маркс справедливо отмечает, что «Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений. Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным <...> абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство обособленно и предположить абстрактного – изолированного – человеческого индивида. <...> Поэтому Фейербах не видит, что “религиозное чувство” само есть общественный продукт, и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, в действительности принадлежит к определенной общественной форме. <...> Самое большее, чего достигает созерцательный материализм <...> – это созерцание им отдельных индивидов в “гражданском обществе”» [10, с. 3]. Здесь Маркс недвусмысленно заявляет, что Фейербах исходит из рассмотрения «изолированного», «атомизированного» индивида – рассмотрения, типичного для либеральной и радикальной мысли буржуазного «гражданского общества». В этом смысле Фейербах – буржуазный философ (каковым он традиционно и считается), пусть и стремящийся преодолеть границы своей буржуазности. Спор Фейербаха с религией – это спор буржуа.

С точки зрения марксовой социальной онтологии, ни о каком противостоянии реальности иллюзиям в рамках фейербаховского атеизма не может быть и речи, так как либеральный или даже радикальный буржуа в своей деятельности охвачен различными превратными (превращенными) общественными формами, и потому его сознание переполнено иллюзиями, в том числе иллюзиями атеистического характера. В мире превратных форм понятие факта радикально проблематизируется [11, с. 154], что ставит под большой вопрос критику религии по линии «иллюзии или реальность». То, что буржуазные государство и общество, пронизанные разнообразными превратными формами, одновременно рождают из себя непременно превратную религию и почему-то непременно непревратный атеизм – это всего лишь марксово произвольное допущение, странно выглядящее на фоне социальной онтологии Маркса. Последняя опирается на точку зрения пролетариата, помогая ему преодолеть его бедствия с помощью стратегии реального гуманизма, в то время как марксов атеизм опирается на фейербаховскую мировоззренческую точку зрения, которая является буржуазной и потому антагонистически противостоящей стратегии реального гуманизма, коммунистической по своей сути. Уже из такой «классовой несовместимости» видно, что марксистская социальная онтология и марксистский атеизм не могут сосуществовать в «твердом ядре» марксистских научно-исследовательских программ. Выбор между ними необходимо сделать в пользу социальной онтологии, как более зрелого и научно обоснованного учения.

*2. Влияние буржуазно-просвещенческой иллюзии всемогущества человеческого разума.*

К. Маркс в «Капитале» заявляет: «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, то есть материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем» [12, с. 90]. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» также поддерживает эту идею: «Когда общество, взяв во владение всю совокупность средств производства и планомерно управляя ими, освободит этим путем себя и всех своих членов от того рабства, в котором ныне их держат ими же самими произведенные, но противостоящие им в качестве непреодолимой чуждой силы, средства производства, когда, следовательно, человек будет не только предполагать, но и располагать, – лишь тогда исчезнет последняя чуждая сила, которая до сих пор еще отражается в религии, а вместе с тем исчезнет и само религиозное отражение, по той простой причине, что тогда уже нечего будет отражать» [13, с. 330].

Сегодня такая точка зрения развивается и дополняется некоторыми философами-материалистами. Так, Г. Д. Левин усматривает перспективы конца религии в грядущих успехах медицинских технологий [14, с. 148]. А. А. Коряковцев и К. Н. Любутин полагают, что «труд создал человека, но суть дела заключается в том, что человека “создал” именно отчужденный труд. Человек был именно “создан” своим собственным трудом как будто стоящей над ним сверхъестественной силой, богом. Акт творения в обоих случаях – это акт насилия над человеком, поскольку протекал помимо его сознательной воли. Здесь не человек господствовал над творимым миром, а напротив, творимый мир господствовал над ним как случайный и стихийно развивающийся» [15, с. 92]. В связи с этим А. А. Коряковцев и К. Н. Лю-

бутин заявляют, что религиозные представления о чудесах – это «желание избежать труда, <...> но так, чтобы сохранились его результаты» [16, с. 252], и о том, что производительная деятельность вкупе с познанием, с одной стороны, и религиозные чудеса, с другой, взаимно исключают друг друга [16, с. 260].

Тем не менее представление о том, что «сознательный планомерный контроль» над общественным производством должен непременно порождать «прозрачные и разумные связи» человека с природой и людей между собой, является очередным произвольным допущением К. Маркса, которое базируется на буржуазно-просвещенческой иллюзии – на идее всевластия человеческого разума, осуществляющего полный контроль над объективной реальностью. Однако именно марксизм показал, что объективная реальность природы и общества всегда сложнее, интереснее и непредсказуемее, нежели самые изощренные интеллектуальные построения. Человек, обитая в бесконечной реальности, обладая бесконечными потенциалами собственного развития, не вправе ожидать того, что в один прекрасный момент он достигнет полностью «прозрачного» и полностью «разумного» контроля над Вселенной – даже если, действительно, полностью уйдет в прошлое отчужденная трудовая деятельность. Дело в том, что, благодаря решению одних социальных и экзистенциальных проблем (пусть даже с помощью «сознательного планомерного контроля»), неизбежно будут возникать другие, еще более сложные, проблемы, не решаемые старыми общественными средствами, и потому выступающие для людей (пусть даже и временно, но надолго – может быть, дольше, чем на время жизни одного поколения) в качестве «непреодолимой чуждой силы». Такова диалектика развития человечества, и марксисты должны с ней согласиться, если они не хотят покинуть твердую почву своего социального учения. Поскольку условие «прозрачности», поставленное самим Марксом, никогда не будет выполнено в земной человеческой истории, постольку религия не упразднится даже при коммунизме.

*3. Невозможность научного атеизма.* В отличие от научного социально-онтологического подхода к религии как общественному явлению, научный атеизм в принципе невозможен, равно как невозможен и научный теизм. Дело в том, что наука всегда основана на корректных определениях понятий, но представления о Боге (как бы к ним ни относиться – положительно или отрицательно) однозначному определению не поддаются из-за их апофатического аспекта. С точки зрения аутентичного христианства сущность Бога рационально не постижима и словесно не выразима [6, с. 759], что делает невозможным любое научное оперирование представлениями об этой сущности как таковыми.

Соответственно, так же невозможны методологический атеизм и методологический теизм, ибо любая научная методология, будучи частью науки, с необходимостью дает определения своим понятиям. Добросовестному ученому требуется владение не методологическим атеизмом (который невозможен), а методологическим материализмом. При этом даже из доказанных материалистических философских тезисов не следуют ни атеистические, ни религиозные выводы. Дело в том, что категориальная пара «теизм–атеизм» серьезно отличается от категориальной пары «идеализм–материализм». Вопреки распространенному в марксизме предрассудку, согласно которому борьба с религией – это «азбука всего материализма» [17, с. 418], в истории не только частных наук, но и философии встречались различные сочетания теизма с материализмом (молодой И. Кант, М. В. Ломоносов, Г. С. Батищев

и т. д.). Вопреки другому популярному среди марксистов предрассудку, согласно которому «религия – одно из проявлений идеализма» [3, с. 57], аутентичное христианское богословие не вмещается в «прокрустово ложе» философской классификации. Трактат «О мистическом богословии» из цикла «Ареопагитики» отчетливо заявляет: «Ничем из умственного не является, превосходя его, Причина всего умственного. Далее восходя, говорим, что Она – не душа, не ум; ни воображения, или мнения, или слова, или разумения Она не имеет; и Она не есть ни слово, ни мысль. <...> Она не есть дух в известном нам смысле» [6, с. 759]. Таким образом, аутентичное христианское богословие не является философским идеализмом, и потому марксистская философская критика в адрес идеализма не затрагивает это богословие вообще. Вместе с тем последнее не является и философским материализмом, так как Бог не является «ничем из чувственного» и «не есть тело; не имеет ни образа, ни вида, ни качества или количества, или величины» [6, с. 757]. Строго говоря, богословие и не обязано быть философией, не обязано укладываться в рамки основного вопроса последней – это разные и не всегда пересекающиеся формы общественного сознания.

Из невозможности как «научного теизма», так и «научного атеизма» необходимо следует вывод, что, как верно указывает Г. Д. Левин, научное знание не подтверждает и не исключает религиозную веру [18, с. 85].

*4. Неоднозначные результаты общественно-исторической практики применения атеизма.* К. Маркс справедливо указывал, что «вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос» [10, с. 1]. Так подтверждает ли общественно-историческая практика правоту буржуазного или марксистского атеизма? В общем и целом не подтверждает.

Так, оказалось, что Ф. Энгельс ошибался, когда считал необратимым процесс распространения радикальной секуляризации, начало которому положила европейская либеральная и радикальная буржуазия, и благодаря которому, по мнению Энгельса, «христианство вступило в свою последнюю стадию» [19, с. 315]. Аналогично несостоятельным оказалось и объявление Энгельсом теоретического конца религиозного мировоззрения, который, дескать, наступил в XIX в. под влиянием успехов естествознания [20, с. 639].

Атеистическое мировоззрение не доказало своего практического превосходства над религиозным. Если рассматривать страны, где правит капитал, то атеизм сегодня господствует в духовной жизни Западной и Центральной Европы, но лидером «западного мира» при этом является весьма религиозная страна – Соединенные Штаты Америки [21, р. 9–10]. Да, атеисты построили процветающее сегодня социалистическое государство – Китайскую Народную Республику, но атеисты же (точнее, люди, с детства воспитанные в атеизме) разрушили другое процветающее социалистическое государство – Советский Союз. В свое время Ф. Энгельс проницательно предупреждал Э. Бернштейна: «Атеизм как голое отрицание религии, ссылающийся постоянно на религию, сам по себе без нее ничего не представляет и поэтому сам еще является религией» [22, с. 161]. Это и случилось в СССР – подобная форма атеизма проявила себя в качестве массовой религии. Разумеется, не всякий атеизм таков (нередко он, напротив, является формой критической философской рефлексии), но атеизм в форме религии закономерно порождает своих воинствующих и нередко деструктивно настроенных клерикалов...

Молодой Маркс считал снятие религии (наряду со снятием частной собственности) обязательным условием становления «положительного гуманизма» [9, с. 169]. Однако был ли Маркс в этом прав? Является ли действительный исторический крах попыток снятия религии одновременно и крахом реального (положительного) гуманизма? К счастью, нет! Дело в том, что и христианство, и марксизм ставят совершенствование человека в центр своего внимания. Согласно православной патристике, совершенный Бог и совершенный человек Христос освятил всю человеческую природу [23], и потому христоцентризм – это в некотором смысле антропоцентризм.

После рассмотрения четырех аспектов марксистской самокритики, касающейся исследования религиозной проблематики, возникает закономерный вопрос: каким должно быть такое отношение марксизма к религии, которое могло бы ликвидировать перечисленные недостатки?

Прежде всего следует обратить внимание на то, что отказ от перманентного неприятия религии, популярного среди «красных» идеологов, ясно вытекает из марксистского требования конкретно-исторического подхода к надстроечным социальным явлениям. В свете марксистской социальной онтологии рассмотрение религии «приобретает конкретно-исторический характер, обусловленный различными общественными структурами и обстоятельствами, и потому всегда нуждается в специальной, дифференцированной оценке не по линии “всегда хорошо” или “всегда плохо”» [24].

Собственно, критика религии, которая основана не на буржуазных идеях Просвещения или фейербахианства, а на социальной онтологии К. Маркса, некоторыми марксистами уже давно начата. И здесь прежде всего стоит вспомнить Розу Люксембург, которая в своей статье «Социализм и церкви» провозгласила цели социал-демократии действительным практическим осуществлением исконных христианских идеалов, обвинила современных ей церковных деятелей в разрыве с аутентичной христианской традицией, а также обильно и с сочувствием процитировала коммунистические проповеди великого святителя Иоанна Златоуста, великого святителя Василия и святителя Григория Двоеслова, демонстрируя, пожалуй, наилучшее знание патристики из всех ведущих марксистов. При этом в своей статье Р. Люксембург отнюдь не отошла от марксистского социально-онтологического анализа – она усмотрела слабость первоначального христианского коммунизма в том, что он был коммунизмом потребления, а не коммунизмом производства [25]. Р. Гароди верно отмечал, что «тезис, согласно которому религия во все времена и повсюду отвлекает человека от активного действия, от труда и от борьбы, находится в очевидном противоречии с исторической действительностью» [26, с. 85]. И даже последовательный марксистский атеист А. Д. Сухов вынужден признать: «Бывает и так, что за религиозным оформлением скрыто намерение обновить общество, а за светским, напротив, – сохранить отжившее. Под религиозной оболочкой может таиться и социалистическое содержание» [3, с. 55]. Таким образом, в марксистском дискурсе закономерно происходят отдельные «сдвиги от критики религии как таковой к формам антиклерикализма, которые иногда кажутся более заинтересованными в очищении религии» [1, р. 318].

Э. Фромм так обозначает философско-антропологические критерии анализа (и одновременно оценки) причинно-следственных связей, генерируемых той или иной религией:

«В известных нам формах религиозное чувство может многократно усиливать способность любить и ненавидеть, создавать и разрушать, властвовать, подчиняться или проявлять солидарность: таким образом, оно либо препятствует, либо способствует разрыванию духовных сил личности. Носители определенных убеждений могут считать свои взгляды религиозными или атеистическими, они могут думать, что вообще не верят в потусторонние силы, видя перед собой вполне реальные цели (власть, деньги, успех), не имеющие никакой символической функции. Но ведь вопрос состоит не в том, религия это или нет. Вопрос стоит иначе: какую форму религии они исповедуют? Та ли это форма, которая стимулирует развитие человеческой личности и реализацию собственно человеческих сил и способностей, или она парализует духовность и препятствует индивиду в его самовыражении?» [2, с. 206–207].

Общая философско-антропологическая основа научного анализа различных мировоззрений позволяет конструктивно налаживать как межконфессиональный диалог, так и диалог между атеистами и верующими. Тем более, что во взаимоотношениях теизма и атеизма сегодня происходит не только «содержательное противопоставление и взаимное отрицание, но и взаимополагание, неявное воспроизведение друг в друге» [27, с. 566]. Можно и нужно рассматривать мировоззренческие «точки пересечения» марксистской философии с той или иной религией. Например, множество таких «точек» прослеживается в соотношении философии марксизма и православной патристики, что позволяет констатировать принципиальную совместимость марксистской философии в различных аспектах ее «твердого ядра» с аутентичным православным мировоззрением в рамках единого культурного пространства [28].

**Заключение.** Подводя итог, следует отметить, что традиционный марксистский атеизм основан на ряде произвольных (и притом неверных) допущений. Марксистская наука должна избавляться от его ненаучного, сугубо идеологического наследия, если она желает сохранить и укрепить «твердое ядро» своей теории. Марксистам следует более тонко подходить к проблеме религии, им нужно заменить нетерпимый, «воинствующий» атеизм на научно обоснованную светскость, допускающую сосуществование различных – как атеистических, так и религиозных – мировоззренческих подходов в рамках общей стратегии реального гуманизма.

Критика в адрес той или иной религии со стороны атеизма по линии «иллюзии или реальность» чрезвычайно проблематична в мире, где господствуют превратные общественные формы. Вместе с тем нахождение истинных мировоззренческих фактов не является неразрешимой проблемой, так как фундаментальным критерием истины выступает общественно-историческая практика. Соответственно, пока вопрос о подлинной человеческой реальности не решен в практической плоскости (а он далек от решения не только на практике, но и в теории), объективная критика различных конкретно-исторических проявлений религии, равно как и объективная критика атеизма, возможна в масштабах научно-исследовательских программ только с помощью параметра «гуманно или негуманно», т. е. с помощью анализа процессов конкретного влияния того или иного мировоззрения на развитие социального субстрата (живых человеческих индивидов) и социальных атрибутов (сущностных сил человека).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Saxton A. *Marxism, Labor, and the Failed Critique of Religion* // *Science & Society*. 2006. Vol. 70, No. 3. P. 308–336.
2. Фромм Э. *Иметь или быть?* / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М.: АСТ. 2014.
3. Сухов А. Д. *Марксистская трактовка религии* // *Философия и общество*. 2014. № 3. С. 49–66.
4. Фейербах Л. *Сущность христианства* // *Сочинения: в 2 т. Т. 2.* / пер. с нем. Б. В. Мееровского, С. А. Ромашко. М.: Наука, 1995. С. 5–320.
5. Бубнов Е.С. *Что такое методологический атеизм?* // *Религиоведческие исследования*. 2016. № 2 (14). С. 125–150.
6. Дионисий Ареопагит. *О мистическом богословии* // *Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника* / пер. с древнегреч. Г. М. Прохорова. СПб.: Алетейя; Изд-во Олега Абышко, 2002.
7. Маркс К. *К критике гегелевской философии права. Введение* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 414–429.*
8. Маркс К., Энгельс Ф. *Святое семейство* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. литературы, 1955. Т. 2. С. 3–230.*
9. Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 г.* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. Т. 42. С. 41–174.*
10. Маркс К. *Тезисы о Фейербахе* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.*
11. Бузгалин А. В., Колганов А. И. *Глобальный капитал: в 2 т. Т. 1. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded).* 3-е изд., испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015.
12. Маркс К. *Капитал. Т. 1* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 43–784.*
13. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 1–338.*
14. Левин Г. Д. *О принципах диалога материалистов с верующими* // *Вопросы философии*. 2007. № 6. С. 146–150.
15. Любутин К. Н., Коряковцев А. А. *Антропология самоотчуждения (социально-психологические учения З. Фрейда и Э. Фромма в контексте философской антропологии Л. Фейербаха, К. Маркса и Ф. Энгельса)* // *Научный ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. 2009. Вып. 9. С. 88–106.*
16. Коряковцев А. А., Любутин К. Н. *Антропология религиозного чуда. Теория чуда по страницам произведений Л. Фейербаха и К. Маркса* // *Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.: Екатеринбург: ИфиП УрО РАН; Кабинетный ученый, 2021.*
17. Ленин В. И. *Об отношении рабочей партии к религии* // *Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 17. М.: Изд-во полит. литературы. 1968.*
18. Левин Г. Д. *Методологические принципы диалога материалистов с верующими* // *Вопросы философии*. 2008. № 10. С. 78–90.
19. Энгельс Ф. *Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 269–317.*
20. Энгельс Ф. *Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу»* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 629–654.*
21. Berger P., Davie G., Fokas E. *Religious America, secular Europe? A Theme and Variations.* NY: Routledge, 2016.
22. Энгельс Ф. *Письмо Эдуарду Бернштейну, июль 1884 г.* // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. литературы, 1964. Т. 36. С. 161–162.*

23. Григорий Богослов. Слово 30. О богословии четвертое, о Боге Сыне второе // Pagez.ru. URL: <http://pagez.ru/lsn/bogoslov/030.php> (дата обращения: 13.05.2023).

24. Попов А. С. Философские взгляды на религию К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина // Libelli.ru. URL: <http://libelli.ru/works/popovas.htm> (дата обращения: 13.05.2023).

25. Luxemburg R. Socialism and The Churches. 1905 // Marxists.org. URL: <https://www.marxists.org/archive/luxemburg/1905/misc/socialism-churches.htm> (дата обращения: 13.05.2023).

26. Гароди Р. Марксизм XX века / пер. с фр. М.: Прометей, 1994.

27. Поросенков С. В., Шишкина М. К. Теизм и атеизм: гносеологическое тождество в различии // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 560–568. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-560-568.

28. Лоскутов Ю. В. Православная патристика и марксистская философия: точки взаимопересечения // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 1 (35). С. 115–140. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-115-140.

### Информация об авторе.

**Лоскутов Юрий Викторович** – кандидат философских наук (2000), доцент (2004), доцент кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614068, Россия. Автор 53 научных публикаций. Сфера научных интересов: фундаментальные проблемы онтологии и эпистемологии, сущность исторического процесса, сущность морали.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.*

*Поступила 15.05.2023; принята после рецензирования 14.09.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

## REFERENCES

1. Saxton, A. (2006), "Marxism, Labor, and the Failed Critique of Religion", *Science & Society*, vol. 70, no. 3, pp. 308–336.

2. Fromm, E. (2014), *Haven Oder Sein?*, Transl. by Telyatnikova, E.M., AST, Moscow, RUS.

3 Sukhov, A.D. (2014), "Marxist treatment of religion", *Philosophy and Society*, no. 3, pp. 49–66.

4. Feuerbach, L. (1995), "The essence of Christianity", *Sochineniya* [Writings] in 2 vol., vol. 2, Nauka, Moscow, RUS.

5. Bubnov, E.S. (2016), *Chto takoe metodologicheskii ateizm?* [What is methodological atheism?]. *Religiovedcheskie issledovaniya*, no. 2 (14), pp. 125–150.

6. Dionisii, Areopagit (2002), "On Mystical Theology", *Dionisii Areopagit. Sochineniya. Tolkovaniya Maksima Ispovednika* [Dionysius the Areopagite. Essays. Interpretations of Maximus the Confessor], Transl. by Prokhorov, G.M., Aleteiya; Izdatel'stvo Olega Abyshko, SPb., RUS.

7. Marx, K. (1955), "Toward a Critique of Hegel's Philosophy of Law. Introduction", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 1, Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 414–429.

8. Marx, K. and Engels, F. (1955), "The Holy Family", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 2, Izd-vo polit. literatury, Moscow, USSR, pp. 3–230.

9. Marx, K. (1974), "Economic and Philosophical Manuscripts, 1844", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 42, Izd-vo polit. literatury, Moscow, USSR, pp. 41–174.

10. Marx, K. (1955), "Theses on Feuerbach", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 3, Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 1–4.

11. Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2015), *Global'nyi kapital. T. 1. Metodologiya: po tu storonu poziti-vizma, postmodernizma i ekonomicheskogo imperializma (Marks re-loaded)* [Global Capital. Vol. 1. Methodology: beyond positivism, postmodernism and economic imperialism (Marx re-loaded)], 3rd ed., vol. 1, LENAND, Moscow, RUS.

12. Marx, K. (1960), "Capital. Vol. 1", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 23, Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 43–784.

13. Engels, F. (1961), "Anti-Dühring", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 20, Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 1–338.

14. Levin, G.D. (2007), "On the Principles of Dialogue between Materialists and Believers", *Voprosy Filosofii*, no. 6, pp. 146–150.

15. Lubutin, K.N. and Koryakovtsev, A.A. (2009), "Anthropology of self-alienation (social-psychological theories of Z. Freud and E. Fromm in the context of philosophical anthropology of L. Feuerbach, K. Marx and F. Engels)", *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS*, no. 9, pp. 88–106.

16. Koryakovtsev, A.A. and Lubutin, K.N. (2021), "The Anthropology of the Religious Miracle. Miracle Theory in the Works of L. Feuerbach and K. Marx", *Marks utrachennyi i Marks obretennyi* [Marx lost and Marx found], IfiP UrO RAN, Kabinetnyi uchenyi, Moscow, Ekaterinburg, RUS, pp. 248–260.

17. Lenin, V.I. (1968), "On the Workers' Party's Attitude Toward Religion", *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings], 5th ed., vol. 17, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, USSR, pp. 415–426.

18. Levin, G.D. (2008), "Methodological principles of dialogue of materialists with believers", *Voprosy Filosofii*, no. 10, pp. 78–90.

19. Engels, F. (1961), "Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 21, Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 269–317.

20. Engels, F. (1961), "From the preparatory works for "Anti-Dühring"", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 20, Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 629–654.

21. Berger, P., Davie, G. and Fokas, E. (2016), *Religious America, secular Europe? A Theme and Variations*, Routledge, NY, USA.

22. Engels, F. (1964), "Letter to Eduard Bernstein, July 1884", *Marx, K. and Engels, F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 36, Izd-vo polit. literatury, Moscow, USSR, pp. 161–162.

23. Grigorii Bogoslov. Slovo 30. O bogoslovii chetvertoe, o Boge Syne vtoroe [Word 30. On theology the fourth, on God the Son the second], *Pagez.ru*, available at: <http://pagez.ru/lsn/bogoslov/030.php> (accessed 13.05.2023).

24. Popov, A.S. *Filosofskie vzglyady na religiyu K. Marksa, F. Engel'sa, V. Lenina* [Philosophical views on religion by K. Marx, F. Engels, and V. Lenin], *Libelli.ru*, available at: <http://libelli.ru/works/popovas.htm> (accessed 13.05.2023).

25. Luxemburg, R. (1905), "Socialism and The Churches", *Marxists.org*, available at: <https://www.marxists.org/archive/luxemburg/1905/misc/socialism-churches.htm> (accessed 13.05.2023).

26. Garaudy, R. (1994), *Marxisme du XX<sup>eme</sup> Siecle*, Transl., Prometei, Moscow, RUS.

27. Porosenkov, S.V. and Shishkina, M.K. (2020), "Theism and atheism: epistemological identity in difference", *Perm Univ. Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, iss. 4, pp. 560–568. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-560-568.

28. Loskutov, Yu.V. (2018), "Orthodox Patristics and Marxist Philosophy: Points of Intersection", *Ideas and Ideals*, vol. 2, no. 1 (35), pp. 115–140. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-115-140.

### Information about the author.

**Yuri V. Loskutov** – Can. Sci. (Philosophy, 2000), Docent (2004), Associate Professor at the Department of Philosophy, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of 53 scientific publications. Area of expertise: fundamental problems of ontology and epistemology, the essence of the historical process, the essence of morality.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 15.05.2023; adopted after review 14.09.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 141.319.8  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-29-43>

## Топология этоса: антропологическое прочтение феномена Дома

**Елена Леонидовна Разова**

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь,  
lrazova@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0009-2892-345X>*

**Введение.** Цель статьи – рассмотреть в философско-антропологическом аспекте феномен Дома, показать перспективность исследования топологии человеческой экзистенции в форме ближайшего окружения и повседневных практик, заданных через этос как имманентной нормы человеческой экзистенции. Для этого предпринимается попытка определить границы Дома как пространства самостояния человека, а этоса – как условия возможности понимающей коммуникации и связи индивида и внешнего его окружения, что позволяет вернуться к концептуальному рассмотрению предельных оснований человеческой экзистенции.

**Методология и источники.** Осуществляется попытка на основе критического анализа неклассической и постклассической философии (феноменология, экзистенциализм, структурализм) рассмотреть процесс деконструкции оснований человеческой экзистенции. Опираясь на такие понятия, как «жизненный мир» Э. Гуссерля, «Dasein» М. Хайдеггера, исследования пространства бытия человека М. Мерло-Понти и У. Эко, определения этоса П. Бурдьё, определяются основные границы феномена Дома, который таким образом вводится в дискурс философской антропологии.

**Результаты и обсуждение.** Феномен Дома, рассматриваемый в антропологическом аспекте, позволяет интерпретировать цель цивилизационного процесса как «одомашнивание» бытия, строительство «обитаемого мира», в котором человек получает возможность реализовать свою экзистенцию в событии со своими другими. Жизненный мир складывается как постоянное движение обитателей Дома, их деятельное, понимающее общение в границах общего пространства и общего образа жизни, его форм и правил, т. е. общего этоса.

**Заключение.** Условием человеческого способа бытия, предельным его основанием можно рассматривать Дом как имеющую свою топологию общность Я и своих других, отношения между которыми заданы уникальным этосом.

**Ключевые слова:** дом, этос, топос, самостояние, обитаемое пространство, понимание, феноменология, экзистенция, образ жизни

**Для цитирования:** Разова Е. Л. Топология этоса: антропологическое прочтение феномена Дома // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 29–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-29-43.

© Разова Е. Л., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Original paper

## Topology of Ethos: Anthropology Study of the Phenomenon of Home

**Alena L. Razava**

*Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus,  
lrazova@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0009-2892-345X>*

**Introduction.** The purpose of the article is to consider the phenomenon of the Home in the philosophical and anthropological aspect, to show the prospects of studying the topology of human existence in the form of the immediate environment and everyday practices, set through ethos as an immanent norm of human existence. To do this, an attempt is made to define the boundaries of the Home as a space of human self-sufficiency, and ethos as a condition for the possibility of understanding communication and connection between the individual and their external environment, which allows us to return to the conceptual consideration of the ultimate foundations of human existence.

**Methodology and sources.** An attempt is made on the basis of a critical analysis of non-classical and post-classical philosophy (phenomenology, existentialism, structuralism) to consider the process of deconstruction of the foundations of human existence. Based on such concepts as the “Lebenswelt” by E. Husserl, “Dasein” by M. Heidegger, studies of the space of human existence by M. Merleau-Ponty and U. Eko, and definitions of the ethos by P. Bourdieu, the main boundaries of the phenomenon of the Home are determined, which is introduced into the discourse of philosophical anthropology.

**Results and discussion.** The phenomenon of the Home, considered in the anthropological aspect, allows us to interpret the goal of the civilization development process as the “domestication” of being, the construction of an “inhabited world”, in which an individual gets the opportunity to realize their existence in an event with “his others”. The life world is formed as a constant movement of the inhabitants of the home, their active, understanding communication within the boundaries of a common space and a common way of life, its forms and rules, that is, a common ethos.

**Conclusion.** As a condition of the human way of being and its ultimate basis, can be considered Home as a community of I and “its others”, having its own topology, the relationship between which is set by a unique ethos.

**Keywords:** home, ethos, topos, self-sufficiency, habitable space, understanding, phenomenology, existence, way of life

**For citation:** Razava, A.L. (2023), “Topology of Ethos: Anthropology Study of the Phenomenon of Home”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 29–43. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-29-43 (Russia).

---

**Введение.** Философское осознание власти дисциплинарных институтов и созданных ими пространств внешнего мира, мира Чужого Другого, фиксирующих и ограничивающих человека в его порыве восхождения и обретения себя истинного, привело к порыву, к свободе самоопределения личности исходя из своих имманентных оснований. Этот порыв, однако, в пределе привел к отказу от имманентных, сущностных, обязательных оснований человеческого способа бытия, бытия человеком. Снятые, отмененные в качестве таких предельных оснований Бог, разум, социум, тело, само знание, не только научное, любое, привело к инфляции в целом гуманитарной мысли, и в частности, философской. Налицо потребность антропологизации гуманитарного знания, возврата к его человеческой размерности,

к субъекту философии, к тому, кто готов к познанию и пониманию через преодоление своих границ и выстраивание новых, включающих в пространство человеческого бывших (или ставших) нечеловеческих миров. Но возможен такой возврат лишь с одновременным возвратом и объекта философии – пространства бытия человека, где выстраивается благодаря осознанному действию и пониманию этос, образ жизни, своего рода прикладная философия, философия человеческого бытия, со своими границами, своей уникальной топологией. Рассматривать заново человека и его границы возможно через феномен Дома в его философско-антропологической размерности [1].

Философская антропология возвращает философию к человеку, к его отношению к миру, другим людям, к самому себе. Все три линии отношений пересекаются, концентрируются и интенсифицируются в пространстве человеческой экзистенции, в границах Дома. Дом рассматривается при этом не только и не столько как архитектурный объект или этнографическое явление, но как феномен антропологический, форма человеческого бытия. Это пространство, в котором человек формируется и живет, создавая свой образ бытия, свою форму экзистенции, обеспечивающую его самостояние, т. е. пространство, которое является предельным основанием человеческого способа бытия, пространство, через которое человек соотносится с внешним миром, познавая его и принимая то из него, что отвечает его образу жизни, или то, что способствует его восхождению – преодолению границ существующих и строительство границ новых, не бывших [2].

Только благодаря глубокой укорененности в гуманитарной основе, которая задает имманентные границы культурного, социального, индивидуального существования человека, определяет способ его сосуществования с другими людьми, формы его коммуникации, в которых он реализуется как человек, может устоять сущность человека. То есть, искомое предельное основание человеческой экзистенции – гуманитарное (антропологическое) пространство, которое позволяет индивидууму избежать таких угроз, как унификация или радикальный плюрализм, которые в равной степени препятствуют свободному выбору форм и путей личностного и культурного развития. И первым подходом к его выстраиванию может быть рассмотрение в антропологическом ракурсе феномена Дома как пространства человеческого способа бытия.

Феномен Дома позволяет увидеть человека не в его аналитической изолированности, а в синтетической (или даже синкретической) целостности со всем тем, что этот Дом наполняет, и что, благодаря общему топосу, из Чужого Другого становится Своим Другим, ближайшим окружением, с общим способом бытия, со-бытия, т. е. с общим этосом [2].

**Методология и источники.** Основа бытия человека, являющаяся и основой цивилизационного строительства, может рассматриваться в топологическом аспекте как проблема антропологического пространства бытия человека. Правомерность такого подхода заложили Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Шютц, М. Фуко, Ж. Бодрийар, П. Бурдьё, Ж. Делез, М. Бубер, М. Левинас, У. Эко.

Укорененность человека в пространстве повседневного бытия рассматривала феноменология (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер) и экзистенциализм (Ж.-П. Сартр). Единственным способом реализации познания человека в постклассической философии признается познание им обитаемого мира, окружающих его вещей (Ж. Бодрийар), его языка (Ж. Деррида), струк-

туры психического (Ж. Лакан), сексуального (М. Фуко) и этического (Ю. Хабермас). Эти модусы бытия человека в мире обладают значимостью для повседневной жизни каждого человека, обуславливают его каждодневную данность, привычную и понятную, но оттого и зачастую невидимую для познания среду обитания.

Феноменология предложила парадигму, необходимую для изучения того, что вслед за Э. Гуссерлем называют «жизненным миром». Исходной точкой и одновременно истоком смыслов и познавательной интенции поисков пространства человеческого бытия может быть философия Мартина Хайдеггера. Если первоначально Э. Гуссерль видел «жизненный мир» как пространство человеческого опыта и в то же время пространство интерсубъективности [3, с. 182–284], то Хайдеггер трансформирует его в пространство ближайшего. Хайдеггер говорил о бездомности и безродности человечества, которая становится судьбой как современного ему, так и современного нам, пусть и очень другого, мира и природной «отчужденности» человека. Утративший свое место человек назван у Хайдеггера *das Man*, «человек без дома» [4]. Преодоление феноменологической безродности и экзистенциального одиночества, деконструкции гуманитарного, чреватой утратой человеком себя, своего места в мире, – обретение этого места, места с уникальными границами, где разворачивается экзистенция человека, где реализуется его самостояние, но не в одиночестве и безмолвии, а в осознанной деятельности, обеспечивающей понимание других, которые так же укоренены в своих границах. М. Мерло-Понти заполняет «жизненный мир» телом и теми вещами, которые непосредственно с телом человека взаимодействуют, и, более того, тело это определяют. Феноменология придает миру как повседневности философский статус. Жизненный мир, пространство повседневного бытия человека для феноменологии есть, как писал М. Мерло-Понти, некое «неустранимое присутствие» [5], имманентное основание человеческого осознания себя и мира, основание человеческого способа существования. Жизненный мир обеспечивает тот повседневный опыт, который наполняет содержанием символические формы человеческого сознания и его модуляции – культуру, науку, философию. «Феноменология <...> полагает, что человек и мир могут быть поняты лишь исходя из их фактичности» [4, с. 5]. Дом, таким образом, полагается как функциональное пространство человека (термин предложен У. Эко в работе «Отсутствующая структура»), пространство полагания себя в объективном мире через очеловечивание объективного, т. е. внешнего мира, мира Другого, включающего не только физическую природу, но и социальные структуры, и других, внешних, чужих людей, вещей, институтов и структуру [5].

Следуя за феноменологией, двигаясь далее и развивая данную интенцию, можно увидеть жизненный мир как то, что возникает вместе с человеком, благодаря его осознанному строительству своего бытия через коммуникацию – понимающее со-бытие со «своими другими» в границах обитаемого пространства, воплощенного в феномене Дома, где жизненный мир получает свое место и границы. Это экзистенциальное пространство, таким образом, и гарант самостояния, так как в его границах формируются некие постоянные способы бытия человека, и условие взаимодействия и понимания человека и его Другого, так как для понимания необходимо осознанное преодоление своих границ, дабы познать границы Другого, а затем изменить и свое пространство под воздействием понятого. Феноменом, к которому относится в качестве предикатов все перечисленное, представляется Дом как место,

пространство со своими границами, со своим образом экзистенции, внутри которого бытийствует человек, осознанно взаимодействуя с другими, сохраняя свою неповторимую форму бытия, которая создается как результат понимающего действия<sup>1</sup>.

О Доме в антропологическом аспекте его рассмотрения писали такие отечественные исследователи как М. С. Каган, В. А. Подорога, С. Н. Иконникова, Б. В. Марков, А. В. Говорунов, В. В. Прозерский, В. Д. Лелеко, Е. Л. Разова, С. Н. Рымарович, Л. В. Чеснокова.

Введение в философский дискурс феномена Дома распространяет познание на то, что прежде было вне его фокуса: повседневные практики, вещи, отношения, смыслы, формы, и многое другое, что наполняет топос дома и формирует его этос, в синтетическом пространстве которого бытийствует человек в его самостоянии. Философско-антропологическое познание этого субъекта, его жизненного пространства (топоса) и образа жизни (этоса), наполнения этого пространства материальными объектами, смыслами и другими, обитающими в нем субъектами, через анализ феномена Дома позволяет выйти на тот уровень познания, к которому стремилась феноменология – определению предельных оснований человеческого бытия, а через них – к познанию человеком мира и себя [2].

**Результаты и обсуждение.** Рассмотрение феномена Дома может идти в двух направлениях, которые при этом являются неразделимыми и взаимоувязанными. Одно направление – пространство человеческой экзистенции, ее форма и границы, т. е. топологическое прочтение. Второе – образ жизни, этос, формируемый и реализуемый в пространстве Дома [8].

Традиционно тема пространства являлась сферой интереса точных и естественных наук. На базе естественнонаучного и математического представления о пространстве строили свои теории культурного пространства П. Флоренский, М. Лотман, В. Топоров, а О. Шпенглер считал, что у каждой культуры – свое физическое пространство, своя форма природы. Тема восприятия и изображения пространства исследовалась в связи с теоретическими и практическими поисками в неклассическом искусстве (В. Кандинский, П. Пикассо, П. Клее). Философское осмысление пространства перевело его из географического, естественнонаучного и художественного аспекта в антропологический. Антропология интересуется не столько самим местом, где живет человек, сколько пространством, в котором и благодаря которому человек может бытийствовать как человек, т. е. пространством человеческой экзистенции [1].

Обращение к антропологическому пространству произошло как реакция на утрату стабильности, безусловности, определенности человека в физическом пространстве, затем к пространствам социальному, культурному, историческому, чуть позже – информационному, которые оказались внеположенными человеку, следовательно, объективными, чуждыми и несущими опасность гибели индивиду. Эти «внешние» пространства обрели (вернее, вернули) себе статус «пустыни», как ее понимал средневековый человек: пространство вне стен города, где нет следов деятельности человека, где обитают лишь чудовища или силы зла и их прислужники. Единственное, что ждет человека в такой «пустыне» – смерть, если только он не совершит подвиг, уничтожив зло и тем включит кусочек чужого пространства в сферу своего бытия, очеловечив его [1].

---

<sup>1</sup> Феномен Дома в таком аспекте был подробно рассмотрен автором в кандидатской диссертации [7].

Объективному пространству феноменология противопоставила субъективное пространство жизненного мира. При этом пространство, как отмечал М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия», это не среда, в которой помещаются некоторые объекты, а средство, благодаря которому положение этих объектов становится возможным [5, с. 313]. Антропологическое пространство, согласно М. Мерло-Понти, может быть представлено в трех уровнях: естественное, экзистенциальное и антропологическое.

Естественное пространство – основание бытия, познать которое можно лишь благодаря математическим абстрактным вычислениям или философским логическим построениям. Другое название этого пространственного уровня – интеллектуальное пространство. Это пространство – условие единства синтетического акта восприятия, пространство Канта.

Пространство субъекта и его ближайшего мира – антропологическое пространство, пространство жизненного мира, который для человека является «истинным миром» – «первичным образом мира, который влияет на все дальнейшие построения и миры, которые человек будет создавать и выстраивать вокруг себя в течение жизни» [5, с. 42]. Это пространство повседневной жизни, социальное и индивидуальное пространство, где укоренены смыслы, представляющиеся как истина, на которую человек ориентирует свою систему ценностей и которая, как инвариант, оказывается фундаментом частной картины мира в контексте общей.

Пространство экзистенциальное, личное, психологическое и индивидуальное – это пространство «значений и мысленных объектов, которые в этих значениях конституируются» [5, с. 377–378], пространство гештальтов, мифологем, феноменов, которые являются формами человеческого существования, реализующиеся в бесконечном многообразии в истории и обеспечивающие конструирование окружающего мира и культурную идентичность.

Для рассмотрения феномена Дома интерес представляет именно антропологическое пространство, воплощением, локализацией которого и является Дом. Наивысшую реализацию антропологическое пространство получило в понятии «жизненный мир», введенном Э. Гуссерлем. Жизненный мир предстает одновременно и основанием познавательной (сущностной) способности человека, и общим (интерсубъективным) пространством коммуникации, в которой реализуется интенциональность сознания. При этом важно отметить, что интенция сознания – не на трансцендентное, а на свой жизненный мир и тех, кто бытийствует в нем. Со временем в работах Гуссерля жизненный мир фактически заменил собой безличное «бытие», стал миром-горизонтом, горизонтом всеобщности, безразличным к единичному, миром интерсубъективности. Человеку как сложному субъективному комплексу психических и социальных характеристик не нашлось места в жизненном мире феноменологии [3].

Гуманизация жизненного мира, наделение его «человеческими» характеристиками происходит в работах А. Шютца, в частности в работе «Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии», положившей начало социальной феноменологии. Так как социальное задает способ бытия человека, частное существование формируется в процессе выстраивания интерсубъективных социальных связей, жизненный мир получает измерение интерсубъективности [9]. Однако постепенно связи, формирующие

социальное пространство, получают у Шютца характеристики объективного бытия, что позже развили структуралисты. Социум превращается в тотальное тело мира, в котором отдельный человек – лишь клетка, чье индивидуальное функционирование обусловлено функционированием всего организма, *das Man*, как назвал человека, лишённого индивидуальности, М. Хайдеггер [4].

М. Хайдеггер, принадлежавший к феноменологической школе и экзистенциализму, увидел жизненный мир как жизненный мир индивида, частную форму бытия, его ближайшее, без которой на место человека выступает обезличенная единица социального *das Man* [10, с. 202]. Помимо этого, Хайдеггер придал жизненному миру онтологический статус. Жизненный мир обрел свои границы в виде «места», «земли», «дороги», т. е. получил топологическую размерность. Понятие «места» рассматривалось философом как сущностная основа человека [10, с. 314]. Место – это «место *Dasein*», укорененного во времени и пространстве способа бытия человека [4, с. 102–113]. Человек рассматривается как модальность бытия, определенного антропологическими границами – конечностью человека (временные границы) и укорененностью в земле, почве (пространственные границы). Особенностью «места» Хайдеггера является то, что это место одиночества, одиночества трагического (в отличие от героического богоравного одиночества Сверхчеловека Ницше), ибо не предполагает включение в свои границы кого бы то ни было, кроме самого себя, а единственной возможностью преодоления границ – смерть. Жизненный мир Хайдеггера – пространство самопознания, ограниченного границами себя. «Место» в философии Хайдеггера, получив онтологический статус, стало для человека, находящегося в нем, единственным бытием, внутри которого человек движется в одиночестве, познавая самого себя.

В отличие от пространства жизненного мира пространство Дома, топос человеческой экзистенции, наполнен «своими другими», теми, кто со-бытийствует в общем месте. При этом все обитатели этого пространства обладают самостоянием, осознанным пониманием своих границ и своего этоса, иначе между ними не может быть понимания, т. е. осознанного преодоления своих субъективных границ для допуска в них Другого с его уникальным этосом. Событийствование при этом обеспечивается тем, что все, кто обитаемы в этом общем пространстве, принимают (и снова осознанно) общий этос, что и позволяет возникнуть синкретическому феномену Дома как пространству бытия [1].

Понятие «этнос» разрабатывалось М. Хайдеггером, М. Вебером, Ф. Теннисом, М. Фуко, П. Бурдьё, Б. Хьюбнером. Изначально Хайдеггер заимствует термин в античной философской традиции, где «этнос» означает сущностный принцип бытия человека. Изначально этнос имел топологический характер и означал жилище, местопребывание, а впоследствии приобрел новые значения, основными среди которых были устойчивая природа каких-либо значений, обычай, нрав, характер, и трансформировался до формы, изначально присущей человеку и определяющей способ его существования. А. Ф. Лосев в «Истории античной эстетики» указывает, что происхождение слова *ethos* связано с понятиями «привычность», «обыкновение» или «обычай» [11, с. 161]. Аристотель образовал от этого слова прилагательное «этносный» (*ethikos* – относящийся к нраву, темпераменту), обозначив им добродетель человеческого характера (в отличие от добродетелей ума), а науку, которая изучает эти добродетели, назвал этикой [11, с. 764].

У Хайдеггера словом «этнос» называется открытая область, в которой обитает человек, которая «позволяет явиться тому, что касается человеческого существа и, захватывая его, пребывает в его близости. Местопребывание человека включает в себе и хранит явление того, чему человек принадлежит в своем существе» [10, с. 215]. Этнос представляется в работах Хайдеггера «законом» места, где раскрывается бытие.

В XX в. понятие «этнос» употреблялось главным образом в социологии, обозначая этим термином согласованные правила, образцы поведения, строй жизни сообщества людей. Ф. Теннис в книге «Общность и общество. Основные понятия чистой социологии» исследует основания и формы социальной жизни людей. Он выделяет две области – область общинного и область общественного. Общинная основана на расположенности, «врожденной склонности человека к известным предметам и известной форме деятельности» [12, с. 139], инстинкте, свойственном всему живому. «Расположенность составляет <...> комплекс органических влечений, поскольку они целиком пронизывают и подчиняют себе также и человеческие действия и поступки, мысли и чаяния. Все отдельные идеи или ощущения здесь могут быть выведены из такого изначального единства и оставаться в необходимой взаимосвязи друг с другом» [12, с. 140]. «Расположенность» Теннис считает синонимом античного этноса, так как «оба указывают на место, родную почву, с которой связана их общность и деятельность, почву, к которой они приспособились и приудобились, получив благодаря ей еще более крепкую внутреннюю связь друг с другом» [12, с. 146].

М. Фуко также обращается к понятию этноса. Он использовал это понятие для исследования практик, направленных на самопознание, которые называл практиками «заботы о себе». Результат практик заботы о себе – создание этноса, манеры бытия и способа существования индивида, благодаря которым индивид конституируется как субъект морали и таким образом ускользает из пространств тотальной дисциплины в пространство частного [13, с. 109–155]. Границы этического выстраиваются так, что совпадают с границами способа поведения, где возможен такой способ бытия, который гарантирует нахождение в своем пространстве [13, с. 45–79]. Этнос обеспечивает возможность познания и изменения, благодаря тому, что он сам – гарант индивидуальности. А познание – условие и способ существования человека. «Познание полезно лишь в том случае, когда оно имеет какую-то форму, когда оно функционирует так, что оказывается способным производить *ethos*. <...> Полезное познание, познание, затрагивающее проблему существования человека, – это тип относительного познания, одновременно утверждающий и предписывающий, способный произвести изменение в способе бытия субъекта» [14, с. 302]. Познанное – это то, что становится образом жизни, воплощаясь в пространство экзистенции. Познавая свое место, свой Дом, человек преодолевает установку на невозможность непосредственного познания себя. Место обитания принимается в качестве идеального посредника в реализации познавательной способности человека, так как позволяет познавать самого себя и бытие человека в целом.

П. Бурдьё определяет этнос как систематический принцип поведения со стороны выраженной морали. При этом он относит это понятие к поведению социальной группы (класса). «Этнос класса – порождающая формула, как таковая незафиксированная, но позволяющая по всем проблемам обыденного существования давать ответы, объективно связанные между

собой и совместимые с практическим постулатом о практическом отношении к действительности» [15, с. 150]. Если развить эту мысль, то этос можно интерпретировать как комплекс органических влечений, пронизывающий и подчиняющий себе человеческие поступки и организующий интегральное единство «своих других» в границах общего пространства.

Таким образом, в любой интерпретации термин «этос» имеет пространственное измерение и обеспечивает коммуникацию, связь между различными субъектами, сохраняя идентичность каждого и создавая условия для понимания, т. е. формирования общего для них пространства («коммуникативная реальность» в терминологии Ю. Хабермаса) [16]. В итоге, благодаря этосу, одинокий изолированный индивид оказывается укоренен в общем со своим ближайшим окружением – Домом как физическим пространством, вещами, воспоминаниями, повседневными практиками, людьми, животными и т. п. Если семья, город – социальные тела или пространства социального, то человек в его этосе – экзистенциальное тело, пространство, место экзистенции со своей уникальной топологией, обеспечивающее человеку возможность восхождения – выход за свои границы, о чем писал М. Левинас [17].

В философско-антропологическом аспекте этос можно рассматривать как предельное основание, в котором человек укоренен и которое обретает свою форму (топологию) в пространстве Дома. Этос как образ жизни человека, комплекс индивидуальных и социальных поведенческих реакций представляется гарантом существования индивидуальности, обеспечивая возможность понимания и изменения. Он реализуется как образ жизни, который формируется в процессе коммуникации, и отличает одного человека от другого, чей образ жизни основан на ином этосе [18].

Этос порождает разные уровни интегрального единства: человека и других людей, человека и вещей и т. д. Определение интегрального единства, локализованного в общем месте, предлагает М. Бубер в работе «Проблема человека», называя его «Мы». «Под Мы я разумею соединение многих независимых, достигающих самости и самоответственных личностей, утверждающихся именно на почве этой самости и самоотверженности и благодаря ним существующее. Главная особенность Мы в том, что между его сочленами имеется (или временно возникает) сущностное отношение» [19, с. 207]. Место «Мы» есть, согласно Буберу, место спасения [19]. Место спасения – это место самостояния и восхождения. Но подлинное самостояние, подлинная идентичность возможны, если не утрачивается ни «Я», ни «Другой». Пространственными формами бытия такого интегрального единства являются семья, народ, город. Порождающей моделью для всех форм интегрального единства является Дом [2].

В основном Дом был предметом исследований истории и теории архитектуры. Однако даже Витрувий и Альберти видели Дом не только как архитектурную конструкцию, в которой решаются некоторые инженерные задачи, но как место жизни человека.

В работах теоретиков архитектуры первой половины XX в. – Ле Корбюзье, З. Гидиона, Ф. Л. Райта – Дом представляется как локализация жизненного мира человека. Во второй половине XX в. Ч. Дженкинс анализирует архитектуру с целью рассмотреть феномен культуры постмодерна. У. Эко в работе «Отсутствующая структура. Введение в семио-

логию» говорит об архитектуре как об универсальном принципе анализа структурной организации культуры [6, с. 124–153]. Дом привлекает внимание этнографов и историков повседневности (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, А. Л. Ястребицкая, Г. С. Кнабе) в связи с интересом к истории повседневности. По большей части Дом рассматривается как часть материальной культуры, как вещная единица, элемент социальной системы и цивилизационного процесса, при этом сам Дом остается пустой конструкцией, необитаемым пространством, самоценным и самодостаточным, человек же лишь подразумевается как невидимый хозяин [2].

Дом следует рассматривать в широком антропологическом смысле, выводя понятие за рамки социологического, этнографического или архитектурного контекста. Видится перспективным рассматривать Дом как этос, обретающий топологические границы, в том числе границы здания, в которых осознанно человек взаимодействует с людьми, вещами, смыслами (взаимодействие это выстраивается в траекториях повседневности), осознает свою уместность в смысле умения быть адекватным внешним условиям и требованиям в соответствии со своим этосом. Это конкретное место, где бытие становится обитаемым. Важно отметить, что Домом человека может быть отнюдь не только физическое место. Дом – это топос любой формы и локализации, экзистенциальное место, где человек обретает самого себя в со-бытии со «своими другими» [2].

Дом – получивший форму этос, разворачивающийся в своем индивидуальном пространстве и времени. Пространство и время Дома актуализируется только для обитателей Дома, а не для отдельного изолированного индивида, который, вынуженный из контекста Дома, теряет самостояние, оказывается беспомощным объектом воздействия внешних властных сил, лишенным и пространства (места, границ и самостояния), и времени (истории и памяти). В пространстве и времени Дома, объединенные общим этосом, событийствуют все обитатели дома, являющиеся «своими другими» друг для друга (равно человеческие и нечеловеческие обитатели) [8].

В границах Дома выстраивают взаимодействие, со-бытие человек и его «свои другие». «Свои другие» – это люди, вещи, домашние животные, запахи, свет, события, в осознанном взаимодействии с которыми формируется человек и общий для них образ жизни, их этос. Общение, формирующее топологию Дома, выстраивается в трех направлениях: связь с людьми (отдельным человеком или человеческим множеством), связь с вещами и связь с этосом, являющаяся основой двух предыдущих. При этом общение только тогда отражается на топосе Дома, встраивается в его границы, если эта коммуникация осуществляется осознанно и приводит к пониманию, к созданию общего смысла, а значит, только общение создает общий этос [8].

Понимание возможно, только если оно направлено на сущность собеседника, т. е. раскрывает его этос, который присутствует и в людях, и в вещах. Общение здесь рассматривается как выстраивание смысловых связей, несущих (передающих, создающих) значение для человека. Дом обеспечивает возможность общения не только вербального, человеческого, но и невербального, что вводит в его этосное пространство животных, вещи, запахи, звуки, события, ритуалы, даже траектории движения и зоны обитания.

Понимание обеспечивается либо единством, либо близостью этосов. Чужой, как его определяет Б. Вальденфельс, укорененный в собственном этосе (благодаря чему обладает

самостоянием) и которому разрешено пересечь границы Дома, способен понять Дом и особенности бытия его обитателей, их этос [20]. Укорененный в пространстве Дома, в его этосе, человек вступает в коммуникацию с внешним пространством и временем общества, государства, культуры, истории, чувствуя себя в безопасности, защищенный самостоянием, данным ему его этосом и Домом. Благодаря самостоянию, человек отваживается на общение с миром. Результат такого общения – принятие и понимание внешнего мира, включение его в свой этос, в свой образ жизни, с одной стороны, и включение этоса и пространства (топоса) обитателей Дома в большую картину без потери уникальности каждого принятого в него элемента, с другой [1].

В. Подорога в работе «Метафизика ландшафта» пишет, что «только там человек, будучи словно в святой округе, говорит из этого и этим пространством, называя вещи и устанавливая пределы необычной топографии бытия: дома, храма, поля. Если здесь и есть власть обладания, то это не пресловутая воля к власти, не воля к овладению миром с помощью глобального технического переустройства мировых пространств, но власть “почвы”, “основы”, “наследуемого”, власть священных пространств как пространств безвластия» [21, с. 253].

Дом – общее место, место «Мы», большее, чем простая сумма отдельных мест всех его обитателей. Если же общность этоса не образуется, то Дом разваливается на некое общежитие, где у каждого обитателя отстраиваются границы, а понимающее осознанное принятие друг друга осложнено либо отсутствует. В частности, несформированность общего этоса лежит в основе конфликта поколений, живущих в одном доме, в одной семье в мегаполисах, когда дети полностью замыкаются в своих нишах (комната, чаще смартфон), а повседневные траектории членов семьи зачастую не пересекаются.

В границах Дома человек выстраивает свое «Я». Укорененный в этосе и топосе дома, человек способен воспринимать себя как субъект, он обретает самостояние – становится способен брать на себя ту или иную роль, не замещая ролью себя. И он готов принимать Другого с его этосом, а также изменять свой этос как результат понимания Другого, но при этом не теряя своих границ. Этос и Дом дают человеку смыслы и схемы восприятия, в свете которых реализуется познавательная способность человеческого сознания, которые могут быть реализованы и модифицированы в знание только на практике, в повседневной жизни. Коммуникация внутри дома и в общественной структуре строится на общих смыслах. В Доме смыслы рождаются, прививаются, становятся внутренними, нерелефлексивными, первичными, разрушение их может быть чревато разрушением человеческой личности. Усвоение социальных и общекультурных смыслов проходит сознательно, принятие их мотивировано практическими целями достижения выгоды и блага, которые определяются как соответствие внутренней нормы этоса и внешней социальной нормы, обитаемого мира и мира жизненного [22].

Дом является источником смыслов, которые человек впитывает в процессе совместной жизни в Доме и несет в себе как своеобразное коллективное культурное бессознательное, ориентируется на них или отталкивается от них при взаимодействии с другими социальными или культурными смыслами, основанными на чужом этосе. Понимание происходит только при условии наличия своего этоса. Без него происходит подражание или отторжение

из-за страха чужого. И то и другое пагубно, так как не расширяет границы личности, не ведет к восхождению и познанию [22].

Именно в Доме, в системе коммуникативных связей человек получает поведенческие и смысловые основы, опираясь на которые, он включается в социальную и культурную жизнь. В Доме человек обретает себя и свое место, но дальнейшая его жизнь чаще всего представляет собой процесс «прописывания» себя в интерсубъективный контекст мира, где он подвергается активному влиянию общезначимых или общеобязательных смыслов и форм поведения. Степень готовности к социальным играм и устойчивости к внешним воздействиям определяется степенью совместимости частной внутренней нормы, выстроенной в соответствии с конкретным этосом, который возникает и формируется именно в границах Дома, с общеобязательными нормами «внешнего» мира. Таким образом, Дом является способом безопасного выхода человека во внешний мир. Дом как культурное и психическое «сверхтело» компенсирует биологические и социальные недостатки индивида, порождая ощущение безопасности и психологического спокойствия. Дом как пространственное выражение этоса вписывает человека в контекст обитаемого мира, а вне его является гарантом индивидуального и основой (каркасом) самостояния. Дом, даже если человек непосредственно не находится в его физических границах, покинув его, позволяет человеку удержать себя в мире, среди других людей и в то же время удерживать целостность и постоянство мира.

**Заключение.** Дом как пространство, в котором реализуется человеческая экзистенция (его самостояние) и человеческий способ коммуникации, входит в антропологический, философский и в целом гуманитарный дискурс как проблема для исследования, но все еще не как законный и полноправный объект. При этом Дом может дать возможность иного, не аналитического подхода, объединить то, что традиционно гуманитарное знание рассматривает как изолированные объекты: человека, человеческое сообщество (объекты изучения психологии, социологии, философской антропологии), окружение человека – событийное (объекты изучения истории) или вещное (объекты изучения этнографии, культурной антропологии), или отдельный исторический тип человека (историческая антропология). Феномен Дома позволяет рассматривать человека в неразрывном единстве с его обитаемым миром, в который включаются люди, вещи, события и факты, наполняющие существование человека и формирующие его, при этом такое единство встроено в социальное, культурное и историческое пространство.

Мир культуры и социальной интерсубъективности необходим интегральному единству Дома как его атмосфера, контекст сосуществования и возможность различия этосов. Человек полагает границы между собой и миром, границу себя и мира не как ограничение, а как возможность взаимоперехода мира и человека, в результате чего происходит одомашнивание мира и включение человека в космический природный план жизни. В результате одомашнивания мир подвергается этизации. То есть, процесс познания внешнего мира, деятельного общения с ним есть реализация практической этики, что позволяет выстроить не тотальное пространство, а Дом со своим топосом, своим этосом, в котором бытийствует интегральный субъект, свои другие и их вещное и смысловое окружение. Такой мир становится человеческим миром независимо от того, какие рациональные или эмоциональные критерии в этом мире культивируются как критерий человеческого. Культура выстраивается

как система практических этических связей, внутри которых бытийствует в своем самостоянии интегральный субъект, человек и его пространство экзистенции, способный трансформироваться в общении с внешним, а значит, способный достигать понимания.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разова Е. Л. Антропологические основания человеческой экзистенции // Регионалистика. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2009. С. 37–60.
2. Разова Е. Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека // Альманах «Vita Cogitans». 2002. Вып. 1, № 1. С. 206–220.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука: Ювента, 1998.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. Д. Калугина, Л. Корягина, А. Маркова, А. Шестакова. СПб.: Ювента: Наука, 1999.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резника; под общ. ред. М. Г. Ермакова. СПб.: Петрополис, 1998.
7. Разова Е. Л. Дом: место социального и культурного становления человека: дис. ... канд. филос. наук / СПбГУ. СПб., 2004.
8. Разова Е. Л. Этнос как пространство понимания Другого // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1.: Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. Гродно: ГрГУ. 2018. Т. 10, № 3. С. 65–71.
9. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003.
10. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
11. Лосев А. Ф. История античной эстетики: итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 2. М.: Искусство, 1994.
12. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002.
13. Фуко М. История сексуальности III. Забота о себе / пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы. Киев: Дух и литера: Грунт; М.: Релф-бук, 1998.
14. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.
15. Бурдьё П. Социология политики / общ. ред. Н. А. Шматко; пер. с фр. Е. Д. Вознесенской и др. М.: Socio-Logos, 1993.
16. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2001.
17. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / пер. с фр. И. С. Вдовина и др. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
18. Разова Е. Л. Разрушение этоса как причина кризиса личностной, социальной и культурной идентичности // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2017. Т. 9, № 3. С. 86–93.
19. Бубер М. Проблема человека // Два образа веры / пер. с нем. Ю. С. Терентьева; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. М.: Республика, 1995. С. 157–232.
20. Вальденфельс Б. Мотив чужого / пер. с нем. О. Шпарага. Минск: Пропилеи, 1999.
21. Подорога В. А. Метафизика ландшафта. М.: Наука, 1993.
22. Разова Е. Л. Насущность этоса // Альманах «Vita Cogitans». 2003. Вып. 3, № 3. С. 174–191.

### Информация об авторе.

**Разова Елена Леонидовна** – кандидат философских наук (2004), доцент кафедры системного программирования и компьютерной безопасности Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, ул. Ожешко, д. 22, Гродно, 230023, Республика Беларусь. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, онтология, теория и история культуры.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 10.06.2023; принята после рецензирования 07.10.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.

### REFERENCES

1. Razava, A.L. (2009), "Anthropological foundations of human existence", *Regionalistika* [Regional studies], GrGU, Grodno, BLR, pp. 37–60.
2. Razava, A.L. (2002), "Home. Existential space of a human", *Vita Cogitans*, iss. 1, no. 1, pp. 206–220.
3. Husserl, E. (1998), *Cartesianische Meditationen*, Transl. by Sklyadnev, D.V., Nauka, Yuventa, SPb., RUS.
4. Heidegger, M. (1997), *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Ad Marginem, Moscow, RUS.
5. Merleau-Ponty, M. (1999), *Phénoménologie de la perception*, Transl. by Kalugin, D., Koryagin, L., Markov, A. and Shestakov, A., Yuventa, Nauka, SPbGU, RUS.
6. Eko, U. (1998), *La struttura assente*, Transl. by Pogonyailo, A.G. and Reznik, V.G., Petropolis, SPb., RUS.
7. Razava, A.L. (2004), "Home: a place of social and cultural formation of a person", Can. Sci. (Philosophy) Thesis, SPbU, SPb., RUS.
8. Razava, A.L. (2018), "Ethos as a space of comprehension of the Other", *Vesnik of Yanka Kupala State Univ. of Grodno. Ser. 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*, vol. 10, no. 3, pp. 65–71.
9. Schutz, A. (2003), *Der Sinnhafte Aufbau der sozialen Welt*, Transl. by Alkhasov, A.Ya. and Mazlumyanova, N.Ya., In-t Fonda "Obshchestvennoe mnenie", Moscow, RUS.
10. Heidegger, M. (1993), "Mit einem Brief über den Humanismus", *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Respublika, Moscow, RUS, pp. 192–220.
11. Losev, A.F. (1994), *Istoriya antichnoi estetiki: itogi tysyacheletnego razvitiya* [The history of ancient aesthetics: the results of a thousand years of development], in 2 books, book 2, Iskusstvo, Moscow, RUS.
12. Tönnies, F. (2002), *Gemeinschaft and Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie*, Transl. by Sklyadnev, D.V., Vladimir Dal', SPb., RUS.
13. Foucault, M. (1998), *Histoire de la sexualité III. Le souci de soi*, Transl. by Titova, T.N. and Khoma, O.I., Dukh i litera; Grunt, Kiev; Relf-buk, Moscow, RUS.
14. Foucault, M. (2007), *L'Herméneutique du sujet: cours au Collège de France (1981–1982)*, Transl. by Pogonyailo, A.G., Nauka, SPb., RUS.
15. Bourdieu, P. (1993), *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics], Shmatko, N.A. (ed.), Transl. by Voznesenskaya, E.D. et al., Socio-Logos, Moscow, RUS.
16. Habermas, Ju. (2001), *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*, Transl. by Sklyadnev, D.V. (ed.), Nauka, SPb., RUS.
17. Levinas, E. (2000), *De l'existence a l'existant Totalite et Infini*, Transl. by Vdovin, I.S. et al., Universitetskaya kniga, Moscow, SPb., RUS.
18. Razava, A.L. (2017), "The destruction of ethos as a cause of the crisis of personal, social and cultural identity", *Vesnik of Yanka Kupala State Univ. of Grodno. Ser. 1: History and Archaeology. Philosophy. Political Science*, vol. 9, no. 3, pp. 86–93.
19. Buber, M. (1995), "Das Problem des Menschen", *Zwei Glaubensweisen*, Transl. by Terent'ev, Yu.S., in Gurevicha, P.S., Levit, S.Ya. and Lezova, S.V. (eds.), Respublika, Moscow, RUS, pp. 157–232.

20. Waldenfels, B. (1999), *Der Anspruch des Anderen*, Transl. by Shparag, O., Propilei, Minsk, BLR.
21. Podoroga, V.A. (1993), *Metafizika landshafta* [Metaphysics of the landscape], Nauka, Moscow, RUS.
22. Razava, A.L. (2003), "Vitality of ethos", *Vita Cogitans*, iss. 3, no. 3, pp. 174–191.

**Information about the author.**

*Alena L. Razava* – Can. Sci. (Philosophy, 2004), Associate Professor at the Department of System Programming and Cyber Security, Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko str., Grodno 230023, Belarus. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, ontology, theory and history of culture.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 10.06.2023; adopted after review 07.10.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 101.3; 316.47; 004.8; 78  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-44-56>

## Социально-философские основания исследования искусственного интеллекта в искусстве (на примере музыки)

**Анна Валерьевна Ильина**

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»  
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,  
a.ilyina2045@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3002-1841>*

**Введение.** В настоящее время технологии искусственного интеллекта (ИИ) стремительно развиваются, получая все более широкое распространение в различных сферах жизнедеятельности человека. Одной из сфер, где оказывается активно задействован ИИ, выступает искусство во всем многообразии его проявлений. Использование ИИ в искусстве порождает не только новые творческие и технологические возможности, но и социокультурные вызовы, которые нуждаются в социально-философской рефлексии. Статья направлена на выявление оснований данной рефлексии в практиках применения ИИ в сфере музыкального искусства.

**Методология и источники.** В работе используются общенаучные исследовательские методы анализа и синтеза, а также методология междисциплинарного и философского подходов к рассмотрению практик применения ИИ в области музыкального искусства. В качестве источников использована специальная литература зарубежных (А.-М. Gioti, N. Hageback, D. Hedblom и др.) и отечественных (М. С. Бурцев, Р. И. Мамина, Е. В. Пирайнен, А. В. Попова и др.) авторов, а также электронные ресурсы, посвященные проблематике ИИ, включая проблематику ИИ в музыкальном искусстве.

**Результаты и обсуждение.** Рассматриваются теоретические основания изучения ИИ на современном этапе его развития. Анализируются социально-философские основания исследования ИИ в искусстве. Проясняются особенности обращения к ИИ в таком виде искусства, как музыкальное искусство. Стратегии исследования ИИ в музыкальном искусстве соотносятся с социально-философскими основаниями исследования ИИ.

**Заключение.** Стратегии исследования ИИ в искусстве базируются на нескольких ключевых социально-философских основаниях, относительное значение которых может меняться в зависимости от специфики конкретного направления темы. В случае музыкального искусства можно выделить не менее трех таких оснований. Речь, в частности, идет о выборе точки зрения на темы социальной субъектности ИИ, возможности ИИ в сфере создания объектов духовной культуры и роли социокультурного контекста в оценке перспектив и границ использования ИИ. Критериями выбора между стратегиями могут выступать ответы на вопросы о природе мотивации субъектов творческой деятельности, о социально-философской парадигме исследования, а также о ценностях социальных групп в фокусе исследования.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, прикладной искусственный интеллект, искусство, музыкальное искусство, музыка, философская методология

© Ильина А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



**Для цитирования:** Ильина А. В. Социально-философские основания исследования искусственного интеллекта в искусстве (на примере музыки) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 44–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-44-56.

Original paper

## Socio-Philosophical Foundations of Research of Artificial Intelligence in Art (in the Context of Music)

**Anna V. Ilina**

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,  
Irazova@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0009-2892-345X>*

**Introduction.** At present, the artificial intelligence (AI) technologies develop rapidly, and spread widely in diverse spheres of human activity. One of the spheres where AI is actively involved, is art in all the variety of its manifestations. The AI usage in art spawns not only new creative and technological opportunities, but also new social and cultural challenges, that require timely reflection from the point of view of social philosophy. The article aims to identify the foundations of the aforementioned reflection for the studies of AI in musical art.

**Methodology and sources.** The article uses general scientific methods of analysis and synthesis, methodology of interdisciplinary approach, and philosophical methodology in the domain of research of social practices, that define the usage of AI in musical art. Foreign (A.-M. Gioti, N. Hageback, D. Hedblom et al.) and domestic (M.C. Burtsev, R.I. Mamina, E.V. Piraynen, A.V. Popova et al.) scientific research literature, and electronic resources dedicated to the AI and to the AI in musical art in particular, are used as sources.

**Results and discussion.** The author has considered the theoretical foundations of studies of AI at the present stage of its development. Philosophical foundations of research of AI in art were analyzed. The peculiarities of using the AI in musical art were discussed. Strategies for studying the specificity of using the AI in musical art were matched to the foundations of research of the AI in the domain of social philosophy.

**Conclusion.** When studying the usage of the AI in arts, the research strategies can be rooted in several key foundations in the domain of social philosophy. The relative importance of the aforementioned foundations can vary depending on details of specific theme. In case of musical art, at least three of these foundations can be identified. More specifically, they are defined by choosing a point of view on the social subjectness of AI, on the capability of AI to create objects of culture, on the importance of social and cultural context for the evaluation of perspectives and limits of AI usage scenarios. Criteria for the decision between the aforementioned strategies include answers to the following questions. Firstly, the question about the nature of motivation that guides subjects of creative activity. Secondly, the question about the paradigm in the domain of social philosophy that constitutes the basis of the research. Finally, the question about the worldview and values of social groups that are in the focus of research attention.

**Keywords:** artificial intelligence, narrow artificial intelligence, art, musical art, music, philosophical methodology

**For citation:** Ilina, A.V. (2023), "Socio-Philosophical Foundations of Research of Artificial Intelligence in Art (in the Context of Music)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 44–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-44-56 (Russia).

**Введение.** Введение к «Философии права» Г. Гегеля содержит фразу «<...> сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [1, с. 56]. Эта фраза призвана подчеркнуть, что философское исследование оснований мировых явлений и процессов приходится на этап, когда эти явления и процессы в общих чертах реализованы и/или даже начинают уходить в прошлое. Философы оказываются востребованы с запозданием, их появление – признак зрелости системы.

В мире современных технологий зарождение, реализация, внедрение и устаревание идей все чаще обретает форму цикла протяженностью не более нескольких лет. То, что пять лет назад оценивалось как новация, эксклюзив, технологический прорыв или продукт, заслуживающий быть приобретенным за шестизначную сумму, сегодня может казаться обыденным, устаревающим, требующим замены или ограниченным по функционалу. На этом фоне развитие технологических систем быстро достигает этапов, когда возможности и актуальные для них социокультурные вызовы начинают нуждаться в оперативной философской рефлексии.

В настоящее время особое место среди областей, испытывающих потребность в такой рефлексии, занимает область применения ИИ в искусстве. В условиях распространения изображений, текстов, музыки и иных объектов творчества, созданных с помощью ИИ, бурное обсуждение вызывают вопросы о роли ИИ в искусстве, природе творчества, праве художников на труд, границах авторского права и т. д. Растет необходимость детального обсуждения роли ИИ в каждой из сфер искусства в отдельности.

Целью работы является прояснение социально-философских оснований исследования ИИ в искусстве на примере музыкального искусства. Для этого рассматривается вопрос об агентности ИИ в искусстве, творческих возможностях ИИ, а также о характере включения ИИ в социокультурный контекст искусства.

**Методология и источники.** Представленные в работе выводы опираются на общенаучные методы анализа и синтеза, а также на методологию междисциплинарного и философского подходов к рассмотрению практик применения ИИ в области музыкального искусства. Проведенный в статье анализ основывается на специальной литературе, в частности, это монографические исследования «Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму, 2021» [2], «AI for Arts, 2022» [3], «Brief History of Artificial Intelligence: What It Is, Where We Are, and Where We Are Going, 2021» [4], а также электронные ресурсы, посвященные современному состоянию ИИ и задачам, решаемым научным сообществом в области музыкального искусства.

**Результаты и обсуждение.** Обсуждение результатов исследования организуется вокруг четырех связанных между собой тематических разделов: об актуальном состоянии развития ИИ, об особенностях привлечения ИИ в искусстве, о роли ИИ в музыкальном искусстве и раздела, посвященного прояснению характеристик, свойственных стратегиям исследования ИИ в музыкальном искусстве.

*Актуальное состояние ИИ.* Идея создания ИИ имеет продолжительную историю. Однако к практическому воплощению этой идеи ученые обратились относительно недавно. ИИ начал активно развиваться с середины XX в., претерпев несколько стадий взлетов и падений. Современное состояние исследований и разработки ИИ может поразить своим

размахом. Системы ИИ внедряются в такие сферы жизни человека и общества, как здравоохранение, транспорт, образование, бизнес, развлечения и др.

Рост спроса на ИИ создает условия для появления различных направлений его реализации и осмысления. Как результат, ИИ может определяться исследователями, разработчиками и пользователями по-разному. Например, ГОСТ Р 59276-2020 определяет ИИ как «способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [5, с. 2].

В обозначенных условиях для упрощения работы с ИИ выдвигается ряд обобщающих классификаций, которые помогают упорядочить наличные представления о предмете. Одна из них предлагает разграничивать в работе ИИ так называемое дискриминативное (*discriminative*) и генеративное (*generative*) моделирования. В то время как первое направлено на работу с существующими данными (к примеру, отнесение объекта к классу), второе служит для создания или генерации новых данных (например, изображений по запросу) [6, pp. 3–18].

Наиболее влиятельная и общепринятая классификация ИИ строится на выделении таких его видов, как прикладной или узкий ИИ (*Narrow Artificial Intelligence*), общий ИИ (*Artificial General Intelligence*), а также искусственный сверхинтеллект или суперинтеллект (*Artificial Superintelligence*). Констатируется, что проблемы общего ИИ и сверхинтеллекта, связанные с широким кругом задач, еще находятся на стадии научного поиска, а в области внимания индустрии уже стоит проблема прикладного ИИ. Отличительным признаком последнего является направленность на решение конкретной совокупности практических интеллектуальных задач [2].

Важной частью современного прикладного ИИ выступают нейронные сети. Искусственная нейронная сеть – это способный к обучению аналог естественных нейронных сетей, который представляет собой их упрощенную версию. Нейронные сети получили большую популярность и имеют ряд разновидностей. Некоторые из них способны к самообучению, но в пределах заложенных в них технологических особенностей. В числе прочего нейросети получают применение в рамках генеративного ИИ (*Generative AI*), специфика которого заключается в способности создавать изображения, текст, музыку и иные материалы по полученным запросам и подсказкам [2, 4, 6, 7].

Специалисты отмечают, что создание и разработка ИИ сопряжены с социальными и этическими рисками, такими как *AI bias* – неправомерное использование личных данных, нарушение конфиденциальности и др. [8]. Подчеркивается необходимость анализа сложившихся условий применения, распространения и разработки ИИ для управления известными рисками и определения новых. Отмечается, что целевая установка создания ИИ – это помощь человеку, а не замена его как субъекта деятельности.

***ИИ в искусстве.*** В настоящее время искусство выступает одной из областей, где ИИ стремительно получает все более широкое применение. В литературе можно встретить указания на две основные стратегии исследования взаимосвязи искусства и ИИ: с одной стороны, стратегию исследования искусства ИИ, с другой, – ИИ в искусстве. В первом случае

ИИ в его многообразии (алгоритмы, вычислительные машины, роботы и др.) предлагается воспринимать как субъект творчества, заслуживающий признания наряду с людьми. Подчеркивается нерешенность вопроса, могут ли компьютеры быть креативными для нужд теории искусства. Отмечается неявный антропоцентризм данного вопроса. Предпринимается попытка выйти за его рамки, рассуждать об искусстве в русле постгуманистических ценностей и понять, в каком смысле человек является креативным, а также существуют ли иные варианты креативности. На передний план выдвигается вопрос о способности ИИ создавать произведения художественной ценности и какой вид примет искусство за авторством ИИ [9].

Альтернативная стратегия исследования взаимосвязи искусства с ИИ состоит в анализе ИИ как инструмента творчества. Вопрос о различении деятелей искусства из числа людей и числа машин здесь уступает место различению профессиональных деятелей искусства и непрофессиональных, притом, что обе группы могут обращаться к ИИ как средству реализации своих творческих идей. Предпринимаются попытки оценить перспективы перестроения искусства под воздействием ИИ, определить влияние нового инструмента на креативные индустрии и на ценность конкретных художественных навыков. Систематизируются факты и успехи использования ИИ в различных видах искусства – в изобразительном искусстве, литературе, кинематографе, музыке и пр. [3, 10]. Прослеживается взаимосвязь результатов творческой деятельности и сущности прав на интеллектуальную собственность. Отмечается юридическая невозможность для ИИ выступать в роли обладателя этих прав и извлекать из них пользу, делается вывод, что субъектом творческой деятельности может быть только человек [11].

Таким образом, стратегии исследования ИИ в искусстве тяготеют к различным социально-философским основаниям. В первом случае ИИ ставится в один ряд с людьми как субъектами творческой деятельности, что создает условия для выхода на абстрактные уровни социальной рефлексии. Во втором случае субъектом творчества признается исключительно человек. Как следствие, социальные отношения в искусстве оказываются сведены к отношениям между людьми. Обе стратегии располагают комплексом аргументов в свою пользу, однако складывается ощущение, что на современном этапе обсуждения темы между ними необходимо делать выбор. В условиях многообразия художественных форм и продолжающегося развития ИИ имеет смысл принимать соответствующее решение на уровне конкретных сфер искусства, поскольку в разных сферах степень применимости каждой стратегии может быть различна.

**ИИ и музыка.** По наблюдениям специалистов, распространение ИИ в искусстве происходит неравномерно. В некоторых сферах, таких как литературное творчество, выставки и цифровые направления в современном изобразительном искусстве, ИИ успел распространиться очень широко. В других сферах, например, в работе над фильмами, технологии ИИ остаются в фазе активного развития и оптимизации затрат. В зависимости от ситуации решение вопроса о субъектности ИИ может значительно варьироваться. Как следствие, анализ социально-философских оснований исследования ИИ в искусстве оказывается перспективно расширять включением в их состав наблюдений конкретных сфер искусства в фокусе исследовательского внимания. Примером такого подхода может выступать анализ социально-философских оснований сферы музыкального искусства.

Музыкальное искусство представляется одной из наиболее технологически продвинутых сфер искусства, а ИИ в музыке относится к числу хорошо развитых [3, pp. 47–72]. Начало работе над ИИ в музыке было положено еще в XIX в., когда на уровне теоретических предположений учеными высказывались идеи о возможностях аналитических вычислительных машин создавать музыкальные фрагменты. К середине XX в. при участии компьютера, композитора Л. Хиллера и программиста Л. Айзексона удалось создать «Иллиак-сюиту», послужившую выдающимся примером использования вычислительной техники в музыкальном творчестве. В последней четверти XX в. исследователь искусственного интеллекта и музыки, композитор и преподаватель Д. Коуп создает программу для анализа и генерации музыкальных фрагментов, имитирующих стиль творчества различных композиторов [12, 13].

В XXI в. с развитием нейронных сетей количество инструментов ИИ для музыкального творчества начинает стремительно расти. Такие инструменты, как Flow Machines от Sony создают условия для коммерциализации ИИ в музыкальном искусстве. Совершенствуются средства анализа музыкальных произведений с помощью ИИ, включая MUSIO от SoundCloud и др. Происходит массовый переход к работе над целостными музыкальными произведениями и песнями. ИИ используется для создания музыкальных альбомов, примером чего может служить альбом Hello, World с участием SKYGGE и других авторов, композиторов и исполнителей. Организуются конкурсы музыкальных композиций, созданных с привлечением ИИ, например, ежегодный конкурс AI Song Contest, проводимый с 2020 г. Появляется возможность привлечения больших языковых моделей, таких как YouChat и др., при написании текстов песен и мелодий, и т. д. [12–17].

Конкретные способы применения ИИ в музыкальном искусстве допускают систематизацию в рамках четырех основных групп интеллектуальных инструментов [3, pp. 55–59].

В рамках первой группы, речь идет об инструментах для анализа и обобщения данных, таких как музыкальные рекомендательные системы и алгоритмы анализа музыкальных произведений. Они могут задействовать в качестве данных информацию о музыкальных предпочтениях пользователей, эмоциональном содержании музыки, особенностях творческого стиля композиторов, закономерностях сочетания музыкальных инструментов в произведениях и др. Полученные в результате выводы могут использоваться для усовершенствования персональных музыкальных рекомендаций, выявления эффективных способов воздействия музыки на аудиторию, а также для оптимизации процессов музыкального творчества [3, p. 57; 18].

Вторую группу инструментов ИИ в музыке составляют инструменты привлечения генеративных моделей ИИ. Предпринимаются попытки применить их к генерации текстов песен, фрагментов музыкальных произведений, а также произведений в целом, хотя в последнем случае технологии остаются до определенной степени ограниченными. Основной акцент делается на возможности генеративных моделей снизить творческую нагрузку на деятелей музыкального искусства, позволив им с помощью ИИ создавать развернутые версии произведений по небольшим фрагментам или в соответствии с запросом [3, p. 58; 19].

Третью группу инструментов ИИ, которые в настоящий момент обсуждаются в контексте музыки, представляет идея об имитационном потенциале ИИ. Отмечается, что ИИ

способен имитировать деятельность человека и даже создавать артефакты, которые указывали бы на деятельность, не существовавшую в реальности (например, определенное исполнение кем-либо той или иной песни). Широкие горизонты имитации для ИИ открыли технологии глубокого обучения (deep learning), продолжающие стремительно развиваться. Исследователи видят в этих технологиях большой потенциал, особенно если их применять в сочетании с инструментами ИИ для анализа и генерации данных. Предполагается, что в будущем ИИ сможет использовать анализ данных для выявления особенностей творчества и стиля деятелей музыкального искусства, генерировать новые данные в соответствии с результатами анализа и имитировать работу этих деятелей искусства, запечатлевая ее в оригинальном исполнении существующих музыкальных произведений и/или в новых произведениях [3, pp. 58–59; 20].

Наконец, четвертая группа инструментов ИИ, имеющих отношение к музыке, объединяет в себе инструменты, предназначенные для переводческой работы. С одной стороны, речь может идти о переводе текстов песен с одних языков на другие, включая переводы с сохранением семантических, ритмических и/или иных особенностей исходных текстов. С другой стороны, имеются в виду преобразования музыкального материала, включая такие формы перевода, как смена жанра, музыкальная транскрипция, аранжировка, музыкальный парафраз и пр. Подчеркивается, что в соответствующих направлениях следует вести дальнейшую работу [3, p. 59].

**Стратегии исследования ИИ в музыкальном искусстве.** Спектр актуальных возможностей применения ИИ в музыкальном искусстве создает условия для обращения к социально-философским основаниям исследования этих возможностей. Прежде всего в контексте музыки получает развитие дискуссия о роли ИИ в искусстве. Выдвигаются альтернативные точки зрения на агентность ИИ в вопросе музыкального творчества [21, pp. 64–67; 22; 23]. Часть исследований строится на допущении исключительной агентности людей, ввиду чего за ИИ закрепляется роль инструмента, призванного расширить человеческий творческий потенциал. Другая часть исследований делает акцент на неперенной вовлеченности людей в материальный контекст музыкального творчества, важное место в котором может занимать ИИ. С этой точки зрения ИИ оказывается не только инструментом, но и вспомогательным агентом творчества в сети других агентов, включая композиторов, музыкантов, музыкальные инструменты и пр. Наконец, еще одна часть исследований дополнительно подчеркивает возможности влияния ИИ на ход развития музыкального творчества и музыкального языка не только отдельных деятелей музыкального искусства, но и целых движений в музыке. С этой точки зрения ИИ предлагается считать не столько второстепенным, сколько полноправным агентом музыкальных социальных практик [21, pp. 64–67].

На фоне сказанного актуализируются дискуссии о значимости человеческой деятельности для музыкального творчества. Специалисты в изучении вопроса и практикующие музыканты включаются в обсуждение перспектив применения музыки, сгенерированной ИИ. Формулируются наблюдения, согласно которым музыка, сгенерированная с помощью ИИ, остается лишенной глубинного смысла, личной истории, духовности и индивидуальности, которые отличают музыкальное творчество человека. Подчеркивается, что применение ИИ в музыке рискует ограничиться аудиторией слушателей без специального музыкального

образования, а также обеспечением коммерческих нужд, таких как реклама и блогинг. Отмечается, что по состоянию на сегодня музыку, претендующую на статус признанного произведения искусства, по-прежнему может создать лишь человек [12].

Кроме того, обращение к теме ИИ в музыке актуализирует проблему влияния социокультурного контекста на музыкальное искусство. Возможности ИИ в области анализа данных, генерации музыки и имитации человеческого поведения позволяют задуматься о создании с помощью ИИ произведений, симулирующих творчество деятелей музыкального искусства, включая тех, кто ушел из жизни [3, pp. 58–59]. Этот факт заслуживает рассмотрения в русле социально-философских вопросов этичности существования подобных симуляций, социальных предпосылок, смыслов музыкального искусства и др. В частности, некоторые авторы подчеркивают, что обращение к ИИ для имитирования чужого музыкального творчества не может быть признано состоятельным, пока в расчет не будет принят социокультурный контекст этого творчества [21, p. 15].

Суммируя сказанное, стратегии исследования ИИ в музыкальном искусстве можно рассматривать как способ углубления дискуссий о роли ИИ в искусстве. Поскольку применение ИИ в музыкальном творчестве получило многочисленные и разнообразные реализации, вопрос о выборе стратегии оказывается в высокой степени актуальным. Полученные к настоящему моменту результаты обсуждения темы включают прецеденты обращения к обеим стратегиям, в связи с чем представляется перспективным прояснение критериев, на основании которых предпочтение может быть отдано одной из них. Ключевыми из таких критериев видятся следующие.

Прежде всего речь должна идти о социально-философской парадигме, в рамках которой происходит обсуждение ИИ в музыкальном искусстве. Социальная философия может предложить различные подходы к отбору и определению сущности социальных феноменов. Традиционно ключевое место в числе этих феноменов отводится общественным отношениям, межличностным взаимодействиям и коммуникации между людьми. Однако также существуют трактовки социальных феноменов, выдвигающие на передний план производительность социальных отношений от поведения участников, постгуманизм и плюралистичность заложенных в социальных феноменах индивидуальных интерпретаций реальности [24–26 и др.]. Решение вопроса о субъектности ИИ в искусстве, и, конкретнее, в музыкальном искусстве, отсылает к этим парадигмам, в результате выбор между ними может служить критерием для обращения к той или иной стратегии исследования творческого потенциала ИИ.

Еще один критерий выбора стратегии при обсуждении роли ИИ в музыкальном искусстве составляют интересы социальных групп, которые попадают в фокус исследования. С одной стороны, использование ИИ в создании музыки к настоящему моменту успело стать широко распространенным, что может говорить о формировании социальной группы, готовой применять его в своей деятельности. К примеру, на официальном сайте корпорации «Boomy», предоставляющей пользователям возможность генерации музыкальных произведений с помощью ИИ, упоминается, что на момент обращения к сайту с помощью Boomy AI было создано более 17,5 млн произведений [27]. С другой стороны, отмечаются факты обеспокоенности авторов и исполнителей музыкальных произведений, чье творчество используется при обучении ИИ, судьбой своих авторских прав и перспективами сохранения

работы. Пример такой обеспокоенности отражают требования удалить с таких платформ, как Spotify, Youtube и др., песни, созданные с помощью ИИ [28]. Для тех, кто применяет ИИ, более значимой оказывается возможность создавать с его помощью авторские произведения, в то время как для тех, на чьем творчестве ИИ проходит обучение, – тот факт, что в качестве входных данных ИИ использует результаты чужого труда.

Наконец, третий критерий выбора стратегии при исследовании ИИ в музыкальном искусстве представляет собой мотивация потенциальных создателей и исполнителей музыкальных произведений. В случае человека существование искомой мотивации едва ли вызывает сомнения (будь то стремление к самовыражению, заработку, передаче эмоций, опыта или даже заимствования чужого материала). Однако в случае ИИ вопрос о мотивации оказывается значительно сложнее. Актуальные варианты применения ИИ в музыке, насколько удастся понять, по-прежнему не выбирают, на чем тренироваться, и начинают работу только по запросу пользователя, не демонстрируя иной инициативы. Этот факт оказывается верен даже для таких инструментов, которые гипотетически могли бы иметь представление о мотивации, поскольку строятся на базе больших языковых моделей (к примеру, Stable Audio от Stability AI [29]).

По совокупности критериев в настоящее время более подходящей для общего случая кажется стратегия исследования ИИ в музыкальном искусстве, которая не предполагает наделяния ИИ субъектностью или агентностью в полном смысле этого слова. Однако также не вызывает сомнения тот факт, что ИИ все более активно обсуждается в контексте социокультурных аспектов искусства и начинает оказывать влияние на облик музыкального искусства.

**Заключение.** Интенсивное развитие технологий в XXI в. вывело ИИ на новый виток и подарило миру множество новых способов использования ИИ. В результате интенсифицировались проблемы, связанные с анализом рисков применения ИИ и управлением этими рисками. Существенное развитие получили вопросы, касающиеся этики ИИ и границ его применения. Началось активное внедрение ИИ в разные сферы социальной жизни. Одной из таких сфер стало искусство.

В обозначенных условиях музыка как вид искусства показала себя перспективной областью для внедрения ИИ. Было предложено несколько крупных направлений применения ИИ в музыке, включая анализ и обобщение данных, генерацию музыкальных произведений и их элементов, имитацию деятельности человека в музыке, различные виды переводов, имеющих отношение к музыкальным произведениям, и др. Были инициированы дискуссии о смыслах и духовности музыкальных произведений, созданных с привлечением ИИ. Проведено разграничение коммерческих и культурных аспектов применения ИИ в искусстве, и, в частности, музыкальном искусстве.

Обращение к научным исследованиям проблематики использования ИИ в искусстве позволяет прояснить социально-философские основания работы ученых над темой. Обнаруживается, что такая работа строится, по меньшей мере, на трех теоретических основаниях из области социальной философии. Прежде всего это отношение исследователей к вопросу о природе субъектности ИИ в искусстве как сфере социальной жизни. В то время как одни ученые предпочитают связывать субъектность исключительно с агентами-людьми, другие

интерпретируют ее в расширительном ключе, благодаря чему ИИ также рассматривается в качестве агента социальных отношений и деятеля искусства. Как результат, в первом случае речь ведется о применении ИИ в искусстве, тогда как во втором – об искусстве непосредственно самого ИИ. Этот вопрос раскрывается более детально на уровне отдельных видов искусства, в частности, на примере музыки.

Вторым социально-философским основанием обозреваемых исследований является оценка творческого потенциала ИИ. В зависимости от авторской точки зрения возможен отказ допускать, что ИИ способен на создание истинных произведений искусства или, напротив, допущение о способности ИИ создавать такие произведения. Отказ предполагает, что использование ИИ в искусстве принципиально ограничено продукцией массового производства, неспособной претендовать на статус шедевра и отвечать ожиданиям людей с развитым вкусом. Напротив, признание потенциала ИИ строится на допущении того, что ИИ может среди прочего быть полезным в работе над искусством в лучших его проявлениях.

Наконец, третьим социально-философским основанием изучения темы выступает оценка значимости социокультурного контекста применения ИИ в искусстве. В зависимости от значения, придаваемого комплексу социально-философских и этических проблем использования ИИ, ученые могут уделять различное внимание аксиологическим, нравственным, правовым и иным последствиям его применения. В результате оказываются возможны не только инициативы по внедрению и совершенствованию ИИ в искусстве, но также инициативы, направленные на ограничение его использования. В зависимости от особенностей вида искусства, о котором идет речь в том или ином конкретном случае, спектр этих инициатив может различаться.

В настоящее время развитие ИИ еще далеко не исчерпано. Впереди могут быть открытия, которые кардинально изменят искусство и роль человека в нем. С этой точки зрения остается актуальным дальнейшее обсуждение социально-философских оснований исследования темы в ее диалектическом развитии.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнера, М. И. Левиной. М.: Мысль, 1990.
2. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму / М. С. Бурцев, О. Л. Бухвалов, А. А. Ведяхин и др. М.: Интеллектуальная литература, 2021.
3. Hageback N., Hedblom D. AI for Arts. Boca Raton: CRC Press, 2022.
4. Wooldridge M. A Brief History of Artificial Intelligence: What It Is, Where We Are, and Where We Are Going. NY: Flatiron Books, 2021.
5. ГОСТ Р 59276–2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения. URL: <https://gostassistant.ru/doc/ea6e0879-c26d-4eac-a4b4-9aad39b8e778> (дата обращения: 20.05.2023).
6. Babcock J., Bali R. Generative AI with Python and TensorFlow 2. Harness the power of generative models to create images, text, and music. Birmingham, Mumbai: Packt, 2021.
7. Мамина Р. И., Пирайнен Е. В. Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 35–51. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51.

8. Морхат П. М. Риски и угрозы, связанные с применением искусственного интеллекта // *Аграрное и земельное право*. 2017. № 12 (156). С. 60–65.
9. Zylinska J. *AI Art: Machine Visions and Warped Dreams*. London: Open Humanities Press, 2020.
10. Шкаленко А. В., Фадеева Е. А. Влияние искусственного интеллекта на креативные индустрии: тенденции и перспективы // *Вестн. ВолГУ. Экономика*. 2022. Т. 24, № 3. С. 44–59. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.3.4.
11. Комашко М. Н. Институт авторства и искусственный интеллект // *Труды по интеллектуальной собственности*. 2022. Т. 42, № 3. С. 98–109. DOI: 10.17323/tis.2022.15939.
12. Елкина В. Искусственный интеллект научился сочинять музыку, совсем как человек // *Rb.ru*. 22.02.2017. URL: <https://rb.ru/story/ai-composer/> (дата обращения: 22.05.2023).
13. Перепелкина О. Нейронная соната: как искусственный интеллект генерирует музыку // *РБК. Тренды*. 23.07.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5f84b49e9a794729fefb4c88> (дата обращения: 22.05.2023).
14. MUSIIO By SoundCloud. URL: <https://www.musiio.com/> (дата обращения: 12.10.2023).
15. About Hello World. URL: <https://www.helloworldalbum.net/> (дата обращения: 12.10.2023).
16. AI Song Contest. URL: <https://www.aisongcontest.com/> (дата обращения: 12.10.2023).
17. YouChat. URL: <https://you.com/> (дата обращения: 12.10.2023).
18. Geroulanos A., Giannakopoulos Th. Emotion Recognition in Music Using Deep Neural Networks // *Advances in Speech and Music Technology: Computational Aspects and Applications* / ed. by A. Biswas et al. Cham: Springer Nature, 2023. P. 193–213.
19. Hernandez-Olivan C., Beltrán J. Music Composition with Deep Learning: A Review // *Advances in Speech and Music Technology: Computational Aspects and Applications* / ed. by A. Biswas et al. Cham: Springer Nature, 2023. P. 25–50.
20. Kirke A., Miranda E. R. Performance Creativity in Computer Systems for Expressive Performance of Music // *Handbook of Artificial Intelligence for Music: Foundations, Advanced Approaches, and Developments for Creativity* / ed. by E R. Miranda. Cham: Springer Nature, 2021. P. 521–584.
21. Gioti A.-M. Artificial Intelligence for Music Composition // *Handbook of Artificial Intelligence for Music: Foundations, Advanced Approaches, and Developments for Creativity* / ed. by E R. Miranda. Cham: Springer Nature, 2021. P. 53–73.
22. Марков Б. В., Ярочкин Д. А. Музыка перед вызовами цифрового общества // *Журнал Сиб. фед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки*. 2021. Т. 14, № 6. С. 810–821. DOI: 10.17516/1997-1370-0762.
23. К вопросу об определении роли искусственного интеллекта в музыке / А. В. Попова, С. С. Горохова, Г. М. Азнагулова, М. Г. Абрамова // *Проблемы музыкальной науки*. 2020. № 2. С. 7–17. DOI: 10.3377/2587-6341.2020.2.007-017.
24. Орехов А. М. Социально-философская наука: предметные основания, структура, функции // *Вестн. РУДН. Сер. Философия*. 2007. № 3. С. 5–17.
25. Хабермас Ю. *Теория коммуникативной деятельности: в 2 т.* / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Весь мир, 2022.
26. Crawford T. H. Bruno Latour: From the Non-Modern to the Posthuman // *The Palgrave Handbook of Posthumanism in Film and Television* / ed. by M. Hauskeller et al. Basingstoke, NY: Palgrave Macmillan, 2015. P. 37–44.
27. Boomy. URL: [boomy.com](https://boomy.com/) (дата обращения: 12.10.2023).
28. Johnson A. Spotify Removes 'Tens of Thousands' of AI-Generated Songs: Here's Why // *Forbes*. 09.05.2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/ariannajohnson/2023/05/09/spotify-removes-tens-of-thousands-of-ai-generated-songs-heres-why/?sh=34ac4f574f4a> (дата обращения: 12.10.2023).
29. Stable Audio. URL: <https://www.stableaudio.com/> (дата обращения: 12.10.2023).

### Информация об авторе.

**Ильина Анна Валерьевна** – аспирантка кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, этика искусственного интеллекта.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 05.06.2023; принята после рецензирования 12.10.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.

### REFERENCES

1. Hegel, G.W.F. (1990), *Vorlesungen über Rechtsphilosophie*, Transl. by Stolpner, B.G. and Levin, M.I., Mysl', Moscow, USSR.
2. Burtsev, M.S., Bukhvalov, O.L., Vedyakhin, A.A. et al. (2021), *Sil'nyi iskusstvennyi intellekt: na podstupakh k sverkhrazumu* [Strong artificial intelligence: approaching the superintelligence], *Intellektual'naya literatura*, Moscow, RUS.
3. Hageback, N. and Hedblom, D. (2022), *AI for Arts*, CRC Press, Boca Raton, USA.
4. Wooldridge, M. (2021), *A Brief History of Artificial Intelligence: What It Is, Where We Are, and Where We Are Going*, Flatiron Books, NY, USA.
5. GOST R 59276–2020. *Sistemy iskusstvennogo intellekta. Sposoby obespecheniya doveriya. Obshchie polozheniya* [Artificial intelligence systems. Ways to ensure doveryiya. General provisions], available at: <https://gostassistant.ru/doc/ea6e0879-c26d-4eac-a4b4-9aad39b8e778> (accessed 20.05.2023), RUS.
6. Babcock, J. and Bali, R. (2021), *Generative AI with Python and TensorFlow 2. Harness the power of generative models to create images, text, and music*, Packt, Birmingham, Mumbai, UK.
7. Mamina, R.I. and Piraynen, E.V. (2023), "Emotional Artificial Intelligence as a Tool for Human-Machine Interaction", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 35–51. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51.
8. Morkhat, P.M. (2017), "Risks and threats associated with the use of artificial intelligence", *Agrarian and land law*, no. 12 (156), pp. 60–65.
9. Zylinska, J. (2020), *AI Art: Machine Visions and Warped Dreams*, Open Humanities Press, London, UK.
10. Shkalenko, A.V. and Fadeeva, E.A. (2022), "Impact of artificial intelligence on creative industries: trends and prospects", *J. of Volgograd State Univ. Economics*, vol. 24, no. 3, pp 44–59. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2022.3.4
11. Komashko, M.N. (2022), "The institution of authorship and artificial intelligence", *Works on intellectual property*, vol. 42, no. 3, pp. 98–109. DOI: 10.17323/tis.2022.15939.
12. Elkina, V. (2017), "Artificial intelligence has learned to compose music, just like a human", *Rb.ru*, 22.02.2017, available at: <https://rb.ru/story/ai-composer/> (accessed 22.05.2023).
13. Perepelkina, O. (2021), "Neural sonata: how artificial intelligence generates music", *RBK Trendy*, 23.07.2021, available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5f84b49e9a794729fefb4c88> (accessed 22.05.2023).
14. *MUSIIO By SoundCloud*, available at: <https://www.musii.com/> (accessed 12.10.2023).
15. *About Hello World*, available at: <https://www.helloworldalbum.net/> (accessed 12.10.2023).
16. *AI Song Contest*, available at: <https://www.aisongcontest.com/> (accessed 12.10.2023).
17. *YouCha*, available at: <https://you.com/> (accessed 12.10.2023).
18. Geroulanos, A. and Giannakopoulos, Th. (2023), "Emotion Recognition in Music Using Deep Neural Networks", *Advances in Speech and Music Technology: Computational Aspects and Applications*, in Biswas, A. et al. (eds.), Springer Nature, Cham, CHE, pp. 193–213.
19. Hernandez-Olivan, C. and Beltrán, J. (2023), "Music Composition with Deep Learning: A Review", *Advances in Speech and Music Technology: Computational Aspects and Applications*, in Biswas, A. et al. (eds.), Springer Nature, Cham, CHE, pp. 25–50.

20. Kirke, A. and Miranda, E.R. (2021), "Performance Creativity in Computer Systems for Expressive Performance of Music", *Handbook of Artificial Intelligence for Music: Foundations, Advanced Approaches, and Developments for Creativity*, in Miranda, E.R. (ed.), Springer Nature, Cham, CHE, pp. 521–584.

21. Gioti, A.-M. (2021), "Artificial Intelligence for Music Composition", *Handbook of Artificial Intelligence for Music: Foundations, Advanced Approaches, and Developments for Creativity*, in Miranda, E.R. (ed.), Springer Nature, Cham, CHE, pp. 53–73.

22. Markov, B.V. and Yarochkin, D.A. (2021), "Music against the challenges of digital society", *J. of Siberian Federal Univ. Humanities and Social Sciences*, vol. 14, no. 6, pp. 810–821. DOI: 10.17516/1997-1370-0762.

23. Popova, A.V., Gorokhova, S.S., Aznagulova, G.M. and Abramova, M.G. (2020), "Concerning the Question of Determining the Role of Artificial Intellect in Music", *Music Scholarship*, no. 2, pp. 7–17. DOI: 10.3377/2587-6341.2020.2.007-017.

24. Orekhov, A.M. (2007), "Social-philosophical sciences: for the statement of a question", *RUDN J. of Philosophy*, no. 3, pp. 5–17.

25. Habermas, J. (2022), *Theorie des kommunikativen Handelns*, Transl. by Sudakov, A.K., Izd-vo "Ves' mir", Moscow, RUS.

26. Crawford, T.H. (2015), "Bruno Latour: From the Non-Modern to the Posthuman", *The Palgrave Handbook of Posthumanism in Film and Television*, in Hauskeller, M. et al. (eds.), Palgrave Macmillan, Basingstoke, NY, USA, pp. 37–44.

27. *Boomy*, available at: boomy.com (accessed 12.10.2023).

28. Johnson, A. (2023), "Spotify Removes 'Tens of Thousands' of AI-Generated Songs: Here's Why", *Forbes*, 09.05.2023, available at: <https://www.forbes.com/sites/ariannajohnson/2023/05/09/spotify-removes-tens-of-thousands-of-ai-generated-songs-heres-why/?sh=34ac4f574f4a> (accessed 12.10.2023).

29. *Stable Audio*, available at: <https://www.stableaudio.com/> (accessed 12.10.2023).

#### **Information about the author.**

**Anna V. Ilina** – Postgraduate at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of five scientific publications. Area of expertise: social philosophy, ethics of artificial intelligence.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.*

*Received 05.06.2023; adopted after review 12.10.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 316.4.051.62  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-57-73>

## Исследование ценностей студентов-программистов в контексте идей В. П. Тугаринова (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета)

**Владимир Александрович Глухих<sup>1</sup>, Роман Евгеньевич Попов<sup>2</sup>,  
Артур Андреевич Салахутдинов<sup>3</sup>, Павел Петрович Дерюгин<sup>4✉</sup>**

<sup>1,4</sup>Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»  
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

<sup>2,3,4</sup>Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

<sup>4</sup>Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

<sup>1</sup>[vladimirglu@mail.ru](mailto:vladimirglu@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5218-6420>

<sup>2</sup>[popov\\_re@list.ru](mailto:popov_re@list.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4674-0867>

<sup>3</sup>[artes\\_93@mail.ru](mailto:artes_93@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7556-0289>

<sup>4✉</sup>[ppd333@rambler.ru](mailto:ppd333@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

**Введение.** В статье рассматриваются концептуальные идеи В. П. Тугаринова о единстве познания и ценностей, которые отражают целостность познания – оценки – практики. В рамках данных теоретических установок представлены результаты эмпирического исследования человеческого капитала студентов.

**Методология и источники.** Методологические основания исследования формируются как синтез идей вокруг сущностных характеристик ценностей, высказанных В. П. Тугариновым, положений теории человеческого капитала Г. Беккера и методологических установок стратегий социологического исследования ценностей В. А. Ядова.

**Результаты и обсуждение.** Первый результата заключается в том, что студенты признают как существенную связь получаемых в университете знаний, навыков и умений с системой их ценностей, что подтверждает гипотезу о взаимосвязи человеческого капитала и ценностей личности. Второй результат – студенты-программисты фиксируют роль и важность знаний, получаемых преимущественно при изучении предметов социогуманитарного цикла, которые, по их мнению, играют роль ведущего начала в формировании системы ценностей.

**Заключение.** Проведенное исследование показывает актуальность современного прочтения концептуальных идей В. П. Тугаринова относительно связей познания с ценностями и далее с продуктивной деятельностью. В исследовании такие связи выявлены и охарактеризованы по ряду направлений и содержательных элементов, поэтому становится очевидным: любая познавательная деятельность стимулирует и развивает систему ценностей обучающихся.

**Ключевые слова:** человеческий капитал, ценности, университеты, образование

© Глухих В. А., Попов Р. Е., Салахутдинов А. А., Дерюгин П. П., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

**Для цитирования:** Исследование ценностей студентов-программистов в контексте идей В. П. Тугаринова (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета) / В. А. Глухих, Р. Е. Попов, А. А. Салахутдинов, П. П. Дерюгин // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 57–73. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-57-73.

Original paper

## **A Study of the Values of Student Programmers in the Context of the Ideas of V.P. Tugarinov (to the 300th Anniversary of Saint Petersburg State University)**

**Vladimir A. Glukhikh<sup>1</sup>, Roman E. Popov<sup>2</sup>,  
Artur A. Salakhutdinov<sup>3</sup>, Pavel P. Deryugin<sup>4</sup>**

<sup>1,4</sup>*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

<sup>2,3,4</sup>*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

<sup>4</sup>*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia*

<sup>1</sup>*vladimirglu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5218-6420>*

<sup>2</sup>*popov\_re@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4674-0867>*

<sup>3</sup>*artes\_93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7556-0289>*

<sup>4</sup>*ppd333@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>*

**Introduction.** The article deals with the conceptual ideas of V.P. Tugarinov about the unity of knowledge and values, which reflect the integrity of knowledge – evaluation – practice. Within the framework of these theoretical guidelines, the results of an empirical study of the human capital of students are presented.

**Methodology and sources.** The methodological foundations of the study are formed as a synthesis of ideas around the essential characteristics of values expressed by V.P. Tugarinov, provisions of the theory of human capital by G. Becker and methodological guidelines for the strategies of the sociological study of values by V.A. Yadov.

**Results and discussion.** The first result is that students recognize a significant connection between the knowledge, skills and abilities acquired at the university with their system of values, which confirms the hypothesis about the relationship between human capital and personality values. The second result is that students-programmers mainly fix the role and importance of knowledge gained in the study of subjects of the socio-humanitarian cycle, which, in their opinion, play the role of a leading principle in the formation of a system of values.

**Conclusion.** The conducted research shows the relevance of the modern reading of the conceptual ideas of V.P. Tugarinov regarding the connections of knowledge with values and further with productive activity. In the study, such connections are identified and characterized in a number of areas and content elements, it becomes obvious that any cognitive activity stimulates and develops the value system of students.

**Keywords:** human capital, values, universities, education

**For citation:** Glukhikh, V.A., Popov, R.E., Salakhutdinov, A.A. and Deryugin, P.P. (2023), “A Study of the Values of Student Programmers in the Context of the Ideas of V.P. Tugarinov (to the 300th Anniversary of Saint Petersburg State University)”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 57–73. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-57-73 (Russia).

**Введение.** Проблема научного понимания и трактовки ценностей, их социальной природы, социодинамики их формирования и влияния на человеческий капитал различных социальных и профессиональных групп составляет одну из фундаментальных основ изучения

общества [1]. Неоспоримая важность ценностей рассматривается фундаментальным направлением социальной науки [2]. В настоящее время эта проблематика активизирована всей совокупностью глобальных социально-политических трансформаций [3], а для подготовки российских ИТ-специалистов приобрела особую актуальность. Формирование ценностей цифрового общества в единстве с традиционными ценностями россиян становится одним из основных приоритетов развития российской социологии [4]. В этом отношении осмысление научного богатства отечественной науки о ценностях в новых социальных обстоятельствах следует воспринимать как одну из важных задач российской науки. В частности, новую актуальность приобретают мысли и идеи о формировании ценностей, связи ценностей с деятельностью людей, высказанные отечественным ученым, специалистом в области философской онтологии и аксиологии В. П. Тугариновым.

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук В. П. Тугаринов обосновал концептуальную идею о смысле и характеристиках ценностей и сформулировал ее как последовательную цепочку – «знаменитую триаду» (И. Б. Хмырова-Пруель), как единство познания – оценки – практики. «Человек не только познает и созерцает, но неизбежно оценивает и действует», – писал он [5, с. 256]. Исследователь творчества выдающегося ученого И. Б. Хмырова-Пруель отмечает, что приоритет В. П. Тугаринова в отечественных разработках концепции ценностей очевиден и неоспорим [6]. Его последователи А. О. Бороноев, Г. П. Выжлецов, М. С. Каган, А. А. Ручка и многие другие не раз подчеркивали выдающийся вклад В. П. Тугаринова в исследование проблематики ценностей как явления, взаимосвязанного с познанием окружающего мира и деятельностью человека. В современных условиях теоретический багаж этих знаний осознается как актуальное наследие в исследовании и понимании традиционных ценностей россиян.

Центральным пунктом теории В. П. Тугаринова выступает признание возникновения ценностного отношения как неизбежного момента познания, будь то освоение научной идеи или осмысление эмпирических фактов. Напротив, в контексте некоторых современных трактовок природы познавательной деятельности можно встретить подходы, в рамках которых освоение информации или получение знания может пониматься как беспристрастный, безоценочный момент, т. е. некоторыми исследователями и практиками освоение какой-либо научной концепции, теории рассматривается как «чистый» процесс «получения информации» или пользование «образовательной услугой». Дело здесь не в идеологической подоплеке вопроса, хотя научный анализ ценностей как ядра общественного сознания всегда представляет известную опасность для официальной идеологии [7, с. 84], менее всего авторы предполагают обращение внимания к идеологическим конструкциям или выводам. Дело в том, что освоение знаний объективно необходимо побуждает оценочный момент получаемого знания – пускового механизма формирования ценностей, и от этого обстоятельства никуда не деться.

Еще одним актуальным для настоящего исследования аспектом выступает положение теории ценностей В. П. Тугаринова, касающееся социального контекста формирования индивидуальных ценностей: только в рамках социума формируется нормативно-ценностная взаимосвязь познания и ценностей. Как считал ученый, «благорасположенность к обществу, основанная на признательности за те блага, которые оно нам дает», неизбежно предполагает

«воспитание благомыслящего обывателя» [6]. В. П. Тугаринов считал, что смысл жизни может заключаться лишь в самой жизни, в служении этой жизни. Однако служение только своей личной жизни, своим личным интересам в отрыве от общественных – это весьма иллюзорная ценность [6]. Ученый относится к пониманию самого человека как ценности. «В отличие от прежних определений ценностей В. П. Тугаринов упоминал и отдельную личность: ибо личность входит в общественное целое. Жизненные ценности не могут быть полностью погружены в общество. Необходимо иметь в виду, что: во-первых, неповторимы особенности физического и психического склада каждого индивида; во-вторых – личность должна сама решать многие вопросы своей жизни; в-третьих – личность способна наследовать от прошлого и воспринимать от окружающих предрассудки, пережитки, порождающие различные лжеценности. Иногда при рассмотрении личностью псевдоценностей они кажутся подлинными ценностями. В ряде случаев личность остается невосприимчивой к тем ценностям, которые ей иногда навязывает общество. Тактические жизненные ценности личности зачастую оказываются в разительном противоречии с ценностями общества» [6].

Проблемность настоящего исследования состоит в изучении противоречий между важной ролью образования в формировании ценностей – с одной стороны, и существующими точками зрения о том, что образование в современном цифровом мире является беспристрастным процессом получения информации – с другой, а также в осознании роли образования как триггера ценностей в студенческой среде. Особая практическая проблемность исследования продиктована активизацией общественного внимания к подготовке ИТ-специалистов, их ценностям и человеческому капиталу, которые вызывают активный интерес и предполагают научное объяснение происходящего.

**Методология и источники.** Методологические основания исследования формируются как синтез идей вокруг сущностных характеристик процесса формирования ценностей в процессе познания, высказанных В. П. Тугариновым; положений теории человеческого капитала Г. Беккера и методологических установок стратегий социологического исследования ценностей В. А. Ядова, в частности, понимание последним ценностей как установок личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества [8].

Концептуально-методологические позиции исследования могут быть сформулированы в следующих положениях. Центральный принцип исследования базируется на понимании взаимосвязи гносеологии и ценностей по В. П. Тугаринову, которые раскрывают идею о том, что в процессе достижения любых целей и интересов человек неизбежно формирует определенную систему ценностей, будь то профессиональная практика, подготовка к ней или общественная, экономическая и другая деятельность, получение технического или социогуманитарного знания. Как считал ученый, у людей существует бесчисленное количество реальных ценностей во всех областях действительности, они выявляются по мере того, как человек осваивает их для себя, для достижения своих целей и удовлетворения интересов.

Из этих базовых положений вытекает ряд актуальных следствий:

– гносеология и социальное познание естественным образом связаны с принципами аксиологии, что позволяет охарактеризовать совокупность причинно-следственных связей формирования ценностей как зависимых от познавательной деятельности: человек не только познает и созерцает, но оценивает и действует [5, с. 256];

– достижение целей в различных сферах деятельности предполагает наличие различных видов ценностей (по В. П. Тугаринову – политических, моральных, эстетических, философских, правовых и др.): деление ценностей на материальные, социально-политические и духовные, будучи основано на соответственном делении основных отраслей общественной деятельности, не исключает деления ценностей на наличные (экзистенциальные), целевые и нормативные [5, с. 283]. Особая роль у духовных ценностей, под которыми надо понимать ценности науки, морали и искусства [5, с. 281];

– формирование ценностей происходит в рамках социальных и деятельностях условий и факторов, влияние которых может по-разному сказываться на характере освоения ценностей: без ценностного подхода не может существовать и общество [5, с. 256]. Марксова теория стоимости является экономическим выражением теории ценностей [5, с. 257];

– соотношение познавательного и ценностного подходов в социологии составляет актуальное направление исследований, которое предполагает изучение стратегий-технологий освоения новых ценностей и взаимосвязь этих стратегий с личностью. Под интересом понимается направление мыслей и чувств человека на объекты, удовлетворяющие или способные удовлетворить его потребности [5, с. 265–266];

– результат освоения новых способов познавательной деятельности (мышления) транслирует пересмотр существующих и актуальность появления новые ценностей. В частности, новые ценности изменяют саму личность и ее положение в социуме: осуществленная цель перестает быть целью [5, с. 268].

Цель исследования заключается в выявлении, изучении и социологическом анализе взаимовлияния освоенных знаний как драйверов формирования человеческого капитала и основания в становлении системы ценностей студентов за период обучения в университете.

Методику исследования можно охарактеризовать как комбинацию опросного метода и контент-анализа. Технология проведения методики предполагала обращение к респондентам с постановкой задачи высказать свое мнение (представление) по поводу связи между полученными знаниями, навыками и умениями как базовыми элементами человеческого капитала (по Беккеру) – с одной стороны, с ценностями и ценностными ориентациями личности за период обучения в университете – с другой. Конкретно вопрос формулировался таким образом: на ваш взгляд, влияет ли получение высшего образования (т. е. получение знаний, навыков, умений, компетенций как основы человеческого капитала) на трансформацию ценностей личности – моральных, политических, эстетических и иных? Приведите один-два примера. Для достижения единых подходов к пониманию категорий анализа предварительно респондентам были представлены определения человеческого капитала (по Г. Беккеру [9]) и определение ценностей (по В. А. Ядову). Опрос проводился письменно. Далее полученные тексты анализировались по системе индикаторов, характеризующих связи между полученными знаниями, навыками, умениями и системой ценностей и ориентаций. Были выделены три группы критериев оценивания:

1. Осознание степени связи образования и ценностей (положительная – значимая; в целом такая связь существует; слабая; нейтральная; отрицательная). В процессе обработки результатов был выделен еще один индикатор связи: положительная – зависимая от характера образования (см. табл. 1 и рис. 1).

2. Осознание зависимости ценностей от характера получаемого знания (политические, моральные, профессиональные и др. – см. табл. 2).

3. Осознание базовых условий и факторов, влияющих на формирование ценностей в процессе обучения (зависит от самого студента; социально-психологические факторы, организационно-методические условия организации учебного процесса; проведение специальных мероприятий – см. рис. 1.). Опрос проводился в 2022 г. в Санкт-Петербурге среди студентов ИТ-специальностей (n = 224).

*Гипотезы эмпирического исследования.* Во-первых, в ответах студентов предполагается фиксация связи между образованием и ценностями как преимущественно положительной и значимой. Наряду с этим возможны и иные представления о характере такой связи (ситуативная, нейтральная, отрицательная и пр.). Во-вторых, ценности студентов группируются по некоторым видам, например, моральные, политические, правовые и прочие, среди которых значительная часть будет относиться к профессиональным. Важными для студенческой молодежи окажутся ценности рыночного порядка и ценности цифрового общества. В-третьих, для формирования ценностей актуален целый ряд социально-педагогических условий и методических подходов организации деятельности университетов. Представления студентов в большей степени будут отражать условия и факторы, влияющие на ценности, в меньшей мере они будут ориентированы на методические подходы, раскрывающие практику организации и методику работы университета. В свою очередь это скажется на особенностях самосознания студентов и ожидании объективных изменений, наступающих в результате такого осознания.

**Результаты и обсуждение.** Результаты контент-анализа ассоциаций студентов относительно связи знаний, навыков и умений как основных элементов человеческого капитала и ценностей выстраивались в последовательной логике как рассмотрение ряда технологий анализа полученных данных и подтверждения эмпирических гипотез.

*Результат первый.* В представлениях студентов связь между получаемыми в университете знаниями, навыками, умениями и системой ценностей может быть охарактеризована преимущественно как прямая положительная. Статистические данные о характеристике этих связей показаны в табл. 1 и на рис. 1.

Таблица 1. Влияние знаний, навыков и умений на формирование ценностей  
Table 1. The influence of knowledge of skills and abilities on the formation values

Характер взаимосвязи	Степень влияния	Описательные характеристики связей-ассоциаций, примеры	Количество респондентов, чел. (%)
Положительный	Значимое влияние	Безусловное, значимое, напрямую, кардинально, несомненно, действительно, сильно, абсолютно, очень, важное, не может не отразиться	37 (17 %)
	В целом оказывающее влияние	Важная роль, способствует. «Да, влияет. За счет познания мира через знания, полученные в высшем учебном заведении, человек может склоняться в пользу каких-то определенных ценностей, имеющих связь с приобретенными компетенциями. Однако мера этого влияния сугубо индивидуальна, так как знания не получают в “информационном вакууме” и всегда есть альтернативные источники формирования ценностей»	108 (51 %)

Окончание таблицы 1  
End of table 1

Характер взаимосвязи	Степень влияния	Описательные характеристики связей-ассоциаций, примеры	Количество респондентов, чел. (%)
	Слабое влияние	«Я считаю, что получение новых знаний может (но не всегда) повлиять на ценности человека. Он будет получать новые знания, информацию по каким-то темам, может увидеть какую-либо ситуацию под другим углом, познакомится с чужой точкой зрения»	4 (1,8 %)
	Зависимое от типа образования	Гуманитарное/техническое/экономическое. «Если человек получает высшее образование в области, связанной с моральными нормами, тогда есть шанс на изменение его взглядов»	4 (1,8 %)
<b>Ситуативный</b>	Возможно, влияющее	Может быть по-разному, в определенной степени, в ряде случаев влияет, ситуативно, косвенно, маловероятно, возможное влияние, важная, но не решающая роль	43 (21,6 %)
<b>Нейтральный</b>	Не влияющее	«Я считаю, что основные моральные и эстетические ценности не меняются у человека уже после начала обучения в школе, т. е. они формируются еще в раннем детстве. Если в процессе жизни человек начинает действовать вопреки этим основным ценностям, это непременно приведет к дискомфорту, неудовлетворенности жизнью. Мы с мамой обсуждали эту тему, и она говорит, что как бы я не менялась в своем поведении эти годы, видно, что мои ценности не меняются. То же она говорит и про всех других людей». «Но не думаю, что получение высшего образования может иметь огромное значение на трансформацию ценностей. Если у человека есть своя твердая позиция, то он ее и придерживается»	11 (5 %)
<b>Отрицательный</b>	Влияющее отрицательно	Пренебрежительное отношение к другим людям, не получавшим высшее образование, изворотливость – обман за счет знаний, заносчивость, неуважительное отношение к другим, высокомерие, конфликтность. «Можем научиться “создавать видимость”, опять же из-за объема работ»	4 (1,8 %)

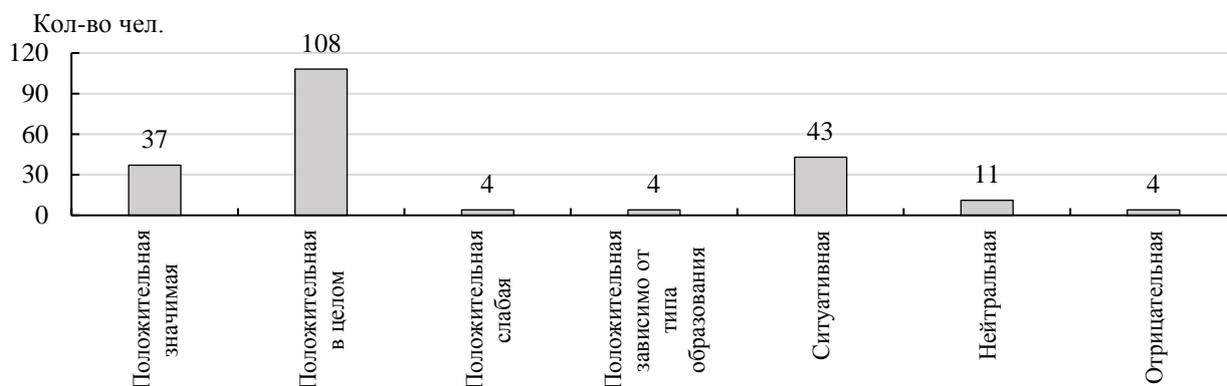


Рис. 1. Влияние знаний навыков и умений на формирование ценностей  
Fig. 1. The influence of knowledge of skills and abilities on the formation of values

Не все респонденты смогли оценить характер связи знаний и ценностей, из 224 человек свою точку зрения сформулировали 211.

Таким образом, для подавляющего числа студентов (71,6 %) очевиден факт влияния получаемых знаний на трансформацию системы ценностей за период обучения в университете. Понятна и направленность изменения ценностей под влиянием получаемых знаний: как считают некоторые студенты, «полученные знания сдвигают ценности на более глубокие смыслы».

Для 21,6 % студентов это влияние оценивается скорее как ситуативное: «Высшее образование – разноплановая вещь, которая может развивать в человеке абсолютно противоположные качества, а зачастую только укрепляет сформировавшегося к поступлению человека. Как пример приведу своих родителей. Оба выпускники инженерных специальностей петербургских вузов: мама – Горный, папа – втуз. Но набор моральных ценностей абсолютно разный: если мама читает книги, ходит в театры, учится дальше, любимое папино занятие – посмотреть «Бандитский Петербург» и прочее после работы. Думаю, высшее образование несет важную, но не решающую роль в становлении ценностей человека».

Считают, что не оказывает влияние, 5 % респондентов: «Я считаю, что не влияет, так как получение образования лишь развивает человека в определенном направлении, дает ему необходимые знания для реализации каких-либо целей. Нельзя, например, сказать, что изучение математики и программирования помогут мне переосмыслить моральные нормы общества. Однако, бывают исключения».

Менее 2 % респондентов показали, что получаемые знания скорее отрицательно сказались на формировании системы их ценностей: «Получение высшего образования оказывает определенное влияние на формирование ценностей личности наравне с любым опытом, получаемым человеком на протяжении всей жизни. На моральные ценности влияние скорее отрицательное, так как под влиянием большого количества стрессов и нагрузки студенты чаще отказываются от честного выполнения задач курсов». Следует подчеркнуть, что вредные влияния также могут иметь значимость. Как подчеркивал В. П. Тугаринов, «значимость или значение имеют не только ценности, но и вред» [5, с. 261].

Таким образом, центральным трендом, по мнению студентов, оказалось признание существенной связи получаемых в университете знаний, навыков и умений с системой их ценностей, что подтверждает гипотезу о взаимосвязи человеческого капитала и ценностей личности.

*Результат второй.* Студенты-программисты фиксируют роль и важность знаний, получаемых преимущественно при изучении предметов социогуманитарного цикла, которые, по их мнению, играют роль ведущего начала в формировании системы ценностей. Специальные предметы, профессиональные знания и их влияние на систему ценностей воспринимаются студентами как менее значимые. Обобщенные данные по результатам контент-анализа текстов эссе даны в табл. 2.

Представленные виды ценностей были упомянуты в работах 212 респондентов. Как показывает анализ, знания, полученные в университете, наиболее существенное влияние оказали на трансформацию политических и моральных ценностей студентов. Существенно приобретенные знания оказали влияние на эстетические, философско-мировоззренческие, социально-гуманитарные ценности. В целом 89 % респондентов показали, что знания, полученные в университете, отражаются на формировании тех видов ценностей, которые скорее

могут быть отнесены к социально-гуманитарным. 9,1 % считают, что образование изменяет отношение к научной деятельности, интеллектуальному развитию, образованию в целом. Особого обсуждения заслуживает проблема формирования профессиональных ценностей, об изменении которых высказались 8,9 %. Ряд студентов отметили, что профессиональные ценности довольно просто можно освоить «в течении полугода работы по специальности».

Таблица 2. Описательные характеристики связей-ассоциаций, точки зрения  
Table 2. Descriptive characteristics of connections-associations, points vision

Виды ценностей	Описательные характеристики связей-ассоциаций, точки зрения	Количество респондентов, чел. (%)
Моральные, нравственные	<p>Выдержка, сдержанность, формализация отношений, свобода, достоинство, уважение, взаимопонимание, ответственность, порядочность, гордость, связь поколений.</p> <p>«Эти ценности вуз не меняет».</p> <p>«Я отведу – определенно да, просвещаясь в разных областях науки, человек меняет не только свои взгляды на жизнь, но и моральные ценности»</p>	41 (19,3 %)
Политические	<p>Демократия, политграмотность, политическая позиция, митинги, идеалы системы, осуждение расизма, патриотизм.</p> <p>«Политические ценности могут меняться в процессе жизни, но тоже до определенного момента, так как политические установки, на мой взгляд, легче изменить, чем моральные и эстетические. Также могу привести пример из собственной жизни, так как мое отношение к власти и политические взгляды тоже поменялись».</p> <p>«Например, человек, получающий определенные знания в области истории и юриспруденции, может поменять свою политическую позицию»</p>	58 (27,3 %)
Эстетические	<p>«Например, если вы изучаете изобразительное искусство, то лучше поймете концепции искусства, ваше видение произведений, ценности искусства будут расширены. Ваша эстетика будет улучшена»</p>	24 (11,3 %)
Профессиональные	<p>«Ценности личности изменяются и в наше время. Блогер Хованский благодаря обучению в ЛЭТИ осознал, что лично для него отличным способом зарабатывать является создание видео на ютуб, хотя ранее он презирал это».</p> <p>«Например, мы – студенты, получаем навык работы с большим количеством информации. Мы можем осознавать ценность этого навыка и применять его для того, чтобы разобраться с большим количеством проблем, вникнуть в их суть. Это положительное проявление, честность выполнения работы»</p>	19 (8,9 %)
Социогуманитарные и культурные	<p>«На мой взгляд, высшее образование может повлиять на ценности человека. Студент получает большее количество информации, и у него формируется некая система знаний, которая влияет на развитие личности и формирование более глубокого восприятия мира. Высшее образование, например, воспитывает в человеке культуру».</p> <p>«На собственном примере я наблюдаю, как изучение социологии влияет на мои взгляды, понимание текущей мировой ситуации, общества. Я начал читать книгу современного социолога с очень интересным взглядом на жизнь, которую посоветовал преподаватель по практике, что вряд ли я стал бы делать, не заинтересовавшись ранее на университетских занятиях».</p> <p>«Более углубленно изучая курс истории, человек может узнать какие-то детали жизни исторических личностей или исторических событий, о которых не рассказывали в школьной программе, поменять свое отношение к этой личности или событию, и, как следствие, его политические или даже моральные ценности могут измениться»</p>	23 (9,91 %)

Окончание таблицы 2  
End of table 2

Виды ценностей	Описательные характеристики связей-ассоциаций, точки зрения	Количество респондентов, чел. (%)
Правовые	«Высшее образование во многом меняет человека, как я считаю. Необходимость изучать что-то (а необходимость создается за счет обязанности сдавать экзамены и зачеты) вырабатывает в человеке привычку не сидеть без дела. Двигаться вперед. Ко всему прочему, в нашей стране каждый студент получает всестороннее высшее образование. Даже инженер изучает философию, историю, право и многие другие гуманитарные предметы, что не может не отразиться на его ценностях»	5 (2,3 %)
Философско-мировоззренческие	«Когда рассматриваются дисциплины философия, история, этика и другие, где условный школьник приходит в университет с относительно узким мышлением, которое выработалось в течение взросления, и тут внезапно ему выдают гору разных теорий о становлении мира и общества, о различных взглядах на мир. Разумеется, есть вероятность, что он какие-то идеи для себя запишет, они ему поправятся и изменят его ценности»	21 (9,9 %)
Психологические	«Студент может прослушать курс по психологии и начать лучше понимать мотивы и действия окружающих, что может изменить его отношение к ним. Но куда большее влияние, как я думаю, оказывает переселение в новую среду, где у человека появляется иное окружение, которое также оказывает огромное влияние. К примеру, во время получения высшего образования студент переселяется в общежитие, где его новые соседи могут привить ему отличные от его старых ценности». «Если мы учим гуманитарные дисциплины, например политологию, психологию и т. п., то, безусловно, образование трансформирует наши ценности».	4 (1,9 %)
Экономические	«Считаю, что получение высшего образования (получение знаний, навыков) влияет на трансформацию ценностей личности. С получением новых знаний в определенной области человек пересматривает или дополняет свои уже устоявшиеся ценности с учетом новой полученной информации. Например, более образованные люди больше уделяют внимания своим тратам и стараются не тратить деньги на бессмысленные покупки»	3 (1,4 %)
Научные, образовательные и интеллектуальные	«Если вы будете изучать науку, то лучше поймете, как устроен мир. Оттуда вы можете применить много хороших вещей с экономической, политической и этической точки зрения (из социальной деятельности животных). Это поможет вам стать лучше». «Я за период обучения в университете открыл в себе огромное желание развивать свои знания, и процесс обучения стал для меня очень важным в жизни»	14 (9,1 %)

*Результат третий.* Среди факторов, которые в наибольшей степени способствуют получению знаний, влияющих на формирование ценностей, студенты выделяют социальные условия и специальные мероприятия, а также организационно-методологические подходы в деятельности университета, значительную роль играют информация, знания и опыт. Итоговые результаты анализа представлены на рис. 2.

Прежде всего, среди условий и факторов, способствующих формированию системы ценностей, с точки зрения студентов (32 %), следует отметить влияние непосредственной контактной среды (группа, общежитие, команда и пр.): «Думаю, что в процессе получения

ВО возможны изменения ценностей. Даже если мы не берем в учет естественный процесс (с возрастом у людей обычно все меняется). Каждая среда, окружение, группа формируют ценности, которыми человек "пропитывается". Окружение имеет сильное влияние на индивидуума, поэтому зачастую человек перенимает настроение большинства, особенно, если это его единственное окружение». «Мне кажется, получение высшего образования может влиять на изменение, трансформацию ценностей личности. Главным фактором, по-моему, является знакомство с новым кругом лиц и иными точками зрения на те или иные вещи». «Да, влияет, так как человек при получении высшего образования состоит в некоем обществе (в данном случае студентов) и при постоянном общении с ним у него формируются определенные ценности, которые могут либо совпадать с группой, либо нет». «Я считаю, что получение высшего образования, несомненно, влияет на трансформацию ценностей личности, так как за период обучения мы получаем множество знаний и взаимодействуем со множеством людей».

Такое важное значение непосредственной контактной среды, ее привлекательность и важность в формировании ценностей обусловлена «разницей в системах ценностей жизни» [10, с. 160], что само по себе стимулирует активизацию социального взаимодействия.

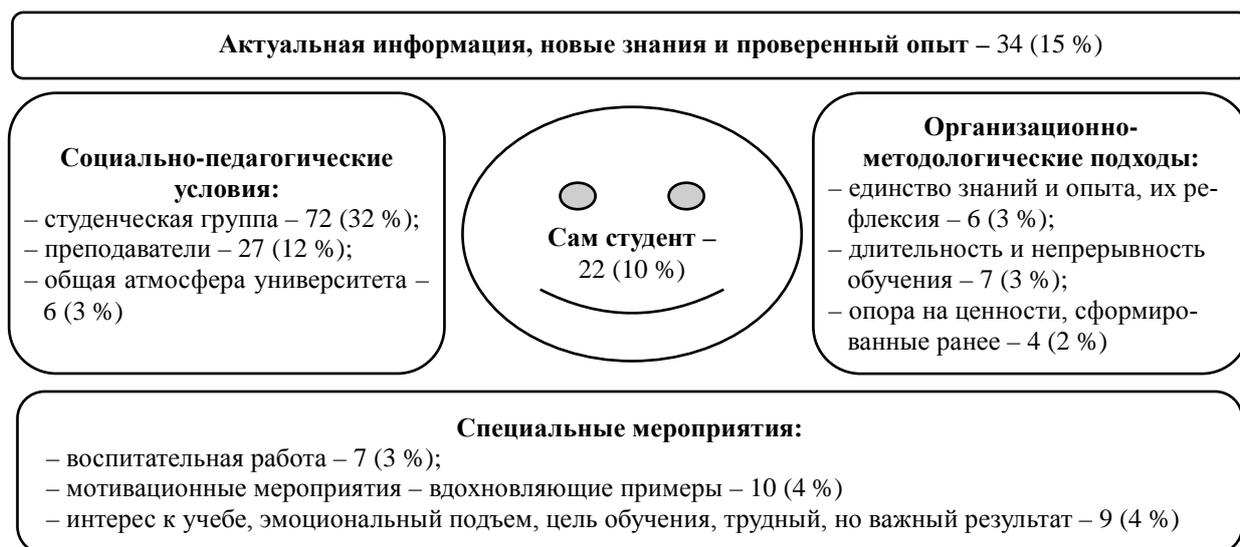


Рис. 2. Условия и факторы, влияющие на повышение роли знаний как триггера формирования системы ценностей  
Fig. 2. Conditions and factors influencing the increasing role of knowledge as a trigger for the formation of a value system

С точки зрения студентов, на формирование ценностей существенно влияет актуальная информация, новые знания и проверенный опыт. Как указывают некоторые из них: «Не менее важная ценность высшего образования заключается в формировании разностороннего мировоззрения. Получение большого количество правильно подобранной и скомпилированной информации плодотворно влияет на развитие личности, формируя круг ее интересов и областей знания, что в свою очередь является предпосылкой для формирования более глубокого и цельного научного мировосприятия. С уверенностью можно сказать, что высшее образование сильно влияет на трансформацию ценностей личности».

Среди условий и факторов, которые формируют такие знания, которые существенно могут повлиять на систему ценностей студентов, важна роль преподавателя, образцов профессионального поведения: «Я считаю, что высшее образование может повлиять только в том случае, если преподаватель оказался отличным оратором и смог донести какие-то идеи до студентов»; «У меня лично университет не вызвал сильных изменений ценностей личности. Тут определенную важность имеет не только то, ЧТО студент узнает из университетского образования, а то, КТО и КАК ему преподает. Не бывает беспристрастных преподавателей, и определенно они повлияют на ценности студента, если тот хоть краем уха их слушал».

Для студентов важен пример, образец успешной социализации и профессиональной адаптации, что также выступает условием формирования системы ценностей: «Я считаю, получение высшего образования влияет на трансформацию ценностей личности. Получая высшее образование в любой области, человек так или иначе будет расширять свой кругозор, знакомиться с выдающимися деятелями, видеть примеры людей, достигших высот. Примеры: 1) изучая дисциплину, человек узнает свершения какого-либо деятеля и вдохновляется ими. Впоследствии загорается похожими идеями и начинает развиваться в этой области; 2) получение высшего образования чаще всего способствует изменению круга общения человека, т. е. в его окружении появляются люди, интересующиеся такими же темами. Это способствует желанию развиваться вместе, а изучать новое всегда легче и приятнее с единомышленниками».

Респонденты подчеркивали актуальность особых ситуаций, влияние которых на формирование ценностей нельзя умять: «Я считаю, что получение высшего образования не оказывает прямого влияния на обретение человеком каких-либо ценностей. Наибольшее влияние оказывают жизненные ситуации, дилеммы, с которыми человек сталкивается». Оказалось, что ценностные ориентации и обобщенные социальные установки взаимосогласованы, но плохо согласуются с ситуативными социальными установками. В принципе такой вывод перекликается с результатами исследований, проведенных Н. И. Лапиным [7, с. 90].

**Заключение.** По заявлению одного из респондентов, освоенные в университете знания, навыки и умения, а также сформированные ценности – это единая система. По существу, такая позиция подтверждает, что студентами осознается: человеческий капитал и ценности личности находятся в причинно-следственных связях, они могут быть образно представлены как своеобразный триггер, т. е. могут находиться в устойчивых состояниях, но при этом чередоваться под воздействием каких-либо влияний – получаемой информации, каких-то событий, совершенных поступков и пр. Информация в этом смысле выступает самым важным и влиятельным источником, побуждающим к формированию системы «человеческий капитал – ценности»:

- «Получая новые знания, информацию, человек может начать по-другому смотреть на мир. Он начинает думать по-другому, объясняет сам себе окружающие события уже не столько за счет мнения других, а применяет информацию, которой сам владеет. Также может измениться и отношение к себе. Соответственно, и ценности».

- «Получение ведущей информации в какой-либо области дает человеку возможность развиваться умственно и духовно, что, безусловно, влияет на ценности: они меняются, углубляются. Интеллектуальное развитие человека углубляется, когда он проходит обучение в университете, так как за эти 4, 5 или 6 лет человек получает огромный пласт информации, который он перерабатывает и усваивает, преодолевает трудности, что не может не сказаться на его личных качествах. Учеба в университете закаляет человека».

Связи получаемых знаний и формирующихся ценностей могут быть представлены, как показано на рис. 3.

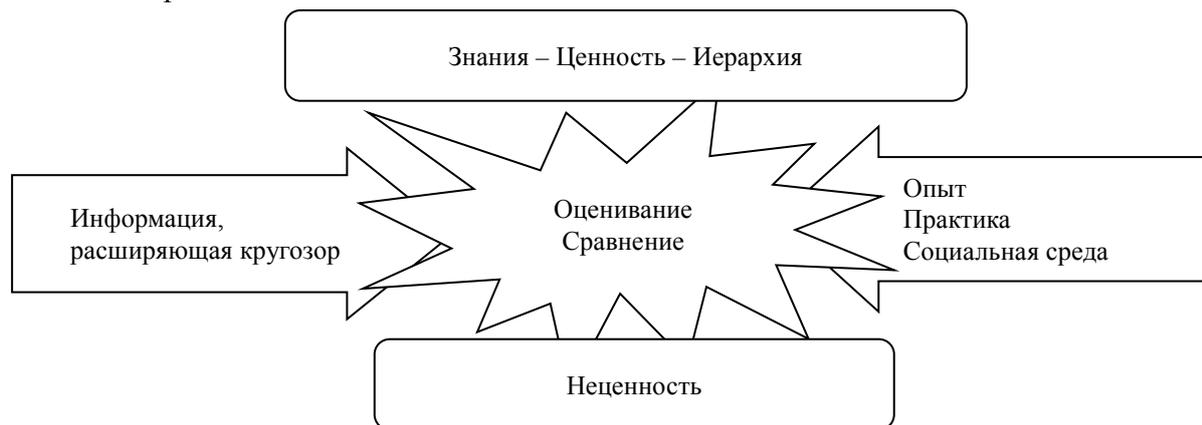


Рис. 3. Модель взаимосвязи информации и ценностей  
Fig. 3. Model of the relationship between information and values

Поступающая информация сравнивается и оценивается в соответствии с накопленным опытом и полученной социальной практикой, сравнивается с оценками и мнением непосредственной контактной среды. В случае социального подтверждения адекватности информации она становится важной, значимой, ценной – ценностью. Основным индикатор ценности заключен в ее способности влиять на иерархию значимости событий, фактов, явлений.

Гипотезы эмпирической части исследования оказались доказанными в различной степени аргументации.

1. Практически полное подтверждение получила гипотеза о том, что студенты рассматривают связи знаний, навыков и умений как основных элементов человеческого капитала с ценностями. Связь образования и ценностей воспринимается как значимая и позитивная корреляция.

2. Система ценностей студентов группируется по видам ценностей, связанным с различными сферами общественного сознания и практической деятельности. Студенты довольно отчетливо выделяют ряды таких ценностей. Как отмечал В. П. Тугаринов: «В качестве такого критерия для науки выступает истина, для морали – добро, а для искусства – красота. Это – те понятия, в которых выражаются сущность, смысл и цель каждой из названных форм общественного сознания» [5, с. 282].

В связи с проверкой этой гипотезы возникает необходимость дальнейшего исследования и обсуждения ряда проблемных ситуаций. Во-первых, профессиональные ценности

осознаются студентами значительно более пассивно, чем ценности социально-гуманитарного порядка. На наш взгляд, такая ситуация объясняется некоторым разрывом в понимании смысла и содержания подготовки студентов по специальным дисциплинам, тогда как проблематика формирования ценностей является преимущественно тематикой, рассматриваемой в курсе социально-гуманитарных дисциплин. Исключение составляют только некоторые предметы, например, профессиональная этика и межличностные коммуникации, о которых студенты говорят как о важных для понимания своей профессии. В этом смысле остается актуальным включение в курсы социально-гуманитарных дисциплин блоков информации, способствующих осознанию студентами специфики своей будущей профессии инженера. Далее, 4-летняя подготовка в бакалавриате не позволяет в полной мере осознавать и осваивать ценности профессиональной деятельности, поскольку специальные дисциплины осваиваются только на старших курсах, а, по оценкам самих студентов, формирование ценностей – процесс длительный. В настоящем случае срок освоения специальных дисциплин сокращен.

Относительно незначительная часть студентов оценивает как важную и значимую свою личную перспективу в научной и образовательной сферах деятельности (напомним, что о значимости этих ценностей заявили только около 8 % респондентов). Еще менее актуальны для студентов оказались ценности рыночной экономики [11] (предпринимательство, свое дело и пр.) – на уровне статистической погрешности.

3. Гипотеза об осознании студентами факторов и условий, важных для формирования системы актуальных ценностей, подтвердилась: они в большей степени признают, как актуальные условия и факторы, влияющие на ценности, в меньшей мере ориентированы на методические подходы, раскрывающие практику организации и методику работы университета. Тем не менее 19,9 % студентов отметили важность проведения специальной работы по формированию системы ценностей: целесообразность воспитательной работы и проведение мотивационных мероприятий; важность эмоционального подъема и осознанного достижения целей обучения; актуальность длительности и непрерывности образовательного процесса. Ряд респондентов подчеркнули необходимость обеспечения рефлексии и осознания единства актуальной (новой) информации, новых знаний, знакомства с проверенным передовым опытом профессиональной деятельности как основания для формирования системы ценностей.

Проведенное исследование показывает актуальность современного прочтения концептуальных идей В. П. Тугаринова относительно связей познания с ценностями и далее с продуктивной деятельностью. В ходе исследования подтверждено, что студенты осознают такие связи: любая познавательная деятельность стимулирует и развивает систему ценностей обучающихся. В нынешней социально-политической ситуации невнимание к информационной насыщенности образовательного процесса, вне анализа контекста этой информации и методологической обеспеченности освоения нового знания, формирование современного специалиста не будет отражать действительное социальное значение ценностей, формирование человеческого капитала не будет адекватно отражать потребности и интересы информационного общества.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Факторный анализ инвестиционной привлекательности и человеческого капитала регионов с научно-образовательными центрами мирового уровня / Е. В. Страшко, О. В. Ярмак, П. П. Дерюгин и др. // Russian J. of Management. 2021. Т. 9, № 1. С. 171–175. DOI: 10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007.
3. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
4. Путин рассказал, что лежит в основе суверенитета России // РИА Новости. 02.05.2023. URL: <https://ria.ru/20230502/suverenitet-1869212669.html> (дата обращения: 16.08.2023).
5. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л.: ЛГУ, 1988.
6. Хмырова-Пруель И. Б. Концепция ценностей В. П. Тугаринова и ценностная проблематика в отечественной социологии (60–90-е годы XX века): дис. ... канд. социол. наук / СПбГУ. СПб., 2002. URL: <http://www.dslib.net/teoria-sociologii/koncepcija-cennostej-v-p-tugarinova-i-cennostnaja-problematika-v-otechestvennoj.html> (дата обращения: 06.09.2023).
7. Лапин Н. И. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 3. С. 82–93.
8. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 186–208.
9. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964.
10. Шубкин В. Н. Опыт социологического исследования трудоустройства и выбора профессий // Социологические опыты. М.: Мысль, 1970. С. 151–251.
11. Социальное предпринимательство и инвестирование: от теории к практике / Е. Б. Архипова, О. И. Бородкина, П. П. Дерюгин и др. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2020.

### Информация об авторах.

**Глухих Владимир Александрович** – кандидат философских наук (1984), доцент (1991), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, этносоциология.

**Попов Роман Евгеньевич** – аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал.

**Салахутдинов Артур Андреевич** – аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 6 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал.

**Дерюгин Павел Петрович** – доктор социологических наук (2002), ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова

Исследование ценностей студентов-программистов в контексте идей В. П. Тугаринова... 71  
A Study of the Values of Student Programmers in the Context of the Ideas of V.P. Tugarinov...

(Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

**Вклад авторов.**

**Глухих Владимир Александрович** – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

**Попов Роман Евгеньевич** – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

**Салахутдинов Артур Андреевич** – разработка концепции и структуры исследования, проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных.

**Дерюгин Павел Петрович** – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 21.09.2023; принята после рецензирования 24.10.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

**REFERENCES**

1. Strashko, E.V., Yarmak, O.V., Deryugin P.P. et al. (2021), "Measuring the human capital of regions with world-class scientific and educational centers: factor analysis of their investment attractiveness", *Russian J. of Management*, vol. 9, no. 1, pp. 171–175. DOI: 10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175.
2. Bourdieu, P. (2007), *Sociologie de l'espace social*, Transl. by Shmatko, N.A., Aleteiya, SPb., RUS.
3. Luhmann, N. (2005), *Die Realität der Massenmedien*, Transl. by Antonovskii, A.Yu., Praxis, Moscow, RUS.
4. "Putin told what lies at the heart of Russia's sovereignty", *RIA News*, 02.05.2023, available at: <https://ria.ru/20230502/suverenitet-1869212669.html> (accessed 16.08.2023).
5. Tugarinov, V.P. (1988), *Izbrannye filosofskie trudy* [Selected philosophical works], LGU, Leningrad, USSR.
6. Khmyrova-Pruel', I.B. (2002), "The concept of values of V.P. Tugarinov and value problems in Russian sociology (60 - 90s of the twentieth century)", Can. Sci. (Sociology) Thesis, SPbSU, SPb., RUS, available at: <http://www.dslib.net/teoria-sociologii/koncepcija-cennostej-v-p-tugarinova-i-cennostnaja-problematika-v-otechestvennoj.html> (accessed 06.09.2023).
7. Lapin, N.I. (2009), "Studies of Values Conducted by Vladimir Yadov and His Colleagues", *Economic sociology*, vol.10, no. 3, pp. 82–93.
8. Zdravomyslov, A.G. and Yadov, V.A. (1965), "Attitude to work and value orientations of the individual", *Sotsiologiya v SSSR* [Sociology in the USSR], in 2 vol., vol. 2, Mysl', Moscow, USSR, pp. 186–208.
9. Becker, G.S. (1964), *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*, 3rd ed., Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
10. Shubkin, V.N. (1970), "Experience in sociological research into employment and choice of professions", *Sotsiologicheskie opyty* [Sociological experiments], Mysl', Moscow, USSR, pp. 151–251.
11. Arkhipova, E.B., Borodkina, O.I., Deryugin, P.P. et al. (2020), *Sotsial'noe predprinimatel'stvo i investirovanie: ot teorii k praktike* [Social entrepreneurship and investment: from theory to practice], ООО "Skifiya-print", SPb., RUS.

**Information about the authors.**

**Vladimir A. Glukhikh** – Can. Sci. (Philosophy, 1984), Docent (1991), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, ethnosociology.

**Roman E. Popov** – Postgraduate at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: youth, mass consciousness, interethnic harmony, human capital.

**Artur A. Salakhutdinov** – Postgraduate at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 6 scientific publications. Area of expertise: youth, mass consciousness, interethnic harmony, human capital.

**Pavel P. Deryugin** – Dr. Sci. (Sociology, 2002), Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

**Author's contribution.**

**Vladimir A. Glukhikh** – conducting the empirical part of the study, analyzing and interpreting the data, preparing the text.

**Roman E. Popov** – conducting the empirical part of the study, analyzing and interpreting the data, preparing the text.

**Artur A. Salakhutdinov** – development of the concept and structure of the study, conducting the empirical part of the study, analysis and interpretation of data.

**Pavel P. Deryugin** – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 21.09.2023; adopted after review 24.10.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья

УДК 314

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89>

## «Активное долголетие»: поиск ответов на новые вызовы (на примере программы «Московское долголетие»)

**Марина Валерьевна Корнилова**

*Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,  
mmrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9989-6884>*

**Введение.** Ориентация на активную (благополучную старость) – один из глобальных трендов развития общества и, соответственно, актуальная тема для исследований. Общий, положительный, посыл тем не менее сопровождается вызовами, которые возникают в процессе восприятия людьми старшего возраста «активного долголетия» как образа жизни и как направления социальной политики. Автор также рассматривает «активное долголетие» на примере программы «Московское долголетие» с двух сторон: с позитивной и негативной.

**Методология и источники.** Всего было проведено 32 интервью с москвичами старшего возраста (55 и более лет), принимающими или принимавшими когда-либо участие в программе «Московское долголетие». Также проводился вторичный анализ имеющихся публикаций по теме исследования, базирующихся на качественных методиках.

**Результаты и обсуждение.** Было установлено, что «активное старение» и «активное долголетие» – не одно и то же. В случае с долголетием это позитивный процесс, в случае со старением – негативный. Размытие рамок возраста заставляет человека либо продолжать быть активным, либо отвергать новые требования и тогда признавать себя старым. При этом информанты не считают себя старыми и не хотят, чтобы к ним обращались как «пожилой», «старый». Программа «Московское долголетие» воспринимается неоднозначно: с одной стороны, предоставляет целый спектр возможностей для активной жизни, с другой – охватывает и так изначально активных людей старшего возраста.

**Заключение.** Активное долголетие сопряжено с вызовами: размытость рамок допустимости старости, эйджизм в коммуникации, гонка/отвержение сохранения внешнего вида и активного образа жизни. Справляться с ними необходимо на уровне индивида, общества, государства. Быть активным в старшем возрасте значит видеть горизонт будущего и жить в индивидуально-комфортном ритме. Навязывание сохранения молодости и выполнения шаблонной активности необходимо трансформировать в свободу выбора. Далеко не все хотят активной жизни в том понимании, в котором это предлагается политикой активного долголетия. А для тех, кто хочет быть активным, необходимо расширять возможности реализации программы «Московское долголетие».

**Ключевые слова:** пожилые люди, активное долголетие, благополучное старение, старшие, старость

**Для цитирования:** Корнилова М. В. «Активное долголетие»: поиск ответов на новые вызовы (на примере программы «Московское долголетие») // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 74–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89.

© Корнилова М. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Original paper

## “Active Longevity”: Searching for Answers to New Challenges (on the Example of the Program “Moscow Longevity”)

*Marina V. Kornilova*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia,  
mmrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9989-6884>*

**Introduction.** Orientation to an active (prosperous old age) is one of the global trends in the development of society, and, accordingly, an urgent topic for research. The general, positive message, however, is accompanied by challenges that arise in the process of older people's perception of “active longevity” as a way of life and as a direction of social policy. The author also examines “active longevity” on the example of the Moscow Longevity program from two sides: positive and negative.

**Methodology and sources.** It was conducted 32 interviews with older Muscovites (55 and over) who have ever participated in “The Moscow Longevity” program. A secondary analysis of the available publications on the research topic based on qualitative methods was also carried out.

**Results and discussion.** It was found that the concept of “active aging” and “active longevity” was not the same. In the case of longevity, this is a positive process, in the case of aging - negative. The blur of the age framework, forces a person, or continue to be active, or reject new requirements and then recognize himself as old. At the same time, informants do not consider themselves old and do not want them to be addressed as “elderly”, “old”. The Moscow Longevity program is perceived ambiguously, on the one hand, it provides a whole range of opportunities for active life, on the other, it also covers the initially active people of older age.

**Conclusion.** Active longevity is associated with challenges: the blurring of the limits of the permissibility of old age, ageism in communication, race/rejection of maintaining appearance and an active lifestyle. It is necessary to cope with them at the level of the individual, society, and the country. Being active at an older age means seeing the horizon of the future and living in an individually comfortable rhythm. The imposition of the preservation of youth and the performance of a template activity must be transformed into freedom of choice. Not everyone wants an active life, in the sense in which it is proposed by the policy of active longevity. And for those who want to be active, it is necessary to expand the possibilities of implementing the “Moscow Longevity” program.

**Keywords:** elderly, active longevity, prosperous aging, older, old age

**For citation:** Kornilova, M.V. (2023), ““Active Longevity”: Searching for Answers to New Challenges (on the Example of the Program “Moscow Longevity”)”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 74–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89 (Russia).

**Введение.** Люди старшего возраста – одна из самых многочисленных групп населения. Под «старшими» автор подразумевает совокупность всех людей в возрасте 55+ без разделения на интервалы и сравнения внутри когорты, чтобы показать, что активному долголетию есть место и в 60, и в 70, и в 80 лет.

Быть активным в старшем возрасте очень популярно во всем мире. Западные исследования и публикации на тему «active ageing» («активное старение») показывают, как, перейдя определенный возрастной рубеж, можно и нужно оставаться активным, независимым, увлеченным – «не старым» [1, 2].

Еще в середине прошлого столетия Роберт Хевигфёрст предложил термин «успешное или активное старение», т. е. удовлетворение от жизни прошлой и настоящей уже в старшем возрасте [3]. Уверенность старших в своем будущем во многом базируется на отлаженных и прозрачных программах социальной политики в отношении граждан данной возрастной группы [4, 5].

В русскоязычных источниках в ходу термин «активное долголетие» (longevity), потому что в России в прямом переводе концепции «active ageing» усмотрели негативный смысл «ускоренного старения» [6, с. 200].

В нашей стране политика «активного долголетия» начала формироваться пару десятилетий назад и связана в основном с локальными социальными программами по повышению активности людей старшего возраста, преимущественно в городах-миллионниках.

**Методология и источники.** Объектом исследования выступают люди старшего возраста (55 и более лет), принимающие или принимавшие когда-либо участие в программе «Московское долголетие».

Предметом исследования является изучение особенностей восприятия активного долголетия в целом и программы «Московское долголетие» в частности людьми старшего возраста. Москва стала отправной точкой и одной из первых законодательно закрепила и успешно реализовала программу по адаптации и повышению качества жизни для людей старшего возраста [7]. Инициативу лично поддержал мэр столицы, а название проекта было выбрано методом народного голосования на портале «Активный гражданин». Программа действует уже более пяти лет: с 1 марта 2018 г. – в пилотном режиме [8], с 1 января 2019 г. – на постоянной основе [9]. Цель программы «Московское долголетие» – расширение возможностей участия граждан старшего поколения в досуговых мероприятиях столицы различной направленности (культурной, образовательной, физкультурной, оздоровительной и др.) для повышения жизненной активности, развития внутренних ресурсов и формирования позитивного представления людей старшего возраста об активном образе жизни [9].

Данный проект не только сравнительно новый, но и очень масштабный по своим адаптационным задачам, направленным на поддержание социальной, физической и трудовой активности всех жителей Москвы по достижении старшего возраста (от 55 лет – для женщин, от 60 лет – для мужчин). Изначально реализация программы проводилась на базе Территориальных центров социального обслуживания, далее в Москве было открыто более восьмидесяти Центров московского долголетия для наибольшего комфорта участников.

Цель исследования: определить и рассмотреть, какие вызовы возникают в процессе восприятия людьми старшего возраста «активного долголетия» как образа жизни и как направления социальной политики (на примере программы «Московское долголетие»).

Автор опирается на понятие «вызов» А. Тойнби, подразумевающее текущие процессы изменений, происходящие в обществе, и, соответственно, реакцию на них со стороны общества и социальных групп, требующих ответных социальных изменений, разрешения напряженной ситуации и дальнейшего развития [10].

Одним из главных вызовов для современного общества является рост численности населения старшего возраста на фоне более молодых возрастных групп и, следовательно, «запросы на новые определения, интерпретации, концептуальные поиски нормативных оснований, с которыми может соотноситься старость и старение» [11].

Автор также выделяет и рассматривает следующие вызовы активного долголетия: размытость рамок допустимости старости и поиск социально одобряемых норм поведения, запреты и ограничения, связанные с распространением пандемии коронавируса и неопределенностью будущего, эйджизм в коммуникации и гонка/отвержение сохранения внешнего вида, активного образа жизни.

Задачи исследования: изучить, как интерпретируются старение и долголетие и как с этими процессами соотносится активная жизнь; связывается ли активное долголетие с участием в соответствующих социальных программах (на примере города Москвы) и есть ли гендерные различия.

Гипотеза исследования: понятия «активное старение» и «активное долголетие», призванные обозначить одно и то же, воспринимаются людьми старшего возраста диаметрально противоположно. При этом и положительно воспринимаемое «активное долголетие», и отрицательно воспринимаемое «активное старение» предъявляют множественные вызовы человеку, обществу, государству.

Статья носит дискуссионный характер. Каждый раздел начинается с постановки вопроса и предполагает поиск ответа на него с помощью имеющихся данных. Основным методом сбора информации стали глубинные интервью, проведенные автором с москвичами в возрасте от 55 до 80 лет в апреле – мае 2020 г. Отбор участников исследования осуществлялся по трем ключевым параметрам: возраст, пол и опыт участия когда-либо в программе «Московское долголетие».

Всего было проведено 32 интервью длительностью от 40 до 120 мин. В процессе проведения интервью сознательно не исследовалась тема пенсионного обеспечения и источников дохода. Автору в большей степени хотелось показать, как и кому переход в старший возраст открывает возможности для активной жизни. В ходе интервью удалось обобщить субъективное восприятие информантами понятия «активное долголетие», провести рефлексию участия в мероприятиях программы «Московское долголетие». Поиск информантов осуществлялся методом «снежного кома» при содействии близкого круга автора. Данный метод рекрутинга продиктован обоюдным уровнем доверия и гарантирует максимальную правдивость информации. Поскольку в марте 2020 г. был введен режим самоизоляции из-за распространения пандемии коронавируса, все интервью были проведены посредством аудио- и видеозвонков при помощи программы WhatsApp вместо запланированной личной беседы.

При подготовке статьи также проводился вторичный анализ имеющихся публикаций по теме исследования, базирующихся на качественных методиках: интервью и фокус-группах, проводимых с людьми старшего возраста.

В статье О. Максимовой представлены результаты интервью с представителями старшего поколения республики Татарстан. Информанты не считают себя «старыми» и негативно относятся к понятию «старость». Данный период жизни ассоциируется у них «с мудростью, опытом, возможностью самореализации» [12, с. 40].

И. Шмерлина на базе интервью, проведенных в Ивановской области, выделяет три альтернативных способа жизни в старшем возрасте: «(1) Продолжение допенсионного образа жизни с сохранением установок активного трудоспособного возраста; (2) Доживание, связанное со спадом активности во всех (или, как минимум, общественно значимых) сферах

жизни, отсутствием новых перспектив, часто – общим падением интереса к жизни, переориентацией внимания на текущие вопросы жизнеобеспечения и поддержания здоровья и/или на интересы детей и внуков; (3) Переориентация на социальную и личностную реализацию в новых сферах жизни» [13, с. 59].

В статье К. Мануильской приводятся результаты фокус-групп, проведенные в трех регионах России. Ключевые моменты исследования: удовлетворенность повседневной жизнью, восприятие возраста, представления о будущем, особенности обращения к людям старшего возраста в нашей стране и за границей (на примере Германии) [14].

Москвичи старшего возраста фигурировали в исследованиях О. Дудченко и А. Мытиль [15, 16]. Авторы анализировали особенности восприятия информантами своей жизни с точки зрения собственной активности и комфортности жизни в мегаполисе, изучалось отношение к работе центров социального обслуживания, имевшихся на момент исследования (2014–2015 гг.). Полученные результаты применялись в работе Московской системы социальной защиты населения и послужили одной из отправных точек для ее реформирования.

Указанная выше тенденция обращения к качественным методам показывает более глубокую, точечную, а значит эффективную стратегию выбора метода с точки зрения получения данных.

**Результаты и обсуждение.** Данный блок статьи состоит из двух важных разделов. В первом рассматриваются различия в понимании «долголетия» и «старения», во-втором показаны восприятие и особенности участия в программе «Московское долголетие».

#### *«Активное старение» или «активное долголетие»?*

«Старение населения – это множественный вызов “человеку, семье, стране и всему мировому сообществу”. <...> Именно от того, как мы ответим на этот вызов, и от того, сумеем ли мы в максимально возможной степени раскрыть потенциал растущего стареющего населения, зависит способность общества воспользоваться плодами “дивидендов долголетия”» [17].

По результатам исследования ВЦИОМ-Спутник [18], старость начинается с невозможностью обеспечивать себя и связывается с серьезными проблемами со здоровьем. По данным 2020 г. россияне боятся старости из-за бедности и низких пенсий (71 %), болезней и ухудшения здоровья (44 %). С точки зрения биологии старение прежде всего связывается с ослаблением здоровья, основанным на медицинских показателях индивида. «Здесь старение рассматривается как заложенный на генетическом уровне объективный и неизбежный процесс изнашивания организма» [12, с. 23].

Активное долголетие отождествляется с новым этапом жизни человека старшего возраста, основанным на внешних проявлениях себя «молодым», современным, эстетически привлекательным, не сбавляющим скорости жизни, выносливым морально и физически [19].

Все это порождает определенные вызовы, где рамки возраста и допустимости старости размываются, заставляя человека либо включаться в гонку за сохранением своего внешнего вида и активного образа жизни, либо отвергать новые требования, признавая себя старым, а значит непривлекательным, неактивным, невидимым. «Возраст и старение возникают не только как вызовы глобализации и национальных систем управления, но и как личностные проблемы, связанные с поиском новых идентичностей и социально релевантных моделей поведения» [11]. Поэтому «для старшего возраста самый главный вызов – “научиться видеть

будущее, смотреть вперед, когда всё тебя тянет назад и на обочину» [20, с. 26]. В такой ситуации очень важно увидеть смысл своей жизни и собственные возможности, чтобы адаптироваться к изменяющимся условиям жизни [21]. Это помогает настроиться на получение удовольствия и обрести позитивное будущее. Очень важны как усилия самого человека в выстраивании собственной траектории «благополучного» старения, так и помощь семьи, общества, государства.

Принимая во внимание опыт западных стран, гуманное отношение к людям старшего возраста должно составлять ядро концепции активного долголетия в России, где «старший возраст – это не время абсолютного упадка и усиливающейся деградации, а период возрастающей свободы, новых возможностей и свершений» [20, с. 23].

Еще один важный вызов – обращение к людям старшего возраста. Т. Дроздова предложила не использовать слово «старый» из-за негативных коннотаций («одиночество, отсталость, беспомощность»), связанных со страхом смерти, боли, болезни, а выражение «преклонный возраст» избегать из-за ассоциации с деградацией, согбенностью, слабостью. Взамен исследователь рекомендует неотталкивающие обращения для лучшего восприятия: «старший, старшего возраста» («elder» или «older»), «новые старшие» («активный сегмент старших, которые готовы бороться с эйджизмом, обладают прогрессивным взглядом на возраст, имеют новое понимание собственных возможностей и жизненных стратегий» [22, с. 10]). К. Мануильская обращает внимание на многообразие терминов как позитивного («серебряный возраст», «возраст счастья» и т. д.), так и негативного характера («возраст дожития», «пожилой возраст»), используемых при изучении людей старшего возраста [14, с. 158]. В исследованиях Ольги Максимовой субъективное восприятие категории «старость» вызывало тревогу и неприятие. Предлагалось использовать «зрелость», «мудрость», «предпожилой» [12, с. 29]. По данным опросов ВЦИОМ, словосочетание «пожилые люди» действительно сложно и негативно воспринимается. «Россияне в возрасте 60+ скорее относят себя к представителям старшего поколения (33 %), чем к пожилым (18 %), хотя еще 10 лет назад эта возрастная группа называла себя пожилыми в два раза чаще» [23]. Впервые с подобной проблемой автор столкнулась в 2020 г., приглашая на интервью женщин и мужчин в возрасте старше 50 лет: «Если категория 50+ не будет акцентироваться как «пожилые», я с удовольствием («приму участие в интервью». – М. К.), а так мне не подходит» (жен., 57 лет).

Участницы исследования не считают себя «пожилыми» и обижаются, когда их относят к этой группе по достижении пенсионного возраста. Именно это обстоятельство подтолкнуло автора к написанию данной статьи и размышлениям о том, что понятия «активное старение» и «активное долголетие» у старшего поколения – совсем не одно и то же, по крайней мере в нашей стране.

Противопоставление казалось бы одинаковых по смысловому содержанию понятий обусловлено восприятием жизни в старшем возрасте. Оба в сущности показывают процесс чего-то активного, а значит быстрого и динамичного. Но в случае с долголетием это носит положительный характер, в случае со старением – отрицательный. В табл. 1 представлена авторская интерпретация понятий «долголетие» и «старение», выстроенная на основе данных из открытых источников и по результатам собственных работ автора.

Табл. 1. Ассоциативность восприятия «долголетия» и «старения» в старшем возрасте  
Table 1. Associativity of perception of “longevity” and “aging” in old age

«Долголетие»	«Старение»
Долгая, активная жизнь	Процесс, приводящий к смерти
«Вторая» молодость, горизонт будущего	Увядание, согбенность
Свобода, возможности, свершения	Упадок, деградация, затухание
Зрелость, мудрость	Отсталость, предрассудки
Позитивность	Безысходность, боль
Крепкое здоровье	Изнашивание, «снижение скорости»
Подтянутость	Дряблость, хрупкость, слабость
Внимание к себе и другим	Запущенность, одиночество
Интерес и поддержка общества, значимость	Ненужность, незаметность, отвержение
Самоценность	Исключение, комплекс возраста
Самостоятельность	Иждивенчество, беспомощность
Восхищение	Пренебрежение
«Новый мир»	Обочина жизни
«Творец своей жизни»	Ограниченность

Таким образом, старение воспринимается как быстрое завершение – «затухание», «упадок», «приближение смерти». А вот долголетие, по мнению информантов, отражает желание продолжать жить, связывается с обновлением («вторая молодость») и воспринимается как нечто длительное и новое: «все впереди», «долгие годы», «новый мир».

**Активное долголетие – да, а «Московское долголетие» – нет?**

Ответ на этот вопрос неоднозначен. Г. В. Барухов<sup>1</sup> отмечает, что «проект “Московское долголетие” многих триггерит. (Я молодой, зачем мне долголетие? Мне нужна “Московская молодость” или что-то такое). Это то, над чем мы тоже думаем, это вызовы, которые перед нами стоят» [23].

В 2022 г. проблемам людей старшего возраста был посвящен целый выпуск журнала «Социодиггер», тема номера – «Старые люди – новые тренды» [24], в котором как раз обсуждались новые вызовы: пандемическая реальность с ее запретами и ограничениями для людей 65+, обращение к людям старшего возраста, вопросы активного долголетия. Выпуск был в том числе и о том, всем ли надо быть активными. Это один из главных вызовов внутри политики активного долголетия, возникший сравнительно недавно.

Сама идея воспевания активного образа жизни в старшем возрасте имеет как своих последователей, так и тех, кто ее отвергает или как минимум ставит под сомнение ее абсолютную целесообразность, делая поправку на естественность старости и закономерного замедления жизни в старшем возрасте [25]. Соответственно и отношение к различного рода программам, призванным работать в направлении активизации пенсионеров, тоже разное.

Далее по тексту автор употребляет термин «активности», который означает определенные занятия (пение, танцы, фитнес, кулинария, игра в шахматы, уход за собой, изучение иностранного языка, освоение компьютера и т. д.). Их в программе «Московское долголетие» очень много, и, как правило, участники посещают более двух активностей.

<sup>1</sup> Директор ГКУ «Ресурсный центр развития социальных коммуникаций», дирекция проекта «Московское долголетие».

По результатам проведения интервью с реальными и потенциальными участниками программы «Московское долголетие» автор условно разделила информантов на четыре группы.

1. «Восторженные» (с удовольствием участвуют во многих активностях уже несколько лет): «Повезло нереально моему поколению. Что я туда попала. Потому что ни до, и неизвестно что будет после. Но вот сейчас, когда еще запас сил и энергии вообще собой заниматься, и эта программа появилась, и я бесконечно счастлива. И оно действительно имеет влияние и на организм, и на дисциплину, и на контактность. Я одна из первых записалась» (жен., 67 лет).

2. «Сохраняющие нейтралитет» (не участвуют, но понимают, что программа необходима хотя бы для тех, кто не занимался собой, и чтобы было с чего начать): «Что я хочу сказать, да, это замечательная программа для определенной категории людей, которые хоть что-то бы начали делать. Ну вот хоть что-то, хоть бы с палками походить, потому что для меня ну вот это просто детский сад. 13 лет каждый день делаю фитнес, час, после фитнеса еще и отжаться 20 раз и сесть на шпагате и облиться... т. е. для людей, которые вот в этом долголетьи, это просто за пределами» (жен., 74 года).

Даже если сами информанты уже не участвуют в активностях программы, есть понимание и принятие, что она нужна, и тем, кто посещает активности, это нравится: «С палками я не понимаю, эту ходьбу, многие ходят неправильно. Но мне кажется, что с палками они ходят, им это нравится, и это, наверное, главное» (жен., 57 лет).

Также активности «Московского долголетия» могли бы привлечь тех, кому совсем некуда пойти (одиноким) и у кого нет других способов и вариантов проведения досуга: «Если у него есть дело, которому он может посвятить жизнь, без программы без этой, ему повезло. А многим нечем заняться бывает и очень скрашивает нашу жизнь» (муж., 75 лет).

В эту же группу автор отнесла и тех, кто участвует, но мало (1–2 активности) ввиду личного негативного опыта, но при этом в целом отмечая целесообразность данной программы: «Но, тем не менее, все это мероприятие “Московское долголетие” задумано неплохо, но как всегда есть это но, как всегда... оно становится похожим как на приют для престарелых. Автобус этот катает, вроде интересно, но потом, когда я пообщался в этом коллективе злобных бабок, пропало желание ездить...» (муж., 62 года).

Стереотипная ассоциация программы «Московское долголетие» со стариками затрудняет вовлечение новых участников: «Я пока не участвую в этой программе, так как чувствую себя еще молодой, хотя по возрасту подхожу» (жен., 60 лет).

И молодые пенсионеры, уже имеющие опыт участия в программе, отмечают очень большую разницу в возрасте между участниками: «Проект замечательный, мэровский проект, но все-таки коли уж там крутится вот этот возраст («70 и старше». – М. К.), наверное, я приду туда, когда уже подойду к этому возрасту (жен., 56 лет).

Название проекта «Московское долголетие» у многих вызывает негативные эмоции. Вероятно, по данным причинам следующий проект мэра столицы «Центры московского долголетия» в 2022 г. был переименован и теперь данные учреждения называются Центры московского долголетия и молодости, чтобы мотивировать и молодых пенсионеров на участие в программе.

3. «Критикующие» (в принципе не хотят участвовать или отказались продолжать по разным причинам): «Ну вот за 3 года как бы это место себя исчерпало, я пока не вижу ничего для

себя нового. Опять же в этом году пришло такое количество пенсионеров по этой программе, что просто уже провисло совсем, уже перебор» (жен., 57 лет).

Отсутствие заинтересованности к активностям «Московского долголетия» продиктовано наличием собственных интересов и занятий: «Но у меня нет желания и времени нет. <...> Я в общем-то еще работаю. На дому. Что-то такое делаю. У меня куча своих интересов. Я пишу» (муж., 64 года).

Существует мнение, что такое активное поведение в старшем возрасте – это праздный образ жизни, никому не приносящий пользу: «Люди с жиру бесятся. Хочешь заниматься трудом, копай яму, сажай кусты, ну я не знаю, каким-то таким полезным, ну на худой конец динамо-машину крути – электричество давай стране. Но когда вот эти бесцельные тренажеры качают. Я лучше страшным проживу, чем вот это насилие над собой. Я бы не стал» (муж., 70 лет).

### ***Женщины активны, а мужчины нет?***

Примечательно, что сама по себе программа «Московское долголетие» скептически воспринимается именно мужчинами: «Мне как-то это ни к чему. С годами уже живется хуже, не так, как в молодости, здоровье сдает, поэтому долголетие... меня бы вот не заставишь с этими палками по парку ходить, хотя у нас тут очень много народу» (муж., 70 лет).

Это также указывает на «различия в опыте старения мужчин и женщин, обусловленные накопленными в ходе жизненного пути ресурсами и уязвимостями» [16]. Мужчины более требовательны к себе, и если что-то не получается или не соответствует привычкам и ожиданиям, они быстро заканчивают заниматься, чтобы не казаться слабыми: «С нами ходили трое мужчин, просто у одного плохо все сгибалось, он три раза походил, а потом перестал (жен., 56 лет), «ну во-первых болеют многие... мужчины у нас как-то слабее здоровьем оказываются, больше ноют, чем женщины» (жен., 67 лет).

Поскольку мужчин, посещающих активности, в несколько раз меньше, то и условия для подготовки к занятиям для них не всегда продуманы: «Потом у них даже как таковой отдельной раздевалки нет для мужчин, нам дают, а им нет, называется в коридоре переодевайтесь, вот такое тоже есть. Они ходят в основном если бывают какие-то концерты, приходят, если билеты в театр – они приходят. В бассейн ходит много мужчин» (жен., 56 лет).

Перечень активностей для мужчин гораздо менее разнообразен, чем для женщин: «Вот мы приходим на теннис, они считают, что должны предоставить нам зал, стол, ракетки... ну хорошо, если там есть тренер. Вот тут у нас школа, тренера нет – мы сами. Вот тут у нас некоторые ездят пенсионеры, пытались в волейбол, но нет у нас волейболистов, хотя тренеры есть, но не с кем ходить» (муж., 62 года).

Кроме того, повышенное внимание со стороны женщин, участвующих в активностях, не способствует продолжению участия мужчин в программе: «Излишнее общение, так сказать. Оно мне ни к чему. <...> Женщины, да, конечно их большинство в этих кружках. Вот мужичков мало и видимо как-то <...> вот может быть поэтому и мало, потому что это надо едет очень быстро, как мне. Я в это дело влез и вроде как и бросить жалко и все равно уже на нервы начинает действовать излишнее внимание кто с нами занимается» (муж., 75 лет).

Мужчинам интересно знакомиться и общаться с женщинами более молодого возраста: «Проблема, куда ни придешь, везде эти пенсионерки. А женщины молодые, хотя бы репро-

дуктивного возраста, хотя бы до 40. Вот приходишь на танцы, а бабка с палочкой, причем в чем ходит на улице, в том и пришла на танцы» (муж., 62 года).

А женщинам хочется общаться и заниматься с ровесниками. Мужчины более старших возрастов проигрывают в физической форме и менее привлекательны внешне: «Мне тогда было полных 54 года. Когда я к ним пришла, я там увидела людей намного меня старше и я себя чувствовала как-то... Я поняла, что я там просто постарею... несмотря на то, что это движение, это все-таки танцы и преподаватель был... молоденькая девочка, стройненькая. А все присутствующие были конечно... <...> и когда меня окружали 70 лет, 65 лет и партнер у меня был, ему было 75 лет. Очень хороший, приличный мужчина, вежливый, старательный, но я поняла, что это не вверх, а куда-то что-то вниз» (жен., 56 лет).

Еще один очень показательный момент: численность занимающихся в программе «Московское долголетие» в целом растет медленными темпами, с 2020 по 2023 г. количество участников увеличилось с 205 тыс. до 230 тыс. чел., т. е. прирост за три года составил 13 % (в среднем за год 4,3 %), и это учитывая активную рекламную деятельность и популяризацию проекта. «Я поняла еще одну интересную вещь, вот количество людей, которые вступили в программу их количество практически не меняется за эти 2,5 года (в марте 2023 г. уже 5 лет. – М. К.). И я сначала не могла понять. Ну почему? Ведь уже многие занимаются? Ведь это лучше же, чем сидеть на диване. Оказывается, это число не растет» (жен., 67 лет).

Существенно повлиял на снижение активности старшего поколения и период пандемии. В онлайн-активности включиться сразу смогли не все, а офлайн-мероприятия были закрыты.

Но были, есть и всегда будут другие причины. Например, «структурное неравенство в распределении домашнего труда: женщины гораздо больше вовлечены в практики домашней работы и ухода (во всех возрастах)» [16]. Конечно, все зависит в первую очередь от самого человека, его внутренней мотивации и желания быть активным, но и от семьи, точнее от той поддержки/неприятности, которую получают женщины, желающие быть активными. «И я поняла это из опыта общения с людьми... а потому что мужья, с одной стороны, они есть, а с другой стороны, они тормозы для очень многих женщин, и когда они говорят: Что, опять идешь? На танцы, ха-ха-ха, как смешно, а потом еще на декупаж, а потом еще вот на это, что это? И что, завтра пойдешь? И вот это в общем-то ранит, потому что сами они не хотят идти, мужчин практически нет, занимаются женщины, как самая активная часть общества... а мужчины тянут своих жен назад... <...> И вот он такой немощный, несчастный, оставленный, ему вовремя не подали ужин, не сварили кашу, потому что она не успела... и вот это вот работает, оказывается. И женщина вот отказывается, это правда» (жен., 67 лет). Поэтому программа в основном направлена на одиноких женщин, которых, с одной стороны, «некому сдерживать», а с другой, им «не о ком заботиться».

В то же время есть запрос на общение в старшем возрасте. Именно на коммуникацию, личные отношения, а не только на досуговую деятельность и развитие своих талантов: «Мне очень хочется донести до Вас и, надеюсь, это дойдет до московского правительства и до тех, кто принимает решения. Вы мне когда позвонили, я уже прикинул, о чем мы будем говорить. Собственно, я уже пытался с ними говорить, но они меня не слушали. Некоторые так отвечают: вот программа не для этого предназначена. Программа предназначена для досуга пенсионеров. А я хочу, чтоб была для общения, знакомства с противоположным полом» (муж., 62 года).

4. «Приунывшие», «закрывающиеся» [25, с. 34]. Одна из проблем, связанных с вовлеченностью в программу «Московское долголетие», озвученная уже не информантами, а исследователями, заключается в стимуляции изначально активных людей старшего возраста, которые регулярно посещают активности и могут рассказать о своей проблеме, попросить помощь. При этом люди, реально нуждающиеся в помощи, поддержке и защите, выпадают из поля зрения из-за отсутствия возможности проявлять себя и/или испытывают стеснение, когда необходимо обратиться за помощью. «Это одна из самых больших социальных проблем старения. Она диагностируется сразу, но ее пытаются не замечать. Когда важны отчеты, вовлекать в программы людей в нестабильном состоянии невыгодно. Сегодня пришли, завтра нет. Могут сорвать любой праздник» [25, с. 35].

Проанализировав материалы интервью, автор сгруппировала ответы информантов по принципу «за и против» программы «Московское долголетие» (табл. 2).

Табл. 2. Готовность москвичей старшего возраста участвовать в программе «Московское долголетие»  
Table 2. Readiness of elderly Muscovites to participate in the program “Moscow longevity”

«За»	«Против»
<i>Общая ассоциативная оценка</i>	
«Наш Центр, наше долголетие, это такая поддержка, такая выручка». «Хороший зальчик на Якиманке, хорошая компания»	«Бабушков приют», «Дом престарелых», «Богадельня». «Помойка», «Болото», «Милый застой»
<i>Уровень организации активностей</i>	
«Преподаватели у нас есть неплохие, вот, например, хоровое пение, она профессионал. Стал петь. Оказывается, у меня есть слух, хотя я всю жизнь считал, что слуха у меня нет». «Люди просто недооценивают. Понятно, что нам каких-то суперпрофессионалов не приведут, потому что там минимальная оплата труда»	«Самодетельность», непрофессионализм. «Лишь бы чем-нибудь занять», «нет внутренней сплоченности», «движухи вперед нет». «Начала заниматься палками – скандинавская ходьба, а в итоге это все превращается в женский клуб, там тренер сидит в телефоне, женщины ходят группками и все это ля-ля, и я это не очень люблю. Как-то особенно никто не обращает внимание, правильно ты идешь или неправильно»
<i>Поставщики услуг</i>	
«Да, преподаватели сейчас вообще очень хорошие, особенно вот на такие вот подвижные вещи» (танцы. – М. К.). «... вот даже многие женщины чем-то недовольны педагогами. Я говорю слушайте, вот радуйтесь, что у вас это есть, вот закроют не дай Бог и я не представляю, что мы будем делать»	«На такие должности организаторов надо хороших энтузиастов назначать, именно молодых, чтобы они могли завлечь или увлечь, а они там назначили бабуль между собой, это минус»
<i>Познавательность</i>	
«Столько узнаешь нового». «Там много всего интересного в “Московском долголетии”: и театры, и поездки разные на добром автобусе». «Вообще столько нового, интересного и удивительного»	«Недостойно», «незажигательно», «не вдохновляет», «это не вверх, а вниз», «не заинтересовывают», «не понравилось отношение», «формально», «уже не интересно». «Это все как-то очень тихоходно», «скукота», «у людей там нет цели»
<i>Микроклимат</i>	
«Тут такая жизнь – ключом бьет». «И атмосфера приятная»	«Дедовщина». «Не та атмосфера» (тяжелая), «аура ужасная», «старческий дух», «вгоняет в депрессию», «постоянное напоминание о возрасте»

Среди основных мотивов участия в проекте можно условно выделить [26]:

1. Познавательный («желание узнавать и учиться», «обогащать свои знания», «жить полноценной жизнью», «не отставать от детей и внуков»).
2. Коммуникационный («найти единомышленников и друзей по интересам», «спасение от одиночества», «отключиться от бытовых проблем»).
3. Физический («быть молодым и здоровым», «раздвинуть границы своих возможностей», «вести активный образ жизни»).
4. Потребительский (бесплатное получение сувенирной продукции, спецодежды и снаряжения: «А вообще я еще ходила на скандинавскую ходьбу, участвовала в фестивале, ездила в Лужники, вообще очень интересно, нам палки подарили, футболки»).
5. Развлекательный («нам так весело на занятиях», «это лучше, чем сидеть дома одному»).
6. Эстетический («прикоснуться к прекрасному», «почувствовать себя художником», «играть на сцене и получать аплодисменты», «шить и носить только красивое», «теперь я умею танцевать танго»).

Подытоживая данный раздел, безусловно хочется отметить целесообразность и необходимость программы «Московское долголетие» для организации досуга людей старшего возраста. Но есть и проблемы – работа в основном со «старшим средним возрастом» [25, с. 33], гендерная однонаправленность, низкий приток новых участников.

**Заключение.** Современный мир стареет быстрыми темпами. Доля людей старшего возраста в общей структуре населения постоянно растет. Это самостоятельная и далеко не всегда беспомощная группа населения. Многие бодры и полны энтузиазма заниматься собой, позитивно оценивают опыт прошлого и верят в будущее за счет способности адаптироваться к происходящим переменам. Иностранные исследователи называют это успешным, или активным, старением. Общеизвестное в зарубежной социологии возраста понятие «активное старение» россиянами воспринимается негативно. Термины «активное долголетие» и «активное старение», призванные при первичном приближении быть тождественными и взаимозаменяемыми друг друга, в восприятии людей старшего возраста сильно отличаются, представляя диаметрально противоположность.

Оба понятия показывают активность происходящих процессов. Но старение воспринимается как нечто негативное, конечное, как вызов самому себе, с которым нужно бороться, чтобы выжить, так как сам процесс старения связан с завершением – «увядание», снижение возможностей организма, приближение смерти. Исправить ситуацию призвана популяризация «активного долголетия», которое ассоциируется с сохранением (здоровья, красоты, возможностей организма) и даже обновлением («вторая молодость») и воспринимается как будущее, новый горизонт: «все впереди», «долгие годы», увеличение продолжительности жизни. Но активное долголетие сопряжено с вызовами, с которыми также нужно справляться на уровне индивида, общества, государства.

Один из вызовов, связанных с переходом в старший возраст, – эйджизм в коммуникации, проявляющийся как в межличностном общении, так и в обращении/упоминании людей старшего возраста в СМИ. Стереотипно старость ассоциируется с мудростью, теплотой, добротой, мягкостью, размеренностью, но при сравнении с активным долголетием старость

сразу утрачивает положительные коннотации и переходит в негативные: болезнь, бедность, ограниченность. Поэтому основная повестка антиэйджизма – избегать выражений «старый», «пожилой».

Один из главных вызовов внутри политики активного долголетия заключается в ответе на вопрос: так ли надо всем быть активными? Сама идея имеет как последователей, так и тех, кто ставит под сомнение всеобщую активизацию старших возрастных групп. Соответственно и отношение к программам активности людей старшего возраста тоже разное и у самих информантов, и у исследователей. Далеко не все хотят активной жизни в том понимании, в котором это предлагается политикой активного долголетия. Соответственно люди, которые хотели бы вести пассивный образ жизни, в лучшем случае игнорируются, а значит не изучаются и не рассматриваются. Это акцентирует не только тему для будущих исследований, но и предьявляет вызов системе, с которым необходимо справляться. То же самое происходит с программой «Московское долголетие», воспринимаемой неоднозначно. Согласно результатам интервью, автор выделила важные составляющие (не)готовности людей старшего возраста участвовать в программе: уровень организации активностей, познавательность, микроклимат, поставщики услуг. В каждом из этих параметров были названы пункты «за» и «против» участия. От сохранения плюсов и эффективной работы над замечаниями зависит вовлеченность в активности программы. Автор выявила четыре типа включенности информантов: «восторженные», «нейтральные», «критикующие» и «закрывающиеся». И если первые три группы вызывают исследовательский интерес, то «закрывающиеся», так же, как и «пассивные», мало изучены.

Интересен и гендерный аспект. Мужчин, вовлеченных в активности «Московского долголетия», в несколько раз меньше, чем женщин. И связано это не только с объективными демографическими показателями, но и с определенными интересами, которые в программе не учитываются в должной мере: менее разнообразный перечень активностей, непродуманные условия для подготовки к занятиям. Результаты исследования также показывают, что мужчины более требовательны к себе, и если что-то не получается или не соответствует привычным ожиданиям, они не стремятся продолжать занятия, чтобы не казаться слабыми.

Несмотря на то, что «активное долголетие» в целом позитивно воспринимается участниками исследования, название программы «Московское долголетие» вызывает негативные ассоциации со старшим возрастом и ассоциируется у информантов со старостью. «Московская молодость» призвана стать альтернативой как дополнительный мотивационный фактор для сохранения уже имеющих участников и привлечения новых.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Thompson P. "I Don't Feel Old": Subjective Ageing and the Search for Meaning in Later Life // *Ageing & Society*. 1992. Vol. 12, iss. 1. P. 23–47. DOI: 10.1017/S0144686X00004657.

2. Senior J. The Puzzling Gap Between How Old You Are and How Old You Think You Are // *The Atlantic*. April 2023 Iss. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2023/04/subjective-age-how-old-you-feel-difference/673086/> (дата обращения: 20.05.2023).

3. Havighurst R. J. Successful aging // *The Gerontologist*. 1961. Vol. 1, iss. 1. P. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>.

4. Boudiny K. "Active ageing": From empty rhetoric to effective policy tool // *Ageing and society*. 2013. Vol. 33, iss. 6. P. 1077–1098. DOI: 10.1017/S0144686X1200030X.

5. Katz S. Busy bodies: Activity, aging and the management of everyday life // *J. of aging studies*. 2000. Vol. 14, iss. 2. P. 135–152. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0890-4065\(00\)80008-0](https://doi.org/10.1016/S0890-4065(00)80008-0).

6. Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12, № 2. С. 187–211. DOI: [10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211).

7. Грачева О. Е. Новые тенденции нормативно-правовой поддержки развития социального обеспечения Москвы // *Социология*. 2018. № 3. С. 82–86.

8. Постановление Правительства Москвы от 13 фев. 2018 г. «О проведении в городе Москве пилотного проекта по расширению возможностей участия граждан старшего поколения в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях» // Консультант Плюс. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP(4).pdf) (дата обращения: 01.10.2023).

9. Постановление Правительства Москвы от 18 дек. 2018 г. «О реализации в городе Москве проекта «Московское долголетие» // Консультант Плюс. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d\\_663779044\(1\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044(1).pdf) (дата обращения: 01.10.2023).

10. Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-Пресс, 2002.

11. Богданова Е., Зеликова Ю. Нормативность старшего возраста: выстраивая систему координат // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12, № 2. С. 13–21. DOI: [10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21).

12. Максимова О. «Старость или «третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами своих собственных возрастных изменений // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12, № 2. С. 22–44. DOI: [10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44).

13. Шмерлина И. А. Либерализация старения: теоретические иллюзии и эмпирические аномалии // *Старикам тут место: социальное осмысление старения: сб. науч. ст. / отв. ред. Д. М. Рогозин, А. А. Ипатова*. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. С. 50–78.

14. Мануильская К. М. Самоопределение и самовосприятие людей старшего возраста: результаты фокус-групповых дискуссий // *Общественные науки и современность*. 2020. № 5. С. 155–164. DOI: [10.31857/S086904990012329-3](https://doi.org/10.31857/S086904990012329-3).

15. Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Как живет старшим москвичам (социально-психологическое исследование, 2014) // *Третий возраст – энергия и опыт / под ред. Э. Е. Чугуновой*. М.: Акварель, 2015. С. 9–18.

16. Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Москва глазами старшего поколения // *Старшее поколение москвичей: качество жизни и условия для активного долголетия / под ред. Е. А. Савостиной*. М.: ЛексПраксис, 2015. С. 48–58.

17. Старение в XXI веке: триумф и вызов // UNFPA. URL: [https://agenet.org/kg/wp-content/uploads/2012/10/Ageing\\_Report-Exec-Summary-RUS.pdf](https://agenet.org/kg/wp-content/uploads/2012/10/Ageing_Report-Exec-Summary-RUS.pdf) (дата обращения: 18.07.2023).

18. Ежедневный всероссийский опрос «Спутник» // ВЦИОМ. URL: <https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik> (дата обращения: 10.05.2023).

19. Nizamova A. Normativity and the aging self: “active longevity” media discourse in contemporary Russia // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. Vol. 12, no. 2. P. 45–67. DOI: [10.25285/2078-1938-2020-12-2-45-67](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-45-67).

20. Здравомыслова Е. А. Мужчины и женщины: старение в оптике гендерного подхода // *Социодиггер*. 2022. Т. 3, вып. 5–6 (18). С. 16–26.

21. Flood M. A mid-range theory of successful aging // *J. of theory construction and testing*. 2005. Vol. 9, no. 2. P. 35–39.

22. Дроздова Т. Эйджизм в коммуникации: медиа, тексты, повседневное общение // *Социодиггер*. 2022. Т. 3, вып. 5–6 (18). С. 7–11.

23. Будущее старости: изменение наших представлений о пожилых людях, их образе жизни, потребностях и потенциале // VKВидео. ВЦИОМ. 20.09.2022. URL: [https://vk.com/video-28944118\\_456239282](https://vk.com/video-28944118_456239282) (дата обращения: 01.05.2023).

24. Социодиггер. 2022. Т. 3, вып. 5–6 (18).  
25. Рогозин Д. М. Счастье и свобода в старости: власть, секс, путешествия // Социодиггер. 2022. Т. 3, вып. 5–6 (18). С. 30–41.  
26. Корнилова М. В. Этапы реализации государственной программы «Московское долголетие» // Государственная служба. 2020. № 4. С. 65–72. DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-4-65-72.

### Информация об авторах.

**Корнилова Марина Валерьевна** – кандидат социологических наук (2012), старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: активное долголетие, качество жизни, социальная защита и социальные риски пожилых.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 28.07.2023; принята после рецензирования 21.09.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.

### REFERENCES

1. Thompson, P. (1992), "I Don't Feel Old": Subjective Ageing and the Search for Meaning in Later Life", *Ageing & Society*, vol. 12, iss.1, pp. 23–47. DOI: 10.1017/S0144686X00004657.
2. Senior, J. (2023), "The Puzzling Gap Between How Old You Are and How Old You Think You Are", *The Atlantic*, April 2023 Iss., available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2023/04/subjective-age-how-old-you-feel-difference/673086/> (accessed 20.05.2023).
3. Havighurst, R.J. (1961), "Successful aging", *The Gerontologist*, vol. 1, iss. 1. pp. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>.
4. Boudiny, K. (2013), "Active ageing": From empty rhetoric to effective policy tool", *Ageing and society*, vol. 33, iss. 6, pp. 1077–1098. DOI: 10.1017/S0144686X1200030X.
5. Katz, S. (2000), "Busy bodies: Activity, aging and the management of everyday life", *J. of aging studies*, vol. 14, iss. 2, pp. 135–152. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0890-4065\(00\)80008-0](https://doi.org/10.1016/S0890-4065(00)80008-0).
6. Grigoryeva, I. and Bogdanova, E. (2020), "The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic", *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 12, no. 2, pp. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211.
7. Gracheva, O.E. (2018), "New trends in regulatory and legal support for the development of social security in Moscow", *Sociology*, no. 3, pp. 82–86.
8. "Decree of the Government of Moscow dated February 13, 2018 "On holding a pilot project in Moscow to expand opportunities for the participation of older citizens in cultural, educational, physical culture, recreational and other leisure activities"", *Consultant Plus*, available at: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/63-PP(4).pdf) (accessed 01.10.2023).
9. "Decree of the Government of Moscow of 18 Dec. 2018 "On the Implementation of the Moscow Longevity Project in the City of Moscow"", *Consultant Plus*, available at: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d\\_663779044\(1\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/d_663779044(1).pdf) (accessed 01.10.2023).
10. Toynbee, A. (2002), *A study of History*, Transl. by Zharkov, E.D., Airis-Press, Moscow, RUS.
11. Bogdanova, E. and Zelikova, Yu. (2020), "Normativity of older age: developing a coordinate system", *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 12, no. 2, pp. 13–21. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21.
12. Maksimova, O. (2020), "Old Age or "Third Age"? Discourses of Individuals' Subjective Perceptions of Their Own Age-Related Changes", *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 12, no. 2, pp. 22–44. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44.
13. Shmerlina, I.A. (2016), "Liberalization of aging: theoretical illusions and empirical anomalies", *Starikam tut mesto: sotsial'noe osmyslenie stareniya* [There is a place for old people: social understanding of aging": [collection of scientific articles], in Rogozin, D.M. and Ipatova, A.A. (eds.), Institute of Sociology RAS, Moscow, RUS, pp. 50–78.

14. Manuil'skaya, K.M. (2020), "Self-determination and self-perception of older people: results of focus group discussions", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 155–164. DOI: 10.31857/S086904990012329-3.

15. Dudchenko, O.N. and Mytil, A.V. (2015), "How do elderly Muscovites live (a socio-psychological study, 2014)", *Tretii vozrast – energiya i opyt* [Third age – energy and experience], in Chugunov, E.E. (ed.), Akvarel, Moscow, RUS, pp. 9–18.

16. Dudchenko, O.N. and Mytil, A.V. (2015), "The older generation of Muscovites: quality of life and conditions for active longevity", *Starshee pokolenie moskvichei: kachestvo zhizni i usloviya dlya aktivnogo dolgoletiya* [The older generation of Muscovites: quality of life and conditions for active longevity], in Savostina, E.A. (ed.), LexPraksis, Moscow, RUS, pp. 48–58.

17. "Aging in the 21st Century: triumph and challenge" (2012), *UNFPA*, available at: [https://agenet.org.kg/wp-content/uploads/2012/10/Ageing\\_Report-Exec-Summary-RUS.pdf](https://agenet.org.kg/wp-content/uploads/2012/10/Ageing_Report-Exec-Summary-RUS.pdf) (accessed 18.07.2023).

18. "Daily all-Russian survey "Sputnik"", *VTsIOM*, available at: <https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik> (accessed 05.10.2023).

19. Nizamova, A. (2020), "Normativity and the aging self: "active longevity" media discourse in contemporary Russia", *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 12, no. 2, pp. 45–67. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-45-67.

20. Zdravomyslova, E.A. (2022), "Men and women: aging in the optics of a gender approach", *Sociodigger*, vol. 3, iss. 5–6 (18), pp. 16–26.

21. Flood, M. (2005), "A mid-range theory of successful aging", *J. of theory construction and testing*, vol. 9, no. 2, pp. 35–39.

22. Drozdova, T. (2022), "Ageism in communication: media, texts, everyday communication", *Sociodigger*, vol. 3, iss. 5–6 (18), pp. 7–11.

23. "The future of old age: changing our perceptions of older people, their lifestyle, needs and potential" (2022), *VKVideo. VTsIOM*, 20.09.2022, available at: [https://vk.com/video-28944118\\_456239282](https://vk.com/video-28944118_456239282) (accessed 05.01.2023).

24. *Sociodigger* (2022), vol. 3, iss. 5–6 (18).

25. Rogozin, D.M. (2022), "Happiness and freedom in old age: power, sex, travel", *Sociodigger*, vol. 3, iss. 5–6 (18), pp. 30–41.

26. Kornilova, M.V. (2020), "Stages for implementing the "Moscow Longevity" program", *Public Administration*, no. 4, pp. 65–72. DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-4-65-72.

### **Information about the author.**

**Marina V. Kornilova** – Cand. Sci. (Sociology, 2012), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 24/35 Krzhizhanovskogo str., bldg. 5, Moscow 117218, Russia. The author of more than 60 scientific publications. Area of expertise: active longevity, quality of life, social protection and social risks of the elderly.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.*

*Received 28.07.2023; adopted after review 21.09.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 316.446  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-90-100>

## Профессиональная гендерная сегрегация в научном дискурсе: тенденции и противоречия

**Алексей Юрьевич Колянов**

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»  
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,  
aikolianov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>*

**Введение.** В статье исследуются актуальные представления о профессиональной гендерной сегрегации в российском и зарубежном научных дискурсах. Сравнительный анализ различных подходов к пониманию гендерных проблем позволяет выявить новые потенциалы их изучения, а также обратить внимание на особенности развития оптики российской науки в рассмотрении гендерных различий. Наиболее пристального внимания и изучения требуют гендерные проблемы в сфере информационных технологий, поскольку эта сфера находится на передовой научного, технологического и социального развития.

**Методология и источники.** Теоретико-методологической базой для интерпретации результатов исследования послужили основные положения социологических и экономических теорий: теории социальных представлений (С. Московичи), концепции габитуса (П. Бурдьё), ролевой теории (Р. Линтон), теории рационального выбора. Для работы с эмпирическими данными использовались методы сравнительного анализа текстов, анализ документов и отчетов о проведенных исследованиях (The Gender Inequality Index, The Global Gender Gap Index, Global Gender Gap Report, «Женщины и мужчины России – 2022»), дискурс-анализ.

**Результаты и обсуждение.** В зарубежных исследованиях констатируется понимание того, что шаги, сделанные по достижению гендерного паритета на рынке труда приводят к новой конфигурации гендерных различий и вынуждают искать меры их преодоления. В отечественной научной литературе основной упор делается на мониторинг актуального положения женщин в профессиональной среде, анализ статистики и поиск скрытых механизмов профессиональной гендерной сегрегации.

**Заключение.** При наличии показательной статистики и масштабных эмпирических исследований в научном дискурсе не наблюдается теоретического консенсуса по поводу профессиональной гендерной ситуации. Явственен диссонанс между констатацией проблем теоретиками и отсутствием запроса на поиск их решения со стороны практики, где в некоторых профессиональных контекстах царят гендерные «нейтральность» или «безразличие». Сделаны выводы о характере российского научного гендерного дискурса, нуждающегося в развитии тезауруса небинарности и выработке эффективного способа рассуждения о гендерных проблемах.

**Ключевые слова:** гендер, гендерные исследования, гендерная сегрегация, гендерная социология, профессиональная сегрегация

© Колянов А. Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



**Для цитирования:** Колянов А. Ю. Профессиональная гендерная сегрегация в научном дискурсе: тенденции и противоречия // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 90–100. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-90-100.

Original paper

## Professional Gender Segregation in Scientific Discourse: Trends and Contradiction

**Alexey Yu. Kolianov**

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,  
aikolianov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>*

**Introduction.** The article examines current ideas about professional gender segregation in Russian and foreign scientific discourses. Comparative analysis of various approaches to understanding gender issues allows us to identify new potentials for their study, as well as to pay attention to the development of the optics of Russian science in considering gender differences. Gender issues in the field of information technology require the closest attention and study, since this area is at the forefront of scientific, technological and social development.

**Methodology and sources.** The theoretical and methodological basis for interpreting the results of the study was the main provisions of sociological and economic theories: the theory of social representations (S. Moscovici), the concept of habitus (P. Bourdieu), role theory (R. Linton), and rational choice theory. To work with empirical data, we used the methods of comparative text analysis, analysis of documents and research reports (The Gender Inequality Index, The Global Gender Gap Index, Global Gender Gap Report, “Women and Men of Russia-2022”), and discourse analysis.

**Results and discussion.** In foreign studies, with the long-established vision and acceptance of gender problems, there is an understanding that past steps to achieve gender parity in the labor market lead to a new configuration of gender differences, which requires new efforts to eliminate them. In Russian scientific literature, the main emphasis is on monitoring the current situation of women in the professional environment, analyzing statistics and searching for hidden mechanisms of professional gender segregation.

**Conclusion.** The results of the analysis show that in the presence of demonstrative statistics and large-scale empirical research, there is no theoretical consensus in the scientific discourse about the professional gender situation. There is a clear dissonance between the statement of problems by theorists and the lack of a request to find their solution on the part of practice, where gender “neutrality” or “indifference” reigns in some professional contexts. Conclusions are drawn about the nature of the Russian scientific gender discourse, which needs to develop a thesaurus of nonbinarity and develop an effective way of reasoning about gender issues.

**Keywords:** gender, gender studies, gender segregation, gender sociology, occupational segregation

**For citation:** Kolianov, A.Yu. (2023), “Professional Gender Segregation in Scientific Discourse: Trends and Contradiction”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 90–100. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-90-100 (Russia).

**Введение.** Осмысление концепта «гендер», впервые введенного из лингвистики в социальные науки, где он определял грамматический род и классификацию слов и форм по признакам пола или их отсутствию, стимулировало развитие исследований, связанных с

профессиональными различиями полов. В 1950-е гг. ученый из США Джон Мани использовал слово «гендер» в своих работах для того, чтобы провести границу между биологическим и социальным пониманием пола. Позднее это понятие развивалось в контексте феминистских учений, таких как, например, теория новой психологии пола и прочие представления о том, что между женщинами и мужчинами не существует когнитивных различий, как минимум, с момента рождения. В настоящее время слово «гендер» активно используется как в научной, так и в социальной коммуникации. Исследование разных аспектов гендерных неравенств, таких как дискриминация, сегрегация, асимметрия и др., получило особенно широкое распространение.

**Методология и источники.** К 2020 г. появились методы для измерения гендерной ситуации. Один из них – индекс гендерного неравенства (The Gender Inequality Index, или GII). Он был представлен в 2010 г. на Женевском экономическом форуме и с тех пор ООН включает его в отчет о человеческом развитии, публикуемый ежегодно. В GII входят три компонента, связанные с отличиями в достижениях мужчин и женщин: репродуктивность, социально-политические возможности, а также карьерный потенциал.

Для оценки гендерной ситуации используется также Индекс международного гендерного различия (The Global Gender Gap Index), включающий четыре категории: экономическая активность, политические ресурсы, образование и биологический потенциал (здоровье, продолжительность жизни и т. д.). В 2022 г. Российская Федерация в данном рейтинге гендерного неравенства представлена не была.

Стремление к установлению гендерной сбалансированности является важной политической целью и отражено во множестве программных документов.

Изучение гендерных проблем, и в частности феномена гендерной сегрегации, изначально происходит в рамках различных социальных наук. В настоящее время наиболее распространенными являются социологические и экономические подходы. В социологии объяснительным потенциалом обладают культуралистские теории, ролевая теория и теория социальных представлений.

Особую роль в воспроизводстве гендерной сегрегации играют культурные практики, двигателями которых являются институты семьи и образования. В социальных науках все еще сильны представления о естественных ролях, способностях и наклонностях мужчин и женщин [1, р. 574]. Эффективными для объяснения гендерной сегрегации являются культуралистские теории, к числу которых относится и теория культурного капитала П. Бурдьё, включающая концепт «габитуса» как совокупности приобретенных схем, определяющих категории восприятия и оценивания [2]. Культуралистские теории показывают, что к мальчикам и девочкам относятся согласно гендерным стереотипам, а также ждут от них гендерно-специфических особенностей поведения, соответствующих восприятию родителей, учителей и сверстников. В дальнейшем у подростков формируются модели мышления, на основании которых они выбирают свою образовательную траекторию. На этом этапе формируется водораздел между профессиями «заботы», предпочитаемыми девочками, и профессиями «технического склада», которые выбирают мальчики. Важным является исследовательское замечание о том, что даже в случае изменения традиционных форм социализации гендерно-эссенциалистские установки очень устойчивы, и сфера услуг, предполагающая выполнение работ,

похожих на домашнюю работу, стереотипно продолжает ассоциироваться с профессиональными занятиями женщин. Именно девушки выбирают данные специальности в университетах, что сохраняет гендерное неравенство даже в тех обществах, где поддерживается гендерный паритет [3, р. 173].

Помимо внешних причин, формирующих сегрегацию, присутствуют также и внутренние. В результате культурного давления подростки приобретают гендерные убеждения, влияющие на оценку собственных способностей. В некоторых случаях эти способности могут переоцениваться, например, у мальчиков, от которых ожидают математического склада ума. В отдельных исследованиях было показано, что самооценка мальчиков относительно своих математических способностей выше, поскольку они получают соответствующую обратную связь. Девочки же более болезненно реагируют на обратную связь по поводу своих способностей в математике. В то же время высокая самооценка позволяет успешнее продвигаться по карьерной лестнице в профессиях, связанных с количественными расчетами [4, р. 1724].

Существует мнение, что повсеместное распространение гендерной сегрегации можно объяснить в рамках теории социальных ролей, согласно которой личность описывается посредством усвоенных и принятых индивидом или вынужденно выполняемых социальных функций и моделей поведения [5, р. 4]. В ролевой теории мужчины наделяются агентностью, а женщинам более присуще участие в общественно полезной деятельности. Женщины с большей вероятностью будут выполнять функции по уходу и воспитанию (например, ухаживая за детьми или пожилыми людьми), в то время как мужчины с большей вероятностью будут выполнять роли, связанные с властью и управлением (например, занимая руководящие должности).

Одним из центральных положений ролевой теории является то, что гендерная сегрегация порождает гендерные стереотипы. Изменения профессиональных ролей женщин происходят в связи с более широким приписыванием им агентных черт, что происходит в полном соответствии с представлениями о социальной роли Р. Линтона [6, р. 99]. Однако гендерные стереотипы сохраняются. Это можно объяснить пассивностью мужчин при переключении на социальные роли заботы и поддержки. Более того, стереотипы о мужчинах не изменяются так сильно, как стереотипы о женщинах. В результате драйвером гендерной сегрегации остаются сильные социальные стереотипы и установки. В отдельных исследованиях показано, что люди, увереннее поддерживающие гендерные стереотипы, также ощущали большую профессиональную гендерную сегрегацию [7, р. 422]. С другой стороны, вопреки теории социальных ролей исследования показывают на то, что гендерные различия сильнее в обществах с высоким уровнем гендерного равенства. Это явление получило название «парадокс гендерного равенства» («gender equality paradox»).

Экономически ориентированные подходы к проблеме гендерной сегрегации основываются на утилитарной экономической теории и теории рационального выбора, феминистской теории патриархата и теории предпочтений [8].

В контексте теории рационального выбора гендерное неравенство интерпретируют через концепт сравнительного преимущества, объясняющий, почему рынок выбирает мужчин: они имеют возможность больше инвестировать в человеческий капитал. При этом в равных образовательных условиях девочки превосходят мальчиков по гуманитарным

направлениям. Таким образом, для девушек логичным было бы продолжение образования в гуманитарных науках, что оправдывало бы инвестиции в такую образовательную траекторию. Однако в реальности девушки ожидают, что посвятят много времени семье, поэтому выбирают работу, которая бы наименьшим образом конфликтовала с семейными обязанностями. Следовательно, в странах и организациях, где создаются условия для минимизации конфликта между профессиональной деятельностью женщины и семейными обязанностями, ожидается меньший уровень гендерной сегрегации.

Теории патриархата объясняют преимущество мужчин тем, что они традиционно занимали высокие профессиональные позиции в обществе. Гендерная сегрегация и гендерно обусловленная разница в заработках («gender pay gap») – это способы сохранить зависимость женщин от мужчин. Однако с появлением все большего числа прав и возможностей у женщин гендерная сегрегация не уменьшается. В некоторых эгалитарных странах ее, наоборот, становится больше.

И, наконец, теория предпочтений, предложенная К. Хаким [9], позволяет увидеть корни сегрегации с помощью классификации женщин по трем группам, отражающим характер их предпочтений: семья, работа или гибкость.

**Результаты и обсуждение.** Научные интерпретации гендерной сегрегации ощутимо преломляются в национальных и профессиональных дискурсах.

В России в силу специфики исторического развития положение женщин в сфере труда формировалось несколько иначе, нежели в странах Европы и США. В Советском Союзе формально идеологическое равенство мужчин и женщин на практике возникало в связи с тяжелыми последствиями войн и междоусобиц. Период индустриализации потребовал участия во многих видах труда женщин, что отражалось в пропаганде и культуре. Массовое распространение в России образа женщины, занимающейся тяжелым ручным трудом, происходит в период Второй мировой войны и после нее, хотя для других стран эта практика не является уникальной (вспомним американскую клепальщицу Роузи). Однако после войны образ женщины, работающей по профессии, традиционно связываемой с мужчинами, сохранился. В 1940-е гг. доля работающих в промышленности женщин была выше, чем в иных хозяйственных отраслях. С 1950-х до 1970-х гг. доля женщин в различных сферах промышленности и хозяйства достигала 46 %. А до распада СССР женщины составляли чуть более половины всех рабочих и служащих (51 %), доля же женщин среди специалистов с высшим и средним образованием составляла 59 %. Можно констатировать, что в период советской власти положение женщин укреплялось, а после перехода к капиталистической экономике в России проявились общемировые проблемы гендерного неравенства, поскольку происходил отток мужчин из наукоемких сфер в коммерческие. Однако некоторый гендерный паритет сохранялся как наследие советских реалий.

В настоящее время профессиональная гендерная сегрегация в России де-факто отсутствует. Нашей страной признаны основные документы международного права, затрагивающие вопросы обеспечения прав женщин и определяющие их положение, в частности Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) 1979 г. Россия признает и поддерживает цели, озвученные в Декларации Тысячелетия ООН, равно как и цели в области устойчивого мирового развития. Принятые Четвертой Всемир-

ной конференцией по положению женщин в 1995 г. в Пекине Декларацию и Платформу действий Российская Федерация также поддержала. В п. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации сказано о равных правах и свободах мужчин и женщин, а также равных возможностях для их реализации. В начале 2023 г. вышла Национальная стратегия действий в интересах женщин на семилетний период, до 2030 г. К этому сроку предполагается предпринять различные действия для улучшения здоровья и качества жизни женщин, предотвращения разных форм насилия в отношении женщин, роста числа женщин-руководителей, нивелирования различий в размере оплаты труда женщин и мужчин и т. д.

Таким образом, о сегрегации можно говорить только де-факто. Ее фактическими причинами могут быть распространенные стереотипы в отношении половых признаков как субъективного фактора развития профессиональной гендерной сегрегации [10].

Чтобы понять, проявляются ли какие-то социальные конфликты и трудности, связанные с гендерной сегрегацией, в массивах статистических сведений, нужно попытаться обрисовать российскую ситуацию гендерного дисбаланса. В 2022 г. Росстат выпустил сборник «Женщины и мужчины России». Согласно материалам этого исследования, в России насчитывается 77 млн женщин и 68 млн мужчин. Исходя из показателя трудоспособного возраста 16–60 лет для мужчин и 16–55 лет для женщин, трудоспособными являются 64 % российских мужчин и примерно половина российских женщин [10]. Уже из этого числа половина женщин и около 70 % мужчин относятся к рабочей силе, т. е. официально трудоустроены или числятся безработными. В то же время существует и показатель потенциальной рабочей силы, к которой относятся заинтересованные в трудоустройстве, но не готовые приступить к работе или не находящиеся в поиске. В 2021 г. в данную категорию было отнесено 667 тыс. женщин, в основном 20–29 лет, что составляет около 1 % от всех женщин в стране и свидетельствует о том, что в указанный период в стране существует ресурс незадействованной женской рабочей силы [11, с. 81].

Положительную роль в упрочении позиций гендерного равноправия в профессиональной среде сыграла популяризация в стране теории гендерной нейтральности. Это особенно проявилось в предоставлении женщинам возможности работать там, где ранее могли работать только мужчины. Список работ, запрещенных для женщин, состоял из 1456 пунктов. Но с января 2021 г. женщинам стали доступны 356 специальностей и теперь в перечне ограничений сохранилось только 100 позиций.

Что касается заработной платы, отношение заработка женщин к мужскому в 2019 г. в России составляло 72,1 % и к 2021 г. несколько повысилось до 72,5 %, однако во всех видах экономической деятельности мужчины зарабатывают больше. Соразмерны, пожалуй, только заработки мужчин и женщин в сфере образования. Дисбаланс наблюдается на всех уровнях. Женщины-руководители в 2021 г. в среднем зарабатывали около 89 тыс. руб. (около \$1200), а мужчины – 128 тыс. руб. (ок. \$1600) [11, с. 111].

По-разному относятся женщины и мужчины к выбору образовательной стратегии. По данным на 2020 г. высшее образование имелось примерно у половины мужчин и женщин (54 и 46 % соответственно). Высшее образование чаще всего выбирают именно женщины (52 %), а мужчины предпочитают получать статус квалифицированного рабочего (70 %). На уровне подготовки кадров высшей квалификации мужские и женские стратегии также раз-

няются. На данном уровне женщины чаще продолжают обучение медицинским специальностям в ординатуре (68 %) и ассистентуре (55 %), в то время как мужчины выбирают аспирантуру (53 %). В результате среди женщин больше специалистов среднего звена (51,9 %), окончивших бакалавриат, магистратуру или специалитет, а если речь идет о медицинском образовании, то ординатуру и ассистентуру. Мужчин же больше среди выпускников докторантуры (60,7 %). Также статистика по числу женщин в разных профессиональных сферах свидетельствует о том, что наибольшее количество женщин концентрируется в образовательной среде, где суммарное большинство сосредоточено в дошкольном образовании (98 % от общего числа сотрудников обоего пола) и немногим больше половины – в профессорско-преподавательском составе высших учебных заведений (52 %) [11, с. 56].

Собственно, гендерные исследования как таковые в России появляются в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а научные дискуссии по проблемам гендерного равенства и сопутствующим темам в российском профессиональном дискурсе возникают в начале XXI в. К настоящему моменту можно выделить несколько позиций относительно гендерной проблемы. Первой является относительно нормативная в русле современной социальной науки констатация наличия гендерных проблем в любом современном социуме по умолчанию. Для данной позиции характерно провозглашение ценности гендерного баланса во всех сферах общества (акцент, конечно, на традиционно мужские позиции: политика, экономика и др.), а также достижение достаточного для общества уровня женских прав, свобод и возможностей (т. е. того, что в англоязычном научном дискурсе входит в понятие «empowerment») [12–16].

Вторая позиция является условно традиционной, а следовательно, консервативной, для российской действительности. Это представления, проистекающие из исторических этносоциальных взглядов на место и роль женщины в обществе. Для данной системы взглядов в целом характерны критика гендерных теорий да и вообще сомнения относительно значимости гендерной проблемы, поскольку, по мнению апологетов консервативных представлений, в обществах, имеющих глубокие политические и религиозные традиции, женщинам предписаны характерные роли и специфические социальные статусы, что при этом необязательно должно свидетельствовать о каком-то неравенстве в сравнении с мужчинами. С точки зрения такого гендерного традиционализма неверно упрощать картину мира, применяя к разным по степени уникальности обществам универсализированные критерии неравенства, поскольку то, что приемлемо для одних социумов, для других попросту нерелевантно. Допустим, то, что сквозь оптику западных теорий выглядит как гендерная сегрегация, в российской реальности может отражать общественные представления о социальной справедливости [10, 17].

Третий подход концентрируется на методологической реконструкции и качественной верификации предыдущих исследований гендерной ситуации. Тщательная проверка прошлых работ вполне ожидаемо заканчивается критикой или опровержением репрезентативности результатов из-за устаревших методологий. Однако представители такого ревизионистского направления иногда обнаруживают крайне интересные детали, оптимизирующие современные представления о гендерной ситуации и, в частности, опровергающие возникшие уже в потоке идеологизированного дискурса представления о гендерных диспропорциях. Так, например, различия в заработках женщин и мужчин на деле могут быть несущест-

ственными, если изменить ракурс анализа статистических данных и рассматривать не ежемесячную, а почасовую оплату [18–20].

Таким образом, мы видим, что если на политическом уровне вопросы гендерного неравенства, и в частности гендерной сегрегации, вызывают ответы в виде программ, концепций, то в российском научном дискурсе все не так однозначно, и данная проблема является предметом дискуссии. Характерной особенностью этой дискуссии являются «сырость» тезауруса и сложности в разрешении противоречий между западно-ориентированными подходами и российской спецификой.

Особого внимания заслуживают исследования положения женщин в отдельных профессиональных группах. Для нас интерес представляет ситуация в STEM-профессиях (аббревиатура STEM расшифровывается как Science, Technology, Engineering, Mathematics) и, в частности, в секторе ICT-специальностей. К настоящему времени распространено мнение, что профессиональная сегрегация (в нашем понимании – артикулированное иерархическое различие мужских и женских профессий) является следствием социальных, а не биологических причин. STEM включает дисциплины, первенство в которых ожидается от мужчин, а фактором успеха является свойственная мужчинам агентность. В результате уже на этапе получения образования STEM может оказаться для девушек труднодоступной маскулинно-ориентированной средой неравных возможностей и гендерных стереотипов. В итоге у девушек падает мотивация, снижается уверенность в своих силах, возникает «синдром самозванца». Женщины увольняются с работы в STEM-отраслях в два раза чаще, чем мужчины. Данный феномен получил название «протекающая труба»: получая образование в STEM, женщины не работают в дальнейшем по специальности [21, p. 10107]. В России менее 30 % рабочих мест в STEM-секторе занято женщинами, и в некоторых отраслях эта доля последовательно уменьшается. В частности, в сфере информационных технологий с начала 2000-х гг. процент женщин снизился (например, за период с 2004 по 2014 г. с 35 до 25 %) [22, с. 145]. Вместе с тем именно сфера STEM-профессий отличается меритократией и гендерным космополитизмом, что делает эту среду для женщин адаптивной и отличающейся мягким профессиональным климатом, поэтому в перспективе акцент научных исследований гендерных проблем в данной отрасли должен быть сделан на тщательном выявлении противоречий социализации и профессионализации женщин.

**Заключение.** В результате проведенного анализа научной литературы и данных статистических исследований были выявлены ключевые различия в представлениях зарубежных и российских исследователей о гендерных проблемах на рынке труда. Результаты анализа показывают, что при наличии показательной статистики и масштабных эмпирических исследований в научном дискурсе не наблюдается теоретического консенсуса по поводу профессиональной гендерной ситуации. Явственен диссонанс между констатацией проблем теоретиками и отсутствием запроса на поиск их решения со стороны практики, где в некоторых профессиональных контекстах царят гендерные «нейтральность» или «безразличие». В свете сказанного необходимо также сделать выводы о характере российского научного гендерного дискурса, нуждающегося в развитии тезауруса небинарности и выработке эффективного способа рассуждения о гендерных проблемах.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Charles M., Bradley K. Equal but Separate? A Cross-National Study of Sex Segregation in Higher Education // *American Sociological Review*, 2002. Vol. 67, no. 4. P. 573–599. DOI: <https://doi.org/10.2307/3088946>.
2. Bourdieu P. *Le Sens pratique*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1979.
3. Barone C. Some Things Never Change: Gender Segregation in Higher Education across Eight Nations and Three Decades // *Sociology of Education*. 2011. Vol. 84, iss. 2. P. 157–176. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038040711402099>.
4. Correll S. J. Gender and the Career Choice Process: The Role of Biased Self-Assessments // *American J. of Sociology*, 2001. Vol. 106, no. 6. P. 1691–1730. <https://doi.org/10.1086/321299>.
5. Gender at Work Across Nations: Men and Women Working in Male-Dominated and Female-Dominated Occupations are Differentially Associated with Agency and Communion / L. Froehlich, M. I. T. Olsson, A. R. Dorrough, S. E. Martiny // *J. of Social Issues*. 2020. Vol. 76, iss. 3. P. 484–511. DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.12390>.
6. Linton R. *The study of a man: an introduction*. NY: Appleton-Century, 1936.
7. Cejka M. A., Eagly A. H. Gender-stereotypic images of occupations correspond to the sex segregation of employment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25, iss. 4. P. 413–423. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167299025004002>.
8. Explaining gender segregation / R. M. Blackburn, J. Browne, B. Brooks, J. Jarman // *The British J. of Sociology*. 2002. Vol. 53, iss. 4. P. 513–536. DOI: <https://doi.org/10.1080/0007131022000021461>.
9. Hakim C. Developing a Sociology for the Twenty-First Century: Preference Theory // *The British J. of Sociology*. 1998. Vol. 49, no. 1. P. 137–143. DOI: <https://doi.org/10.2307/591267>.
10. Воробьева А. Г. Социологический анализ существования проблемы профессиональной гендерной сегрегации в России // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 8. С. 56–59. DOI: 10.24158/tipor.2018.8.10.
11. Женщины и мужчины России. М.: Росстат, 2022.
12. Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: мат. Всерос. науч. конф. с междунар. уч., Москва, 3 мар. 2020 г. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2020.
13. Задворнова Ю. С. Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях как ключевая задача преодоления гендерного неравенства в странах с цифровой экономикой // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 114–120. DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.9.
14. Лукьянова А. Л. Цифровизация и гендерный разрыв в оплате труда // *Экономическая политика*. 2021. Т. 16, № 2. С. 88–117. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-88-117.
15. Заиченко Н. А., Савельева Е. А. Дискурс гендера в представлениях участников образовательных отношений в пространстве петербургской школы // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2020. Т. 12, № 3. С. 50–74. DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.3.
16. Хоткина З. А. Актуальные вызовы рынка труда и их гендерные последствия для занятости // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, № 2. С. 136–148. DOI: /10.19181/population.2020.23.2.12.
17. Рудченко А. В. Анализ ситуации гендерной асимметрии на рынке труда: теоретический аспект // *Вестн. Междун. ин-та рынка*. 2020. № 2. С. 44–53.
18. Роцин С. Ю., Емелина Н. К. Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России // *Экономический журнал ВШЭ*. 2022. Т. 26, № 2. С. 213–239. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239.
19. Мальцева И. О., Нестерова Д. В. Гендерная сегрегация на внутреннем рынке труда: источники и последствия. М.: Изд. дом ВШЭ, 2009.
20. Рудченко А. В., Асташина Е. Е. Гендерный анализ должностной структуры вузов России // *Вестн. Междун. ин-та рынка*. 2021. № 1. С. 111–119.
21. Sheltzer J. M., Smith J. C. Elite male faculty in the life sciences employ fewer women // *PNAS*. 2014. Vol. 111, no. 2. P. 10107–10112. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1403334111>.

22. Хоткина З. А., Доброхлеб В. Г., Русанова Н. Е. Гендерные проблемы в современной России и методология их анализа // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 135–149.

### **Информация об авторе.**

**Колянов Алексей Юрьевич** – кандидат политических наук (2007), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, мировая политика, политическая лингвистика, медиаисследования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 14.09.2023; принята после рецензирования 17.10.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

### **REFERENCES**

1. Charles, M. and Bradley, K. (2002), "Equal but Separate? A Cross-National Study of Sex Segregation in Higher Education", *American Sociological Review*, vol. 67, no. 4, pp. 573–599. DOI: <https://doi.org/10.2307/3088946>.
2. Bourdieu, P. (1979), *Le Sens pratique*, Les Éditions de Minuit, Paris, FRA.
3. Barone, C. (2011), "Some Things Never Change: Gender Segregation in Higher Education across Eight Nations and Three Decades", *Sociology of Education*, vol. 84, iss. 2, pp. 157–176. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038040711402099>.
4. Correll, S.J. (2001), "Gender and the Career Choice Process: The Role of Biased Self-Assessments", *American J. of Sociology*, vol. 106, no. 6, pp. 1691–1730. DOI: <https://doi.org/10.1086/321299>.
5. Froehlich, L., Olsson, M.I.T., Dorrough, A.R. and Martiny, S.E., (2020), "Gender at Work Across Nations: Men and Women Working in Male-Dominated and Female-Dominated Occupations are Differentially Associated with Agency and Communion", *J. of Social Issues*, vol. 76, iss. 3, pp. 484–511. DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.12390>.
6. Linton, R. (1936), *The study of a man: an introduction*, Appleton-Century, NY, USA.
7. Cejka, M.A. and Eagly, A.H. (1999), "Gender-stereotypic images of occupations correspond to the sex segregation of employment", *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 25, iss. 4, pp. 413–423. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167299025004002>.
8. Blackburn, R.M., Browne, J., Brooks, B. and Jarman, J. (2002), "Explaining gender segregation", *The British J. of Sociology*, vol. 53, iss. 4, pp. 513–536. DOI: <https://doi.org/10.1080/0007131022000021461>.
9. Hakim, C. (1998), "Developing a Sociology for the Twenty-First Century: Preference Theory", *The British J. of Sociology*, vol. 49, no. 1, pp. 137–143. DOI: <https://doi.org/10.2307/591267>.
10. Vorobyeva, A.G. (2018), "A sociological analysis of the problematic status of occupational gender segregation in Russia", *Theory and Practice of Social Development*, no. 8, pp. 56–59. DOI: [10.24158/tipor.2018.8.10](https://doi.org/10.24158/tipor.2018.8.10).
11. *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* [Women and men of Russia] (2022), Rosstat, Moscow, RUS.
12. *Zhenshchiny v professiyah XXI veka: tendencii, problemy, perspektivy* [Women in professions of the 21st century: trends, problems, prospects] (2020), Ivanovo, RUS, March 3, 2020.
13. Zadvornova, Yu.S. (2019), "Elimination of gender wage gap in stem as a key task of eradication of gender inequality in countries with digital economy", *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 114–120. DOI: [10.21064/WinRS.2019.3.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.9).
14. Lukyanova, A.L. (2021), "Digitalization and the Gender Wage Gap in Russia", *Economic policy*, vol. 16, no. 2, pp. 88–117. DOI: [10.18288/1994-5124-2021-2-88-117](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-88-117).
15. Zaichenko, N.A. and Savelyeva, E.A. (2020), "Gender Discourse in the Perceptions of Educational Relations Participants in the St. Petersburg", *Schools. Interaction. Interview. Interpretation*, vol. 12, no. 3, pp. 50–74. DOI: [10.19181/inter.2020.12.3.3](https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.3).

16. Khotkina, Z.A. (2020), "Actual challenges of labor market and their gender implications for employment", *Narodonaselenie* [Population], vol. 23, no. 2, pp. 136–148. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.12.
17. Rudchenko, A.V. (2020), "Analysis of situation of gender asymmetry in the labour market", *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*, no. 2, pp. 44–53.
18. Roshchin, S.Yu. and Emelina, N.K. (2022), "Meta-analysis of the Gender Pay Gap in Russia", *HSE Economic J.*, vol. 26, no. 2, pp. 213–239. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239.
19. Maltseva, I. and Nesterova, D. (2009), *Within-Firm Gender Segregation: sources and consequences*, Higher School of Economics, Moscow, RUS.
20. Rudchenko, A.V. and Astashina, E.E. (2021), "Gender analysis of the official structure of Universities in Russia", *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*, no. 1, pp. 111–119.
21. Sheltzer, J.M. and Smith, J.C. (2014), "Elite male faculty in the life sciences employ fewer women", *PNAS*, vol. 111, no. 2, pp. 10107–10112. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1403334111>.
22. Khotkina, Z.A., Dobrohleb, V.G. and Rusanova, N.E. (2018), "Gender problems in Russia and methodology of their analysis", *Narodonaselenie* [Population], vol. 21, no. 4, pp. 135–149. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-12.

### **Information about the author.**

**Alexey Yu. Kolianov** – Can. Sci. (Politics, 2007), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: political philosophy, world politics, political linguistics, media studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 14.09.2023; adopted after review 17.10.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 316.346.32-053.6  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-101-115>

## Социологическая диагностика образа «героя» как объекта социального конструирования в идеологии молодежи в период проведения специальной военной операции

**Анна Сергеевна Курапова<sup>1✉</sup>, Сергей Владимирович Курапов<sup>2</sup>,  
Александр Борисович Ильченко<sup>3</sup>**

<sup>1</sup>Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»  
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

<sup>2</sup>Московский государственный университет технологий и управления  
им. К. Г. Разумовского (ПКУ), Москва, Россия

<sup>3</sup>Федеральное агентство по делам молодежи, Москва, Россия

<sup>✉</sup>[ann-shilyaeva@yandex.ru](mailto:ann-shilyaeva@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2003-7439>

<sup>2</sup>[sv\\_ksv@mail.ru](mailto:sv_ksv@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0007-3962-2850>

<sup>3</sup>[89501376443@mail.ru](mailto:89501376443@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0005-8404-1487>

**Введение.** В статье рассматривается применение концепции социального конструирования к формированию образа «героя» у студенческой молодежи и его социодинамика в период проведения специальной военной операции. Для сравнительного анализа взяты военнослужащие срочной службы и казачья молодежь. Отмечается важность влияния образов «героев», отвечающих определенным требованиям в условиях «гибридной войны».

**Методология и источники.** Представлены основные подходы к социальному конструированию с позиции формирования образа «героя» (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Блумер, К. Поппер, М. Спектор, Дж. Китсьюз, У. Липпман). Описаны факторы, влияющие на формирование образа «героя» и процедуры социального конструирования. Показана взаимосвязь сконструированного образа «героя» и результата его функционирования в социальной среде. Обосновывается влияние СМИ и социальных сетей на формирование образа «героя», описывается концепция социального конструкта: представления молодежи – ценностный выбор – результат. Приведены данные исследований авторов статьи по ценностным ориентациям молодежи.

**Результаты и обсуждение.** Представлены результаты социологической диагностики образа «героя» в динамике 2022–2023 гг. у студенческой молодежи Санкт-Петербурга и Москвы и группы молодежи, к которым применялись целенаправленные социальные технологии, – военнослужащие срочной службы и казачья молодежь.

**Заключение.** На втором году проведения специальной военной операции произошла трансформация образа «героя» для всех групп молодежи. На студенческую молодежь оказало влияние социальное конструирование «мягкой силы». Например, смена транслируемого контента в Интернете, введение специальных уроков мужества и «Разговоров о важном». Однако эталон «героя-воина» остается на уровне Великой Отечественной войны, что говорит о недостаточном историческом погружении транслируемой информации и в то же время недостаточной актуализации современных героев-воинов.

© Курапова А.С., Курапов С. В., Ильченко А. Б., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

**Ключевые слова:** герой, образ, социальное конструирование, студенческая молодежь, военнослужащие срочной службы, казачья молодежь, ценностные ориентации, специальная военная операция, идеология

**Для цитирования:** Курапова А. С., Курапов С. В., Ильченко А. Б. Социологическая диагностика образа «героя» как объекта социального конструирования в идеологии молодежи в период проведения специальной военной операции // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 101–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-101-115.

Original paper

## Sociological Diagnostics of the Image of a “hero” as an Object of Social Construction in the Ideology of Youth, during a Special Military Operation

**Anna S. Kurapova<sup>1✉</sup>, Sergey V. Kurapov<sup>2</sup>, Alexandr B. Ilchenko<sup>3</sup>**

<sup>1</sup>*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

<sup>2</sup>*K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management  
(the First Cossack University), Moscow, Russia*

<sup>3</sup>*Federal Agency for Youth Affairs, Moscow, Russia*

<sup>1✉</sup>*ann-shilyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2003-7439>*

<sup>2</sup>*sv\_ksv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3962-2850>*

<sup>3</sup>*89501376443@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8404-1487>*

**Introduction.** The article examines the application of the concept of social construction to the formation of the image of a “hero” among students and its sociodynamics during a special military operation. Conscripts and Cossack youth were taken for comparative analysis. The importance of the influence of images of “heroes” that meet certain requirements in the conditions of “hybrid war” is noted.

**Methodology and sources.** The main approaches to social construction from the position of forming the image of a “hero” are presented (A. Schutz, P. Berger, T. Lukman, G. Bloomer, K. Popper, M. Spector, J. Kitseuse, W. Lippman). The factors influencing the formation of the image of the “hero” and the procedures of social construction are described. The interrelation of the constructed image of the “hero” and the result of its functioning in the social environment is shown. The influence of mass media and social networks on the formation of the image of a “hero” is substantiated, the concept of a social construct is described: representations of youth – value choice – result. The research data of the authors of the article on the value orientations of young people are presented.

**Results and discussion.** The results of sociological diagnostics of the image of the “hero” in the dynamics of 2022–2023 are presented. This diagnosis was carried out among students in St. Petersburg and Moscow, as well as among a group of young people to whom targeted social technologies were applied (specifically, conscripts and Cossack youth).

**Conclusion.** In the second year of the special military operation, there was a transformation of the image of a ‘hero’ for all groups of young people. The students were influenced by the social construction of “soft power”. For example, changing the broadcast content on the Internet, introducing special lessons of courage and “Talking about important things”. However, the standard of the “warrior hero” remains at the level of the Great Patriotic War, which indicates insufficient historical immersion of the transmitted information, and, at the same time, insufficient actualization of modern warrior heroes. The results are somewhat

different for young people focused on the military sphere (on the example of Cossack youth). By purposeful social construction (political information, direct communication with the participants of a special military operation, studying the history of Russia, etc.), the image of the “hero” turns out to be stronger and more reliable.

**Keywords:** hero, image, social construction, student youth, conscripts, Cossack youth, value orientations, special military operation, ideology

**For citation:** Kurapova, A.S., Kurapov, S.V. and Ilchenko, A.B. (2023), “Sociological Diagnostics of the Image of a “hero” as an Object of Social Construction in the Ideology of Youth, during a Special Military Operation”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 101–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-101-115 (Russia).

**Введение.** В идеологической парадигме образ «героя» в истории российского общества прошел необычайно длительный путь, воплощаясь через литературные формы, включая миф, эпос, сказку. Многомерность и сложность социальной природы «героя» открывает широкий спектр его всевозможных интерпретаций [1] и дает возможность сформулировать определенный социологический исследовательский подход. К тому же важность понимания механизма конструирования образов, учитывая неодинаковость представлений о желаемых образцах для подражания у молодежи, формирующая разницу в ценностях, препятствует консолидации их человеческого капитала, столь необходимого в эпоху цивилизационных вызовов.

Военное время, в свою очередь, диктует необходимость выделения тенденций, конструирования идей, собирания и описания моделей возможного развития общества, где одной из задач должно стать удержание социальных представлений молодежи об «образе будущего», отвечающего приоритетам безопасности, инновационности, личных свобод, а также ее личностное и групповое самоопределение [2].

Многочисленные ценностно-идеологические исследования показывают, что отсутствие представлений о «герое» порождает кризис национально-государственной и цивилизационной идентичности и не формирует единого патриотического исторического сознания. Отсутствие стремления идентифицировать себя с определенным историческим периодом, его выдающимися представителями может привести молодежное сообщество к аномии с утратой четкой смысложизненной, мировоззренческой ориентированности [3].

Применение социального конструирования и культивация образа «героя» для формирования идеологии молодежи важны еще и по следующим соображениям:

- во-первых, создание национальных героев-победителей является одним из наиболее эффективных способов формирования нужных государству социальных установок;
- во-вторых, выделение тех или иных исторических личностей в качестве национальных героев помогает сделать выводы об усредненном образе «идеального гражданина», чертах его характера, что в свою очередь может послужить материалом для понимания ценностных и идеологических ориентаций граждан.

Важно учитывать, что эффективность механизма социального конструирования идеологии молодежи зависит от особенностей восприятия идей «героя» среди населения страны в целом. Как справедливо полагают многие исследователи, у молодежи нет так называемых «героев», но есть кумиры, образы которых транслируют Интернет, кино и телевидение. С. Ю. Белоконев и А. А. Косарева отмечают, что отечественная история, литература и соци-

альный институт семьи оказывают скорее незначительное влияние на представления об образе социально положительного персонажа [4].

Для понимания особенностей отношения к тому или иному образу «героя» сформулируем основные тренды, характеризующие изменения в ценностных ориентациях и в самом процессе социализации молодежи, по измерениям современных отечественных исследователей:

1. Снижался уровень духовно-нравственной культуры, чему способствовали трансформации института семьи в части идеологической составляющей.
2. Разрушалась сама иерархия социокультурных ценностей молодежи. Пропадал интерес к народному искусству и религии. Предпочтение скорее отдавалось течениям и направлениям современной музыки, коротким видеороликам.
3. Как образец для подражания на первый план выходил потребитель, бездуховный человек, через метафорические символы насилия и жестокости. Такую же функцию выполняли видеоигры.
4. Молодежь в большей части ориентировалась на успешных людей, способных зарабатывать и тратить баснословные суммы денег на приобретение различных материальных благ. Девиз «Один за всех и все за одного» ушел в прошлое. Теперь каждый сам по себе и каждый сам за себя [4, 5].

С началом проведения специальной военной операции, а по сути, с началом военного времени в России, перед молодежью вновь встал ценностный выбор ориентиров. Некоторые из тех, кто еще недавно являлся кумиром, уехали из страны, сделав свой ценностный выбор. Становится очевидным, что для консолидации молодежной среды как части российского общества в эпоху сложных глобальных трансформаций с учетом военного времени необходимо целенаправленное воздействие на ее ценностные ориентиры. В статье мы предлагаем рассмотреть образ «героя» и как часть идеологической системы современной российской молодежи, и как объект социального конструирования.

**Методология и источники.** Термин «социальное конструирование реальности» и научный подход, называемый социальным конструкционизмом, появились во второй половине XX в. Корни его укреплены в феноменологии (А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Дж. Дуглас), этнометодологии (Г. Гарфинкель) и символическом интеракционизме (И. Гофман, Дж. Мид, Г. Блумер) и исходят из активной роли познающего субъекта в формировании знаний о мире.

Люди определяют, интерпретируют и придают значение этому миру через свои повседневные действия и интеракции. А. Шюц определил этот процесс как то, что наши знания о мире, как обыденные, так и научные, содержат конструкции, т. е. набор абстракций, идеализаций, особенных для каждого соответствующего уровня организации мысли [6].

Индивид не рождается с готовым набором представлений о ценностях и нормах, он осваивает их постепенно, в процессе социализации, который напрямую зависит от окружающей среды, где развивается личность. В ключе этой научной мысли ценностные ориентации молодежи, формирующие толерантное отношение к определенным образам «героев-победителей», находятся под влиянием множества факторов, одним из которых становится вовлеченность в культуры и субкультуры, различные общественные движения и организации,

создавая устойчивую потребность в причастности к ним и, за счет этого, самореализацию. В этом же ключе любые просмотренные фильмы, видеоролики, прочитанные книги и статьи, прослушанные музыкальные композиции оставляют след и накладывают отпечаток на подсознание, преобразовываясь впоследствии в устойчивые ценностные ориентации [7].

Случайное взаимодействие конструируется и переходит в разряд шаблонов и образцов поведения, часто обязательных для членов общества, объективными факторами жизни. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману социальное конструирование осуществляется посредством четырех основных способов (и вместе с тем этапов). Хабитуализация (опривычивание или рутинизация) как превращение наиболее значимой реальности в повседневность, воспроизводясь через традицию, память, передаваемые знания. Затем типизация или разделение на классы через повторяющиеся образцы взаимодействий и совокупность типизаций как социальная структура. На следующем этапе происходит процесс институционализации, или социальное признание идей, смыслов, типизаций, их структуризация. И наконец, легитимация через смысловую объективацию «второго порядка» и создание новых значений для интеграции уже имеющихся [8].

Согласно К. Попперу как целью обычного инженера является конструирование машин, их совершенствование и обслуживание, целью «социального конструктора» является конструирование социальных институций и организаций, а также их совершенствование и поддержание работоспособности с учетом «пошаговой» социальной технологии. Поппер утверждал, что невозможно сконструировать институцию, полностью «защищенную от дураков» (foolproof) [9], т. е. институцию, функционирование которой не зависит от людей, несмотря на многообразие их функций; институции в лучшем случае могут лишь уменьшить неопределенность человеческого фактора, помогая в работе тем, кто стремится к целям, для которых эти институции и организационные системы были созданы и от чьей инициативы и знаний главным образом и зависит успех.

В вопросе создания образов или новых ценностей может возникать как реакция на кризис или турбулентность расшатывание сформированной ценностной парадигмы. И в этом ключе возможно несколько исходов попыток формирования нового образа, а в нашем случае – образа «героя»: старый образ «героя» в конце концов доказывает свою актуальность и остается неизменным (на примере Юрия Гагарина, который являлся образом «героя» многие десятилетия); формирование нового образа «героя» доказывает свою актуальность, однако отсутствуют реальные персонажи под него и места остаются вакантными (такой образ не оказывает должного влияния, и его использование в механизме социального конструирования затруднено); либо создаваемый образ «героя» вместе с реальным воплощением в конкретных людях доказывает свою актуальность, замещая старую конструкцию. В последнем варианте реальный «герой» и его образ, воплощаясь в конкретных качествах и свойствах «героической личности», может оказывать максимальный эффект при целенаправленном воздействии на объект(ы).

Современное социальное конструирование позволяет изменить социальную действительность на основе методов планирования, программирования, предвидения и прогнозирования, включая в себя процедуры диагностики состояния объекта воздействия и прогнозирования наиболее вероятных вариантов развития внутренней и внешней среды объекта

прогноза, а также моделирование будущего состояния объекта исследования с использованием математических, кибернетических, прогностических и других методов. Социальное конструирование может включать в себя и разработку социального проекта нового состояния исследуемого объекта, социальное планирование в соответствии с этим проектом, и реализацию самого проекта с помощью инновационных социальных технологий [10]. Под инновационными социальными технологиями в ключе социального конструирования стоит понимать все приемы и методы, направленные на изучение, актуализацию и оптимизацию инноваций, которые необходимы для производства рациональных изменений в различных сферах человеческой жизни.

Таким образом, для начала конструирования нового образа «героя» выявляется потребность в нем, исходящая из социальных проблем и связанная с недееспособностью прежних «героев». В понимании актуальности социальных проблем «социальному конструктору» стоит учитывать, как определяет Г. Блумер, вероятность «отсутствия проблемы». Это выражается в том, что, не осознавая социальной проблемы, общество не воспринимает ее, не обращается к ней, не обсуждает ее и ничего с ней не делает, что, по сути, предопределяет факт ее отсутствия. В связи с этим он предлагает рассмотреть пять стадий изначального конструирования социальной проблемы и ее эволюции. В первую очередь, это само возникновение проблемы и ее легитимация в условиях конкретного общества. Следом за осознанием проблемы в обществе идет мобилизация социальных действий его членов в отношении нее, что в итоге должно привести к формированию официального плана действий и его последующей трансформации в ходе внедрения [11].

М. Спектор и Дж. Китсьюз подвергли сомнению высокую оценку социологами объективных обстоятельств возникновения социальных проблем и теорию конструирования социальных проблем Блумера, утверждая, что следует изучать не конструирование самих обстоятельств, а то, как люди поступают в соответствии с обстоятельствами [12]. Здесь важным аспектом является особенность социальных отношений в том или ином обществе (сообществе), которое будет так или иначе реагировать на социальные проблемы и изменения в соответствии с ними.

До недавнего времени отечественные социологи хотя и проблематизировали зависимость между представлениями (и/или ценностными ориентациями) молодежи и их выбором как социальным актом, но конструкцию «ценностные ориентации (или представления) – выбор, как социальный акт – результат выбора» рассматривали лишь по ограниченному кругу социальных проблем. В настоящее время, когда российское общество находится в условиях вызовов «гибридной войны», задействование вышеуказанного целостного конструкта является важным фактором поиска возможностей для их преодоления.

У. Липпман выдвинул предположение, что наше представление о реальности часто основывается на «теньях на стенах», т. е. сообщениях в СМИ. Согласно этой точке зрения СМИ или социальные сети являются ключевым связующим звеном между событиями в мире и людьми, и они определяют, как эти события будут отражены в умах общественности [13]. Трансляции через СМИ уже даже не рассматриваются как объективное отражение реальности, а выступают в качестве своеобразного социального конструкта, в том числе с целью формирования необходимого общественного мнения.

Например, признанный «герой», несущий определенный образ, заманчиво демонстрирует молодежи свободу выбора жизни и деятельности в ней. Однако в процессе идентификации с ним его почитатель копирует его поведение, особенности общения и в итоге совершает выбор наравне с ним. Можно сделать вывод, что в отличие от мифологических архаических героев, нагружаемых функциями внутреннего смыслообразования, современные культурные и субкультурные «герои» являются в первую очередь символическими носителями внешних образцов поведения и влияют на предпочтения молодежи, ее выбор и, в конечном итоге, на результат ее жизнедеятельности.

Иногда персонажей, находящихся в фокусе общественного внимания, сложно отнести вообще к какой-либо категории. Они не являются ни художественными, ни политическими, ни научными и даже не спортивными деятелями. В английском языке для их обозначения используют фразу «Famous for Being Famous» («знаменит, потому что знаменит») [14].

В соответствии с рядом последних социологических исследований в российском обществе достаточно легко можно проследить духовно-нравственный и культурный кризис, который со временем набирает обороты. Это обусловлено многими факторами, такими как недостаточный уровень образования и в целом снижение его качества, новые общественные тенденции и идеи, получившие широкое распространение, где ярким примером является снижение значимости института семьи. На первый план у молодых людей вышла материальная сторона жизни [15], что также подтверждают некоторые социологические исследования ценностных ориентаций молодежи и эмпирические наблюдения в процессе профессиональной деятельности авторов настоящей статьи [16–18].

С одной стороны, существуют научные позиции, что современное поколение – это «поколение хайпа», стремящееся большей частью к материальным ценностям и удовольствиям, зависимое от интернет-технологий и не уважающее старших. В то же время результаты опросов показывают наличие у молодежи таких качеств, как активность, потребность в саморазвитии и самосовершенствовании, они рано задумываются о самореализации, собственном здоровье, здоровье всего мира и его будущем [19].

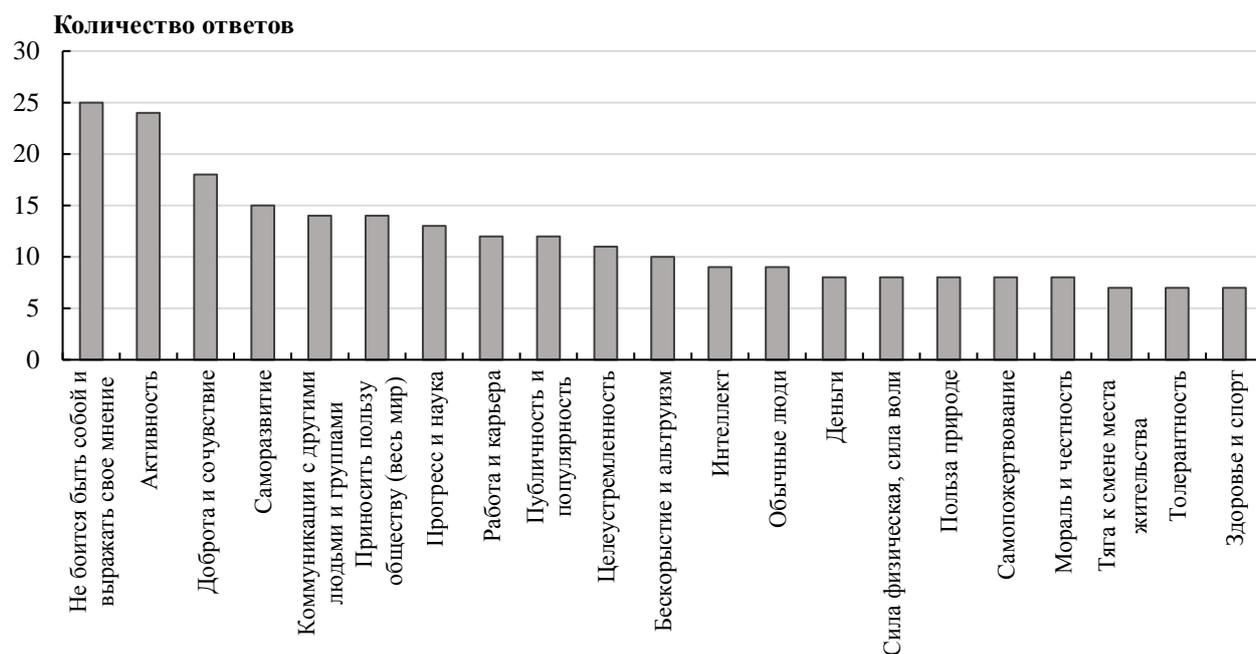
Некоторые исследователи видят корень проблемы в том, что современная молодежная политика и образовательные программы не предлагают исторически неразрывный нарратив с прошлым России, способный дать основу для глубинной исторической идентичности молодежи. Например, при трансляции молодежной политики о ценностях и смыслах патриотизма как любви к Родине конкретно не объясняется ни что называется «Родиной» (место рождения, страна Россия или собственный дом), ни что называется «любовью» (изменяемое эмоциональное субъективное оценочное отношение к тому или иному объекту). Одно из социологических исследований показало, что в лучшем случае под «родиной» подразумевается место рождения; в худшем не понимается вообще ничего [20].

Целенаправленное применение методик социального конструирования к формированию у молодежи образов «героев», необходимых настоящему периоду истории России, позволит также заложить социальные тренды на будущие периоды развития российского общества и стать драйвером преодоления современных цивилизационных вызовов.

**Результаты и обсуждение.** В качестве исследуемой группы были выбраны студенты Санкт-Петербурга (2022 г. – 102 чел.) и Москвы (2023 г. – 111 чел.), к которым практически

не применяются методы социального конструирования. В качестве групп для сравнительного анализа выбраны военнослужащие срочной службы (2022 г. – 197 чел.) и представители казачьего молодежного сообщества (2023 г. – 157 чел.), к которым в некоторой степени осознанно или стихийно применяются методы социального конструирования, направленные на формирование образов актуальных «героев».

В марте 2022 г. студентам факультета компьютерных технологий (всего 102 чел.) давалось задание написать развернутое мнение о том, как они понимают образ «героя», какими характеристиками, по их мнению, он обладает и кого они могли бы привести в пример (рисунок) [21].



Качества «героя» в представлениях студентов факультета компьютерных технологий  
Qualities of a “hero” as perceived by students of the Faculty of Computer Technologies

По результатам анализа совокупности характеристик образа «героя» для молодежи, обучающейся на факультете компьютерных технологий, можно создать его собирательный портрет. Предполагается, что такая личность должна быть активной, целеустремленной, не бояться быть самим собой и выбирать род занятий и сферу деятельности по своему желанию, не следуя за стереотипами. «Герой», по их мнению, не должен быть привязан к какой-то одной стране, он вполне может быть «гражданином мира». Материальный достаток для него не является первичным благом в иерархии ценностей, отчасти из-за осознания студентами своей востребованности: «в любом случае за свою работу я буду получать хорошие деньги, какая разница где». Спрос на IT-профессии рождает уверенность в материальном обеспечении при любом раскладе, что подтверждается результатами диагностического интервьюирования некоторых студентов. Глобалистические ценности у «героя» выходят на первые позиции. Это желание приносить пользу человечеству в целом, толерантность, забота о природе в глобальном контексте. Герой постоянно развивает себя, много работает, ведет человечество к светлому будущему. Возможно, это ученый, исследователь, предприниматель или политик. Главное, чтобы он помог человечеству стать лучше.

Конкретные примеры таких «героев» были названы незначительным количеством студентов, что свидетельствовало о некоторой вакантности места «героя» на момент исследования. Наиболее часто встречается Илон Маск (10,7 %). Для этого числа респондентов он ассоциируется с инновациями, технологическим прогрессом, экологичностью как в организации производства, бизнеса, так и в личном поведении, заботой о планете. Военных и политиков качествами «героя» не наделил никто из студентов.

В рамках проведения сравнительного анализа в качестве второй группы были выбраны солдаты, проходящие службу по призыву, прошедшие через воздействие политического информирования и воспитательной работы, организуемой в воинских частях. Образ «героя» для этой группы молодежи, исследуемой в 2022 г., показал, что важность здесь имеют качества: воля, решительность и целеустремленность, т. е. лидерские качества (38 %). Почти такие же позиции у качеств: храбрость, мужество и отвага (31 %), уважение к людям, доброта и вежливость (29–30 %). Немного меньше – честность и справедливость (21–26 %), дисциплинированность и надежность (13–20 %), эрудиция и смекалка (7–12 %). Наименее слабым качеством «героя» для солдат, проходящих службу по призыву, выступает самопожертвование (6 %). Герой может заниматься любой, неважно какой, деятельностью и принадлежать к любой профессиональной сфере (48 %), возможно, быть военнослужащим (14 %) или врачом (6 %).

Для образа «героя» в представлениях военнослужащих характерны добрые и благородные поступки, такие как помощь людям (14 %), значимые в глазах общества или «героические» поступки (12 %), спасение жизни других людей (12 %), принесение пользы стране и обществу (6 %). В качестве конкретного примера «героя» большинство отметило, что такого человека не существует или он им неизвестен (27 %). Президента России Владимира Путина в качестве эталона для подражания указывают 15 %, родных и близких людей в качестве героев – 7 %. В этой группе, как и для студентов, американский миллионер и предприниматель Илон Маск является эталоном для 11 %.

В большинстве своем военнослужащие сходятся на том, что «героя» в реальной жизни не существует, соответственно и не существует основного образца и эталона для подражания. Стоит отметить, что данный замер был сделан через полгода после начала специальной военной операции [22].

Осенью 2023 г. был произведен социологический замер студенческой молодежи первого курса МГУТУ им. К. Г. Разумовского (111 чел.). В качестве «героя» они представляют военнослужащих (24 %), однако в основном ориентируясь на периоды Великой Отечественной войны и войны в Афганистане. Родственников, воевавших против фашизма, и родственников, сохранивших семьи во времена 1990-х гг., приводят в пример 22 %. На третьем месте находятся те, кто формирует ценности у молодого поколения, – преподаватели, учителя, наставники (10 %). Политические деятели, развивающие страну и заботящиеся о ней, занимают 7 % эталонных приоритетов. Люди культуры (актеры, певцы, модельеры), являющиеся гражданами других государств, служат образцом для подражания 6 % студентов. На следующем месте – люди с ограниченными возможностями, не опустившие руки и достигшие успеха в жизни (4 %). Такое же количество респондентов отметили в качестве «героев» блогеров и зарубежных спортсменов (3 %). Всего 3 % студентов затруднились назвать своего

«героя» или сформировать его образ некоторым набором качеств. Героев – участников СВО отметил всего 1 % студентов.

Собирательный образ «героя», исходя из анализа качеств, отмеченных студентами как значимые, выглядит таким образом. «Герой» должен обладать качествами самопожертвования (16 %), помогать людям (14 %), иметь силу воли и твердый дух (12 %), самостоятельно решать проблемы, возникающие у него на пути (11 %). Ему не чужды патриотические чувства (7 %), герой может быть защитником Родины (7 %), он может «подняться из низов», умеет вести за собой, не боится ошибиться на своем пути (12 % в совокупности качеств).

Социологическое исследование образа «героя» для казачьей молодежи произведено на Всероссийском слете в 2023 г., куда приехали 157 представителей из 67 регионов России. По результатам исследования прослеживается, что «герой» для этой группы молодых людей – целеустремленный, самодостаточный, но в то же время скромный, гуманный человек, но «выделяющийся из толпы» (15 % в совокупности качеств). Примерами для подражания у представителей казачьей молодежи в большей степени служат личности из среды современного казачьего сообщества, но не военнослужащие (25 %). Почти такой же приоритет в выборе эталонов у казачьей молодежи показывают военнослужащие – участники СВО (22 %). Военные деятели и великие казаки прошлого занимают по 5 и 6 % соответственно. Из политических лидеров, заботящихся о своей стране, в качестве эталона представители этой группы выбирают Владимира Путина (5 %) и некоторых других (2 %). Политические деятели прошлого в качестве эталонов занимают 3 % из общего количества. То же место в рейтинге занимают священнослужители и родственники (по 3 %). Несмотря на актуализацию образа «героя» в сторону патриотизма, затруднились с ответом 15 % представителей казачьей молодежи.

Современный «герой» в представлениях казачьей молодежи должен обладать следующими качествами: патриотичность и харизма (по 11 %), мужественность и смелость (9 %). Герой представляется как защитник (9 %), человек, умеющий работать в команде (6 %), сильный духом (6 %), уравновешенный, терпеливый (6 %), добрый (6 %), помогающий другим (6 %), скромный (6 %), не чуждый самопожертвованию (6 %). Почти не изменилось то, что конкретных личностей «героев» называет незначительное количество молодежи.

**Заключение.** Анализ результатов представлений о «герое» показал, что если в начале специальной военной операции в 2022 г. образ «героя» для молодежи различных групп был собирательным, в реальности не существовал и в целом соответствовал их социальным ожиданиям и представлениям, то в 2023 г. произошла его заметная трансформация. Причиной тому стали ситуативное и целенаправленное социальное конструирование разной степени.

На студенческую (вчера еще школьную) молодежь оказало влияние социальное конструирование «мягкой» силы с воздействием через медиа, включая пропаганду и запрет публикаций определенной информации, введение специальных уроков мужества и «Разговоров о важном». Результаты показали, что, скорее всего, в процессе реализации этих мероприятий были актуализированы «герои» – участники Великой Отечественной войны. Данное воздействие несколько сместило вектор эталонизации с «западного мира» и качеств «глобалистского порядка» внутрь России: от толерантности к самопожертвованию (это видно даже по группе военнослужащих в 2022 г.), от полезности людям всего мира к ори-

ентации на принесение пользы своей стране и обществу. Вместо Илона Маска (в 2023 г. он почти исчез из образа «героя») – к военным фронтовикам, от блогеров – к собственным родственникам (мать, отец, братья, дедушки).

Несмотря на смещение образа «героя» в сторону России, у студенческой молодежи выбор эталона ограничивается временем Великой Отечественной войны, что может говорить о недостаточном информировании и недостаточной целенаправленной героизации участников специальной военной операции. Из результатов заметно, что у студенческой молодежи двух рассматриваемых периодов отсутствуют представления о «герое» дореволюционного периода, имперского прошлого России. Данный аспект может свидетельствовать о недостаточном отражении глубины исторической памяти и показывать, что есть недостаток в ценностном конструкте, в части принадлежности к длительной и великой истории России.

Другому типу социального конструирования, назовем его целенаправленным, подверглась молодежь, ориентированная на военную сферу (военнослужащие и казачья молодежь). Из результатов исследования просматривается, что через активную пропаганду, непосредственное общение с участниками специальной военной операции, активное изучение истории России и подвигов предков (в том числе имперского периода – Суворов, Кутузов, Платов и пр.) из лидера-индивидуалиста «герой» трансформировался в «командного игрока», склонного к самопожертвованию. «Герой» становится тверже, сильнее, надежнее. Отметим, что для казачьей молодежи связь с дореволюционным периодом гораздо сильнее, что может говорить о большом влиянии традиционности самого казачьего сообщества.

Из анализа результатов четырех групп молодежи разных периодов отчетливо прослеживается отсутствие единой системы социального конструирования идеологии. Существующие подходы и попытки конструирования идеологии за время проведения СВО были обобщены нами по двум направлениям – «мягкой силы» и «целенаправленное». В обоих направлениях видны некоторые преимущества и изъяны. Рассматривая социальное конструирование как систему, включающую стратегический, тактический и оперативный уровни, следует отметить необходимость объединения двух вышеназванных направлений и включения их в единую систему социального конструирования. Чем раньше это произойдет, с тем менее высокой вероятностью наша молодежь подвергнется влиянию ситуативного социального конструирования или деструктивного, навязывающего чуждые русскому культурному коду ценности.

Создание единой трех- или многоуровневой системы социального конструирования – вопрос дальнейшего мультипарадигмального дискурса, однако исследование показало, что некоторые действия необходимо совершить прямо сейчас, чтобы не потерять позиции в «гибридной войне» за умы и сердца нашего молодого поколения.

В этом смысле действенным может получиться транслирование более глубокого исторического аспекта дальних периодов истории России, непосредственный контакт с участниками специальной военной операции, передача их жизненного и боевого опыта, защита информационного поля от вредоносных материалов, транслирующих ценности «коллективного запада», популяризация научно-интеллектуальной деятельности, актуализация трансляции результатов достижений путем трудовых, предпринимательских усилий и таланта.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколова Б. Ю. Понятие «герой»: проблемы интерпретаций // Вестн. культурологии. 2021. № 3 (98). С. 9–28. DOI: 10.31249/hoc/2021.03.01.
2. Щербина А. В. Актуальные задачи социологической диагностики (на примере «Очерков военного времени» К. Манхейма) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 53–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-53-68.
3. Шестаков Ю. А. Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности России // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 2. С. 399–407. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-399-407.
4. Белоконев С. Ю., Косарева А. А. Политико-психологические особенности формирования национально-государственной идентичности у молодежи: историографический обзор // Гуманитарные науки. Вестн. Финансового ун-та. 2022. Т. 12, № 5. С. 23–30. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-23-30.
5. Воспитание молодежи в эпоху глобализации: психологические особенности / Н. В. Боква, Н. Н. Симонович, Д. Н. Багрецов, Г. Н. Симонович // Аграрное образование и наука. 2017. № 3. URL: [http://aon.urgau.ru/images/2017/03/04\\_03\\_2017.pdf](http://aon.urgau.ru/images/2017/03/04_03_2017.pdf) (дата обращения: 19.03.2023).
6. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаева, С. В. Ромашко, Н. М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.
7. Репникова К. А. Ценности современной молодежи в условиях нестабильности внешней среды // Контентус. 2021. № 2. С. 30–38. DOI: 10.24411/2658-6932-2021-10132.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. / пер. с англ. В. Н. Садовского. М.: Феникс, 1992.
10. Философия: социальная инженерия: Методические указания к самостоятельной работе / сост. М. И. Микешин. СПб.: Горный ун-т, 2015.
11. Blumer H. Social Problems as Collective Behavior // Social problems. 1971. Vol. 18, iss. 3. P. 298–306. DOI: <https://doi.org/10.2307/799797>.
12. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем / пер. с англ. И. Г. Ясавеева // Контексты современности – II. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 160–163.
13. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004.
14. Таскаева А. В., Питина С. А. Трансформация образа героя в медийном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 7. С. 2215–2220. DOI: 10.30853/phil210340.
15. Вайднер Е. В., Ашивкина Е. А. Составляющие системы ценностей современной молодежи // Наука и образование. 2022. Т. 5, № 2: 94.
16. Курапов С. В. Идентификационные ориентации кадетов в казачьих кадетских корпусах: результаты сетевого измерения и некоторые выводы относительно человеческого капитала // Человеческий капитал в фокусе современного социологического дискурса. СПб.: Медиапиар, 2020. С. 146–168.
17. Курапов С. В., Шиляева А. С. Влияние медиакультуры на ценности молодежного предпринимательства // Медиа в современном мире. Молодые исследователи: мат. XX междунар. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, СПб., 11–12 марта 2021 г. / СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2021. С. 240–242.
18. Шиляева А. С., Курапов С. В. Диагностика социального капитала студенческой молодежи, предпосылки к совершенствованию преподавательской деятельности (на примере студентов-вечерников технического факультета) // Информация – Коммуникация – Общество:

XIX Всерос. научн. конф. с междунар. уч. СПб., 2–3 февраля 2022 г. / СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2022. С. 356–359.

19. Исследование ценностей и жизненных предпочтений современной молодежи в России / И. И. Косинова, Ю. М. Гришаева, М. Н. Вовченко и др. // Вестн. РМАТ. 2022. № 2. С. 21–28.

20. Попков В. Д., Попкова Е. А. В поисках ориентиров культурной памяти. Историческая политика, образовательные программы и идентичность молодежи // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 141–153. DOI: 10.17223/1998863X/65/14.

21. Курапов С. В., Шиляева А. С. «Герой нашего времени» глазами молодежи, ориентированными на IT-сферу // Патриотизм в российском обществе: мат. Всерос. конф. СПб., 15 апреля 2022 г. / СПб.: СПб ГБУ «Дзержинец», 2022. С. 74–78.

22. Курапова А. С., Курапов С. В., Сергеев М. Н. Условия социализации военнослужащих в период прохождения военной службы по призыву (на примере диагностики ценностных ориентаций военнослужащих срочников) // Информация – Коммуникация – Общество: XIX Всерос. научн. конф. с междунар. уч. СПб., 2–3 февраля 2023 г. / СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2023. С. 187–192.

### **Информация об авторах.**

**Курапова Анна Сергеевна** – кандидат социологических наук (2018), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 37 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология казачества.

**Курапов Сергей Владимирович** – кандидат социологических наук (2021), доцент кафедры культуры казачества Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ), ул. Земляной Вал, д. 73, Москва, 109004, Россия. Автор 26 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология казачества.

**Ильченко Александр Борисович** – помощник руководителя Федерального агентства по делам молодежи, Большой Трехсвятительский пер., д. 2/1, стр. 2, Москва, 109028, Россия. Сфера научных интересов: социология молодежи, этносоциология, социология казачества, социология межнациональных отношений.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.*

*Поступила 17.09.2023; принята после рецензирования 20.10.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

### **REFERENCES**

1. Sokolova, V.Yu. (2021), "The "hero" concept: the problems of interpretation", *Herald of Culturology*, no. 3 (98), pp. 9–28. DOI: 10.31249/hoc/2021.03.01.

2. Shcherbina, A.V. (2023), "Actual Tasks of Sociological Diagnostics (on the Example of "Wartime Essays" by K. Manheim)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 53–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-53-68.

3. Shestakov, Yu.A. (2022), "Historical consciousness of Russian youth in the context of ensuring national security of Russia", *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, vol. 47, no. 2, pp. 399–407. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-399-407.

4. Belokonev, S.Yu. and Kosareva, A.A. (2022), "Political and Psychological Features of Formation of National-State Identity among Young People: Historical Review", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial Univ.*, vol. 12, no. 5, pp. 23–30. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-5-23-30.

5. Bokova, N.V., Simonovich, N.N., Bagretsov, D.N. and Simonovich, G.N. (2017), "The education of youth in the era of globalization: psychological characteristics", *Agrarian education and science*, no. 3, available at: [http://aon.urgau.ru/images/2017/03/04\\_03\\_2017.pdf](http://aon.urgau.ru/images/2017/03/04_03_2017.pdf) (accessed 19.03.2023).

6. Schutz, A. (2004), *Izbrannoe. Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected: A world glowing with meaning], Trans. by Nikolaev, V.G., Romashko, S.V. and Smirnova, N.M., ROSSPEN, Moscow, RUS.
7. Repnikova, K.A. (2021), "The values of modern youth in conditions instability of the external environment", *Contentus*, no. 2, pp. 30–38. DOI: 10.24411/2658-6932-2021-10132.
8. Berger, P.L. and Luckmann, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E.D., Medium, Moscow, RUS.
9. Popper, K. (1992), *The open society and its enemies*, in 2 vol., Transl. by Sadovskii, V.N., Phenix, Moscow, RUS.
10. *Filosofiya: sotsial'naya inzheneriya: Metodicheskie ukazaniya k samostoyatel'noi rabote* [Philosophy: social engineering: Guidelines for independent work] (2015), comp. Mikeschin, M.I., Saint Petersburg Mining Univ., SPb., RUS.
11. Blumer, H. (1971), "Social Problems as Collective Behavior", *Social problems*, vol. 18, iss. 3, pp. 298–306. DOI: <https://doi.org/10.2307/799797>.
12. Spector, M. and Kitsuse, J.I. (2001), "Constructing Social Problems", Transl. by Yasaveev, I.G., *Contexts of modernity – II*, Kazan Univ. Press, Kazan, RUS, pp. 160–163.
13. Lippman, W. (2004), *Public Opinion*, Transl. by Barchunova, T.V., Institut fonda "Obshchestvennoe mnenie", Moscow, RUS.
14. Taskaeva, A.V. and Pitina, S.A. (2021), "Hero's image transformation in media discourse", *Philology. Theory & Practice*, vol. 14, no. 7, pp. 2215–2220. DOI: 10.30853/phil210340.
15. Weidner, E.V. and Ashivkina, E.A. (2022), "The value system of modern youth", *Nauka i obrazovanie* [Science and education], vol. 5, no. 2: 94.
16. Kurapov, S.V. (2020), "Identification orientations of cadets in the Kazakh cadet corps: results of network measurement and some conclusions regarding human capital", *Chelovecheskii kapital v fokuse sovremennogo sotsiologicheskogo diskursa* [Human capital in the focus of modern sociological discourse], SPb., Mediapiar, RUS, pp. 146–168.
17. Kurapov, S.V. and Shilyaeva, A.S. (2021), "The influence of media culture on the values of youth entrepreneurship", *Media v sovremennom mire. Molodye issledovateli* [Media in the modern world. Young Researchers], *XX International Conference students, undergraduates and graduate students*, St Petersburg, RUS, March 11–12 2021, pp. 240–242.
18. Shilyaeva, A.S. and Kurapov, S.V. (2022), "Diagnostics of social capital of student youth. Prerequisites for improvement of teaching activities (by the example of students party days of technical faculty)", *Information – Communication – Society*, St Petersburg, RUS, Feb. 2–3 2022, pp. 356–359.
19. Kosinova, I.I., Grishaeva, Yu.M., Vovchenko, M.N., Alymova, O.V. and Evstafyeva, N.S. (2022), "Research of values and life preferences of modern youth in Russia", *Vestnik RIAT*, no. 2, pp. 21–28.
20. Popkov, V.D. and Popkova, E.A. (2022), "In search of cultural memory landmarks. Historical policies, educational programs, and youth identity", *Tomsk State Univ. J. of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 65, pp. 141–153. DOI: 10.17223/1998863X/65/14.
21. Kurapov, S.V. and Shilyaeva, A.S. (2022), "'Hero of our time" through the eyes of youth, oriented to the IT sphere", *Patriotizm v rossiiskom obshchestve* [Patriotism in Russian society], SPb., RUS, April 15 2022, pp. 74–78.
22. Kurapova, A.S., Kurapov, S.V., and Sergeev, M.N. (2023), "Conditions of socialization of military personnel during military service on conscription (on the example of sociological diagnostics of value orientations of conscripts)", *Information – Communication – Society*, SPb., RUS, Feb. 2–3 2023, pp. 187–192.

### **Information about the authors.**

**Anna S. Kurapova** – Can. Sci. (Sociology, 2018), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 37 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of the Cossacks.

**Sergey V. Kurapov** – Can. Sci. (Sociology, 2021), Associate Professor at the Department of Culture of the Cossacks, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), 73 Zemlyanoy Val str., Moscow, 109004, Russia. The author of 26 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of the Cossacks.

**Alexandr B. Ilchenko** – Assistant to the Head of the Federal Agency for Youth Affairs, 2/1, bldg. 2 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow 109028, Russia. Area of expertise: sociology of youth, ethnosociology, sociology of Cossacks, sociology of interethnic relations.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 17.09.2023; adopted after review 20.10.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 81.27  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-116-127>

## Прагмасемантический анализ антивоенных высказываний (на материале дискурса общественного мнения весной 2022 г. в России)

**Оксана Викторовна Дрейфельд**

*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,  
filoxenia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>*

**Введение.** Основной задачей данной статьи является анализ персонального антивоенного протестного дискурса в аспекте выявления характерных речевых тактик и определения их прагматических функций. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в выявлении, описании и классификации типов сообщений, характерных для антивоенных протестных высказываний в рамках «дискурса общественного мнения».

**Методология и источники.** Проводится контент-анализ и комплексный прагмасемантический анализ 455 высказываний, полученных методом сплошной выборки в Телеграм-канале «ОВД-Инфо» в период с 24.02.2022 по 31.05.2022 г. и из источников, указанных в открытой базе данных «Иллюстративный материал».

**Результаты и обсуждение.** Антивоенный дискурс – тематическая разновидность политического дискурса, которая формируется в процессе публичного выражения критики или несогласия (демонстрации протеста) по отношению к военным действиям как способу решения геополитического конфликта и/или по отношению к конкретному военному событию, а также к политическим решениям, приводящим к военным действиям; содержит специфический лингвосемиотический код, который включает в качестве обязательной составляющей концепты *война* и *мир*; реализуется в определенном социальном и историческом экстралингвистическом контексте. Все высказывания были разделены на «прямые» и «скрытые», согласно намерению коммуниканта выразить антивоенный протест в определенной форме. Хотя «прямые» высказывания преобладали, в статье показано, что они включали ряд высказываний с «замаскированным» авторством (высказывание в виде цитаты). Также была обнаружена важная роль речевых тактик (таких, как графическая эвфемизация, семиотическая эвфемизация, аббревиация, нейтрализация), существенно преобразующих текст и характерных для «скрытых» сообщений. Они реализуют сложный спектр намерений говорящего, маскируя их и выявляя одновременно.

**Заключение.** Можно констатировать не только различия так называемых прямых и скрытых сообщений, но и их сходства, заключающиеся в том, что для части аудитории разница нивелировалась условиями социальной коммуникации: любое высказывание оценивалось как «антивоенное», независимо от его формы и содержания.

© Дрейфельд О. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



**Ключевые слова:** политический дискурс, концепт *война*, эвфемизм, умолчание, молчание, лозунг протестный, самоцензура

**Для цитирования:** Дрейфельд О. В. Прагмасемантический анализ антивоенных высказываний (на материале дискурса общественного мнения весной 2022 г. в России) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 116–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-116-127.

Original paper

## Pragmatic and Semantic Analysis of Anti-War Protest Utterances (on the Data of Public Opinion Discourse in the Spring of 2022 in Russia)

*Oksana V. Dreifeld*

*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia,  
filoxenia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>*

**Introduction.** The main objective of article is analysis the personal anti-war utterances on protest posters to determine their pragmatic functions in the discourse of public opinion. The theoretical and practical significance of article is identification, description and classification types of personal speech tactics of anti-war protest discourse based on material of verbalized statements at solitary pickets in the spring of 2022 in Russia.

**Methodology and sources.** A content analysis, pragmatic and semantic analysis of 455 utterances are carried out, utterances are obtained by continuous sampling method in the Telegram channel "OVD-Info" in the period from 02.24.2022 to 05.31.2022 and from the opened media sources indicated in the open database "Illustrative Material".

**Results and discussion.** Anti-war discourse as thematic variety of political discourse is formed in the process of public expression of criticism or disagreement in relation to military actions as way of resolving a geopolitical conflict and /or in relation to a specific military event, as well as in relation to political decisions leading to military actions. Anti-war discourse contains a specific semiotic code, which includes concepts "peace" and "war" as an obligatory component. And anti-war discourse is realized in a certain social and historical extralinguistic context. We checked up the important role of speech tactics which significantly transform the text of anti-war utterance, such as graphic euphemization, semiotic euphemization, abbreviation, neutralization. They implement a complex spectrum of speaker`s intentions, masking and revealing it the same time.

**Conclusion.** We have found not only differences in "direct" and "hidden" messages, but their similarities, consisting in the fact that for a part of the audience in the spring of 2022 in Russia the difference was leveled by the conditions of social communication: any statement in the public space was assessed as 'anti-war' regardless of its form and content.

**Keywords:** political discourse, concept war, euphemization, paralipsis, self-censorship, speech tactics, anti-war protest slogan

**For citation:** Dreifeld, O.V. (2023), "Pragmatic and Semantic Analysis of Anti-War Protest Utterances (on the Data of Public Opinion Discourse in the Spring of 2022 in Russia)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 116–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-116-127 (Russia).

**Введение.** Одной из актуальных проблем изучения «антивоенного дискурса» в настоящий момент является проблема его определения как понятия частной теории дискурса. Следуя классической теории Т. А. ван Дейка, сделаем отправной точкой определения характе-

ристику антивоенного дискурса как коммуникативного события, которое реализуется в прагматическом контексте [1, с. 121–122]. Это позволяет нам определить антивоенный дискурс как тематическую разновидность политического дискурса, которая: 1) формируется в процессе публичного выражения критики или несогласия (демонстрации протеста) по отношению к военным действиям как способу решения геополитического конфликта и/или по отношению к конкретному военному событию, а также к политическим решениям, приводящим к военным действиям; 2) содержит специфический лингвосемиотический код, который включает в качестве обязательной составляющей концепты *война* и *мир*; 3) реализуется в определенном социальном и историческом экстралингвистическом контексте.

Сложность определения персонального антивоенного дискурса состоит в том, что он формируется как область контакта разных дискурсов в зависимости от формы и способа его реализации, от типа социальной активности в момент реализации (политическая коммуникация, медиакоммуникация, виртуальная, бытовая, юридическая и др.). Оценка субъектности адресанта антивоенного высказывания, принятая в современной политической лингвистике, позволяет отнести персональные антивоенные высказывания к «дискурсу общественного мнения» [2, с. 135–136].

Учитывая сказанное, сформулируем следующее рабочее определение: антивоенный персональный протестный дискурс – это обусловленная экстралингвистическими факторами и персональными особенностями коммуникантов форма использования языка в процессе публичного выражения критики или несогласия по отношению к концепту военных действий как способу решения геополитических конфликтов, к конкретным боевым действиям, локальным или глобальным военным конфликтам, а также по отношению к политическим решениям, приводящим к военным действиям. В отличие от институционального антивоенного дискурса, высказывания, формирующие антивоенный персональный протестный дискурс, обусловлены личной позицией адресанта или ситуативно объединенных в процессе высказывания (подписания антивоенной петиции, публикации антивоенного обращения и т. п.) коммуникантов.

Основной задачей данной статьи станет анализ неинституционального антивоенного протестного дискурса, возникшего в России весной 2022 г. и реализованного в вербализованных высказываниях на так называемых одиночных пикетах, в аспекте выявления характерных речевых тактик и определения их прагматических функций.

Одиночный пикет – одна из форм гражданского акционизма, которая предполагает персональную демонстрацию оформленного речевого высказывания в публичном пространстве.

Для антивоенного протестного высказывания, производимого на одиночном пикете, характерен широкий экстралингвистический контекст: у адресанта одиночного пикета всегда есть физический носитель высказывания (например, плакат с текстом, который может включать не только вербальные, но и невербальные знаковые элементы; также высказывание может быть текстом, включающим в себя разные виды знаков); такое высказывание производится в публичном пространстве (где зачастую имеет значение и само пространство как знак); есть ситуация (взаимодействие людей – участников общения и предметов); предыдущий и последующий со-тексты (как правило, устные) участвуют как элементы того же дискурса в речевой ситуации, а также есть интертекст (например, события, связанные с дан-

ным высказыванием, и их речевое оформление непосредственно влияют на восприятие антивоенного протестного высказывания, производимого на одиночном пикете). Все это предполагает необходимость дополнительного обзора экстралингвистических аспектов, влияющих на смысл и функции таких высказываний, а также основных характерных параметров (типичных моделей речевого высказывания, жанров, тезауруса прецедентных высказываний, концептов) антивоенного протестного дискурса.

Обзор экстралингвистического контекста показывает, что антивоенная коммуникация стала актуальной в России весной 2022 г. Тогда же на законодательном уровне была принята статья 20.3.3. КОАП, регулирующая высказывания, производимые в публичном пространстве и относящиеся к действиям вооруженных сил РФ. К базовым концептам антивоенного протестного дискурса относятся *война* и *мир*. Поскольку наибольшую частотность в речевых актах антивоенного протестного дискурса имеет речевой акт *Нет войне!*, возникла ситуация, которая являлась коммуникативным вызовом для всех участников антивоенной коммуникации.

Персуазивное высказывание *Нет войне!* для адресанта подразумевает не просто отрицание «войны», но самим произнесением или написанием реализует интенцию виртуальной остановки, прекращения, аннигиляции этого события. *Нет войне!* относится к политическим перформативам – речевым актам, само осуществление которых является политическим действием с широким интерпретационным спектром, который включает в себя: 1) перформатив выражения недоверия по отношению к военному способу решения конфликта; 2) неподдержания военных действий и поддержания стороны, страдающей от военных действий; 3) перформатив требования остановить военные действия; 4) эмотивный перформатив неприятия, возмущения военными действиями.

Ядро семантического поля концепта *война* в протестном антивоенном дискурсе составляет оппозиция «война – мир», а также синонимия с лексемами, включающими семы «агрессия» («(...) Украина прости за агрессию» (здесь и далее орфография и пунктуация авторов – О. Д.)), «социальное явление» («Это ~~война~~ на ваши налоги, а на лечение детей собираем смсками»), «преступление» («Война с Украиной – позор и преступление»), «плохая привычка» («Не привыкайте к войне»), «смерть»/«похороны» («Россияне, хотите похоронить сына за 7 миллионов?»), «болезнь» («Остановите это безумие!»)<sup>1</sup>.

Можно видеть, что отдельную группу в антивоенном протестном дискурсе весной 2022 г. составляли высказывания, чья коммуникативная цель была обозначить тождественность события сигнификату (концепту *война*) и знаку (слову *война*): «2+2=4/Спецоперация=ВОЙНА»); «Война это НЕ мир»/«Свобода это НЕ рабство»/«Незнание это НЕ сила»).

Одной из основных проблем адресантов при оформлении их публичных антивоенных высказываний весной 2022 г. стал запрет на использование слова *война* и следующие за таким использованием правовые последствия. Это привело к формированию альтернативных способов представленности концепта *война* в вербальных (слова, словосочетания, устойчивые фразы, прецедентные высказывания, афоризмы), невербальных (символичес-

<sup>1</sup>Здесь и далее цитируется по: Дрейфельд О. В. Иллюстративный материал. URL: <https://drive.google.com/file/d/11aOSo6CU-QKy6YAхОНТDwm9Ic6o7Bsp2/view?usp=sharing> (дата обращения: 05.05.2023) [3].

кие предметы, символические действия, символические пространства) и смешанных высказываниях.

Альтернативные способы представленности концепта *война* встречаются в словесно оформленных высказываниях через использование: 1) контекстуального синонима: «Украина прости за агрессию»; 2) антонима: «Я за мир»; 3) эвфемизма: «Россияне, хотите похоронить сына за 7 миллионов?» и др.

Намерение адресанта выразить прагматическое значение (выступить в публичном пространстве «против войны» или «за мир»), не используя авторский вербальный текст, включающий лексемы *война* или *мир*, оформляется также с помощью предметов, представляющих самостоятельный текст, функционирующий вне политического антивоенного протестного дискурса, и содержащих в себе лексемы *война* и *мир* или их полные либо частичные омографы. Такими высказываниями стали акции, в которых использовались в качестве текста высказывания: 1) обложка книги Л. Толстого «Война и мир» (адресанты держали книги в руках вместо письменного плаката); 2) упаковка колбасы, произведенной компанией «Мираторг»; 3) банковская карта «МИР»; 4) изображение гроба, венка, траурной ленты, медальона в стилистике портрета на кладбищенском памятнике (опосредованно отсылающих к концепту *война* через концепт *смерть*). Согласование между планом выражения и планом содержания в таких высказываниях осуществлялось благодаря контексту высказывания, производимого в публичном пространстве, а также благодаря интертексту (предшествующим событиям в политической и социальной сфере), реакцией на которые стали эти высказывания.

Использование концептов *война* и *мир* и заменяющих их знаков в высказываниях участников уличного протеста концентрируется вокруг политического события (военных действий) как денотата и образует определенный «сверхтекст», характеризующийся общностью содержания и модальностей и множеством форм «непрямого говорения», которые подлежат анализу.

**Методология и источники.** Материалы включают в себя антивоенные вербальные высказывания в письменной форме, зафиксированные информационными онлайн-ресурсами и интернет-СМИ на так называемых одиночных пикетах в период с 24.02.2022 по 31.05.2022 г. (455 высказываний). Мы использовали контент-анализ, а также сравнительно-сопоставительный анализ высказываний, что позволило увидеть их принадлежность к следующим группам: 1) «прямые» вербальные высказывания, включающие слово *война*; 2) вербальные высказывания без слова *война*; 3) вербальные высказывания, использующие код или замещающие знаки; 4) плакаты без высказываний или имеющие пропуски элементов высказывания («нулевой знак» [4]); 5) вербальные высказывания, содержащие цитаты, которые включают или не включают слово *война*; 6) демонстрация предмета, содержащего надпись *война* или *мир*, а также их полные или частичные омографы. Наибольшее количество составили «прямые» вербальные антивоенные высказывания, размещенные на плакате или личных вещах (370), использование цитат в качестве высказываний и высказываний без слова *война* – вторая по величине группа (68). Наименьшую группу составили высказывания, реализующие «непрямые» формы антивоенного протеста: использующие замещающие знаки для антивоенного вербального высказывания или минус-прием – умолчание на месте знака;

создающие высказывание из знаковых элементов других семиотических систем, отсылающих к концептам *война* и *мир*; включающие антивоенное высказывание в креолизованный текст или перформанс (17) (см. табл. 1).

*Таблица 1.* Количество и содержание антивоенных высказываний, произведенных на одиночных пикетах в период с 24.02.2022 по 31.05.2022 г. в РФ  
*Table 1.* Amount and content of anti-war protest public utterances was fixed in Russia over the period from 02.24.2022 to the 05.31.2022

Тип высказывания	Пример	Количество высказываний	% от общего числа высказываний
«Прямое» вербальное антивоенное высказывание на плакате	«Нет войне!», «Х..й войне», «Ничто не оправдывает войны», «Нормальные люди против войны»	318	69,9
Антивоенное вербальное высказывание без слова «война» на плакате	«Украина прости за агрессию»	62	13,6
«Прямое» вербальное высказывание, размещенное на одежде, сумке, самокате, теле, лице и т. п.	«Нет войне»	52	11,4
Вербальное антивоенное высказывание на плакате, использующее код или включающее невербальные знаки	«*** *****» «ДВА СЛОВА»	6	1,3
«Нулевой знак» (присутствие с пустым листом бумаги в публичном месте или значимое отсутствие знака в высказывании)	«_____ . Труд. Май»	3	0,7
Вербальное высказывание, состоящее из цитаты	«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5:7)	6	1,3
«Готовое высказывание» (надпись на объекте), включающее полные или частичные омографы слов «война» и «мир»	Демонстрация банковской карты «МИР»	4	0,9
Вербальное высказывание как составная часть перформанса	«Молчать!!! Нельзя!!!/НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ»	4	0,9

Отправной точкой для дальнейшей классификации стала социологическая теория Джеймса Скотта, который при описании обыденной коммуникации господствующих и подчиненных страт общества разделяет типы их коммуникации на «публичные сообщения» (public transcripts) и «скрытые сообщения» (hidden transcripts) [5]. Значимость классификации Скотта состоит в том, что разнообразные речевые тактики антивоенных высказываний можно обобщить с точки зрения того, как организована социальная коммуникация, и объяснить причины использования этих тактик.

Уточняя классификацию Скотта с поправкой на экстраординарный повод коммуникации власти и граждан в период с 24.02.2022 до мая 2022 г. в РФ, можно применить обе категории для разделения протестных антивоенных высказываний на группы. «Публичные сообщения» дают прямую оценку явлениям реальности с точки зрения говорящего; стремятся к ясности, однозначности трактовки, однозначному утверждению предлагаемой интерпретации, говорящий чувствует правоту собственной позиции. «Скрытое сообщение» –

это «оружие слабых», по Скотту, поэтому оно использует «маскировку» высказывания. Особенность применения концепта «скрытые сообщения» для рассматриваемого материала состоит, на наш взгляд, в том, что они вынесены в публичное пространство в случае совершения персонального антивоенного протестного высказывания. Такой случай у Скотта описывается как нарушение границ стабильной ситуации баланса между «господствующими» и «подвластными»: «сокрытые» высказывания выходят из пространства «субкультуры» и вторгаются в пространство «культуры». Необычность изучаемого в данной статье материала высказываний протестного антивоенного дискурса состоит в том, что «прямое высказывание» формируется адресантами, относящимися не к сфере «политики» и «власти», а к сфере «гражданского общества». В протестном антивоенном дискурсе весны 2022 г. в РФ фиксируется присутствие как «public transcripts», которые Скотт считает характерными для «власти», так и «hidden transcripts», которые он атрибутирует подчиненному власти обществу.

Поскольку описанные выше экстралингвистические факторы формируют контекст, влияющий на способ выражения коммуникативного замысла, к материалу был применен комплексный прагмасемантический анализ, семиотический анализ, критический дискурс-анализ, метод классификации.

**Результаты и обсуждение.** Антивоенный протестный дискурс является тематической разновидностью политического дискурса [6], однако антивоенный протестный персональный дискурс относится к той стороне политической коммуникации, которая формирует «дискурс общественного мнения». Антивоенный протестный персональный дискурс выделяет некоторые характеристики политического дискурса как более значимые: обращение к массовому адресату, сочетание коннотативного и информирующего компонентов высказывания, эвфемизацию, злободневность.

В набор речевых жанров, характерных для антивоенной протестной коммуникации, входит «лозунг» («Нет войне!», «Миру мир»), а также «проповедь» афористического типа («б-я заповедь: не убий»), что связано с намерением перевести антивоенное высказывание в регистр обсуждения общечеловеческих моральных ценностей, а не политической критики. Эти жанры соответствуют стратегии «прямого послания» по Джеймсу Скотту: они содержат однозначные утверждения и трактовки, дают однозначную оценку ситуации, которую называют или описывают. В то же время изменение условий коммуникации привело к изменению формы и усложнило прагматику «прямых» антивоенных высказываний: некоторые адресанты антивоенных протестных пикетов использовали цитаты из классиков, из речей авторитетных политиков современности и сакральных текстов («Война принесла столько горя, что забыть это невозможно. Нет прощения тем, кто вновь замышляет преступные планы. В. Путин», «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» и др.). Хотя такие высказывания остаются «прямыми», они должны перемещать адресанта в зону юридической безопасности как воспроизводящие (цитирующие) чужой авторский текст, апеллирующие к «чужому» авторитетному слову. Можно также отметить случаи, когда адресанты антивоенных протестных высказываний использовали семантическую неопределенность, порождающую многозначность интерпретаций, оставаясь в рамках «прямой» стратегии высказывания (перформер Аста Коврова с высказываем «Нет» от 22.03.2022 г.).

«Сокрытые послания» используют другую коммуникативную стратегию: они маскируют намерение говорящего. С точки зрения семиотики эти высказывания можно разделить на *вербальные* («Нет», «ДВА СЛОВА»), *невербальные* (нахождение в публичном пространстве с белой розой и книгой, раздача книг Оруэлла «1984») и *смешанные* («2+2=4/ВОЙНА=СПЕЦ-ОПЕРАЦИЯ», демонстрация книги Л. Толстого «Война и мир» у стелы городу-герою Киеву в Москве, плакаты с текстом и пиктограммами или изображениями).

Анализ показал, что вербальные высказывания в «сокрытых посланиях» подвергаются преобразованию в рамках общего коммуникативного намерения «непрямого говорения»: не выражать некоторые элементы высказывания вербально или заменять их на другие знаки [7]. Предлагаем разделить стратегии преобразования вербальных высказываний на «молчание» и «умолчание». Их необходимость была вызвана, по-видимому, не только экстралингвистическими причинами (запрет на употребление лексемы *война*, самоцензура); необходимость этих форм в некоторых случаях обусловлена также игрой с реципиентом, иронической интенцией адресанта, который устанавливает контакт с близкими по духу реципиентами [8]. Еще одно коммуникативное намерение адресанта в антивоенном протестном высказывании может быть связано с демонстрацией наличия цензуры через молчание или умолчание.

Для них характерны следующие приемы.

Молчание как форма коммуникации – это наиболее радикальная форма непрямого говорения, в случае письменной формы высказывания это использование плаката без лозунга, демонстрация пустого листа бумаги. Высказывание в форме «молчания» парадоксально, поскольку отрицает высказывание и реализует его одновременно. Мета-высказыванием в антивоенном протестном дискурсе, осмысляющим появление такой стратегии высказывания, можно считать перформанс, в котором в качестве элемента смешанного текста высказывания использовался вербальный компонент, включающий эмотивы в виде дополнительных пунктуационных знаков и прописных букв, вместе с хиазмом и повтором в качестве основных приемов: «Молчать!!! Нельзя!!!/МОЛЧАТЬ НЕЛЬЗЯ», перформативный компонент был представлен демонстрацией действия, произведенного перформером – девушкой, которая зашила свой рот хирургическим швом [9].

Другой важной формой непрямого говорения является «умолчание», оно использует недоговаривание, пропуск информации, замены компонентов (кодирование), что нарушает согласование между планом выражения и планом значения, и в то же время активизирует эту связь, поскольку затрудненное восприятие вызывает большую интерпретационную активность реципиента-адресата [10]. Основные приемы реализации умолчания – это эвфемизация («Украина, прости, нам так стыдно») и дисфемизация [11] («Дед, прими таблетки», «РОЖАЙ САМ»).

Эвфемизация и дисфемизация осуществляют широкий круг замен в рассмотренном материале:

1) графическая эвфемизация (полная замена знаков в высказывании типографскими знаками «астериск»: «\*\*\* \*\*\*\*\*»/«нет в\*\*\*е» или замена слова в высказывании на написание с литуративом – зачеркиванием: «эта ~~война~~ на ваши налоги, а на лечение детей собираем смсками»). Графическая эвфемизация отражает двоякое возможное коммуникатив-

ное намерение: демонстрирует неготовность/невозможность использовать прямую номинацию, возможную эмоциональную аффектацию, вытекающую из этого; в то же время возможный пассивный протест против законодательных запретов на использование слова *война* и возможное возмущение этим вместе с активным протестом против информационного повода (события);

2) семиотическая эвфемизация (полная замена знаков высказывания знаками другой семиотической системы или языка: «3+5», «»); последний пример заменяет слова графическим изображением балерин, отсылающим к двум прецедентным текстам: балету «Лебединое озеро», который демонстрировался на телевидении в позднюю советскую эпоху в случае смерти генерального секретаря ЦК КПСС, и лозунгом *Нет войне!* Семиотическая эвфемизация отражает спектр возможных коммуникативных намерений: демонстрирует неготовность/невозможность использовать прямую номинацию, вместе с демонстрацией социальной роли, предписывающей пассивную выжидательную позицию, не предполагающую выражение оценок и мнений, и в то же время неготовность мириться с предписанной социальной ролью молчанием и пассивный протест против информационного повода (события) [12];

3) нейтрализация (замена одних знаков другими этой же знаковой системы, полностью не относящимися к контексту: «ДВА СЛОВА»);

4) аббревиация («ХВ» – это лозунг *Хватит войны*, который помимо аббревиации также использует семиотическую эвфемизацию, так как был написан на плакате с использованием шрифта, характерного для церковных текстов, и кодирует прецедентный текст *Христос воскрес*).

План выражения многих протестных антивоенных высказываний, произведенных после 04.03.2022 г., основан на неопределенности: это неопределенность букв, замещенных астерисками («\*\*\* \*\*\*)», «нет в\*\*\*е»), пропуск слов («\_\_\_\_\_! Труд! Май!») или хиазм («НЕТ»). Но план значения данных высказываний легко восстанавливается благодаря контексту, адресат знает, о каких явлениях действительности произведено высказывание, умолчание оказывается обращено к части аудитории, представляющей власть, у которой в результате использования умолчания не должно быть формальных поводов для преследования говорящего [13]. В то же время другая часть аудитории, представленная гражданами, восстанавливает план значения за счет контекста и интертекста, проявляя свободу интерпретации в рамках представленного формального высказывания. Это позволяет протестующим даже абсурдировать требования власти, совершая реинтерпретацию и уходя от преследования. Об этом свидетельствует один из судебных процессов по антивоенным протестам, на котором адресант произвела реинтерпретацию, официально предложив считать ее лозунг «Нет в\*\*\*е» лозунгом, направленным против рыбы воблы, традиционного советского снека при употреблении алкогольных напитков [14].

Итак, замены знаков, которые производятся в рамках эвфемизации и дисфемизации, призваны реализовывать коммуникативное намерение говорящего в условиях самоцензуры и языковой игры, приводящих к «маскировке» этого намерения или создающих намеренно усложненную форму восприятия и возможность открытой интерпретации [15]. «Скрытые высказывания», выявленные в плакатах, представленных на одиночных пикетах весной

2022 г., обнаруживают сходство с «антитоталитарным» подцензурным языком, описанным А. Вежбицка на материале польского языка [16], а также с «эзоповым языком», описанным Л. Лосевым на материале русского языка в литературных произведениях советской эпохи [17].

**Заключение.** Условия коммуникации изменили форму и усложнили структуру многих антивоенных высказываний. Адресанты, которые пытались формально не нарушать запрет на использование слова «война» в публичном высказывании, применяли стратегию «скрытого сообщения» (*hidden transcript*). Выделенные нами «скрытые высказывания» в антивоенном протестном дискурсе характеризуются общими свойствами: замена элементов в форме выражения и/или усложнение формальной структуры, использование многозначности, использование недостаточности формы и порождение таким способом открытой интерпретации, использование креолизованных текстов. Важную роль в «скрытых высказываниях» играют речевые тактики, существенно преобразующие текст, такие как графическая эвфемизация, семиотическая эвфемизация, аббревиация, нейтрализация. Они реализуют сложный спектр намерений говорящего: демонстрируют наличие предписанной социальной роли, предполагающей пассивную выжидательную позицию и не предполагающей выражения оценок и мнений, и в то же время показывают неготовность мириться с данной ролью; выявляют неготовность/невозможность использовать прямую номинацию политического события, выражают возможную эмоциональную аффектацию, вытекающую из этого; они также реализуют пассивный протест против запрета на использование слова *война*, демонстрируют наличие цензуры в пространстве социальной коммуникации; реализуют возможности языковой игры для порождения открытой интерпретации в отношении информационного повода (политического события).

«Прямые сообщения» тоже испытывают влияние условий коммуникации: многие антивоенные протестные высказывания производились в форме цитаты/афоризма, т. е. «чужого слова» (М. Бахтин), которые должны были обеспечить адресанту юридическую безопасность. Однако адресанты, цитирующие чужой авторский текст, получали ту же реакцию со стороны части аудитории, которая состояла из представителей правоохранительных органов, что и адресанты с текстом собственно авторским. Можно констатировать не только различия так называемых прямых и скрытых сообщений, но их сходства, заключающиеся в том, что для части аудитории, которая состояла из представителей правоохранительных органов, разница нивелировалась условиями социальной коммуникации: любое высказывание оценивалось как «антивоенное», независимо от его формы и содержания.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.
2. Красильникова Н. А. Общественное мнение как предмет политических когнитивно-дискурсивных исследований в сфере политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 133–141.
3. Дрейфельд О. В. Иллюстративный материал. URL: <https://drive.google.com/file/d/11aOSo6CU-QKy6YAхOHTDwm9Ic6o7Bsp2/view?usp=sharing> (дата обращения: 05.05.2023).
4. Якобсон Р. О. Нулевой знак // Избранные работы / пер. с англ., нем., фр.; под общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 222–230.

5. Scott J. *Domination the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven, London; Yale Univ. Press, 1990.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.
7. Allan K., Burrige K. *Euphemism and dysphemism: language used as shield and weapon*. NY: Oxford Univ. Press, 1991.
8. Каличкина Т. И. Языковые средства выражения иронии в современном российском политическом дискурсе // Современное педагогическое образование. 2021. № 9. С. 137–141.
9. Gaa Ph. *Russland: Der Mut der Einzelnen* // ZDFheute. 04.11.2022. URL: <https://amp.zdf.de/nachrichten/heute-in-europa/russland-der-mut-der-einzelnen-100.html> (дата обращения: 09.02.2023).
10. Иванян Е. П. Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 33–35.
11. Allan K., Burrige K. *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
12. Bar-Tal D. *Self-Censorship as a Socio-Political-Psychological Phenomenon: Conception and Research* // *Advances in Political Psychology*. 2017. Vol. 38, Iss. S1. P. 37–65. DOI: 10.1111/pops.12391.
13. Гавриш А. Д., Желтухина А. М. Цензура и самоцензура в современном политическом медиа-дискурсе в США и России: сопоставительный лингвокультурологический аспект // Актуальные проблемы филологии и филологической лингвистики. 2021. № 2. С. 16–27. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-16-27>.
14. Krivets N. In Tyumen a woman justified herself for an anti-war slogan and gave rise to a meme // Memepedia. 14.10.2022. URL: <https://memepedia.ru/net-voble-v-tyumeni/> (дата обращения: 09.02.2023).
15. Архипова А. С., Кирзюк А. А., Югай Е. Ф. Скрыть опасное имя: поэтика политической формулы // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 12 (33). С. 102–119. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2017-12-102-119>.
16. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.
17. Loseff L. *On the Beneficence of Censorship Aesopian Language in Modern Russian Literature*. München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1984.

### Информация об авторе.

**Дрейфельд Оксана Викторовна** – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета, ул. Красная, д. 6, Кемерово, 650003, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория дискурса, теория речевых жанров, политическая лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 24.03.2023; принята после рецензирования 04.05.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

### REFERENCES

1. Dijk, T.A. van. (1989), *Language. Cognition. Communication*, Transl. by Gerasimov, V.I., Progress, Moscow, RUS.
2. Krasilnikova, N.A. (2011), "Public opinion as the subject of cognitive-discursive studies in the sphere of political linguistic", *Political Linguistics*, no. 2 (36), pp. 133–141.
3. Dreifeld, O.V. (2022), *Illustrative material*, available at: <https://drive.google.com/file/d/11aOSo6CU-QKy6YAxOHTDwm9lc6o7Bsp2/view?usp=sharing> (accessed 05.05.2023).
4. Jacobson, R.O. (1985), "Zero Sign", *Izbrannye raboty* [Selected works], Transl. Zvegintsev, V.A., (ed.), Progress, Moscow, USSR, pp. 222–230.

5. Scott, J. (1990), *Domination the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*, Yale Univ. Press, New Haven, London, USA.
6. Shejgal, E.I. (2000), *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotic of political Discourse], Peremena, Volgograd, RUS.
7. Allan, K. and Burridge, K. (1991), *Euphemism and dysphemism: language used as shield and weapon*, Oxford Univ. Press, NY, USA.
8. Kalichkina, T.I. (2021), "Linguistic means of expressing irony in modern Russian political discourse", *Modern pedagogical education*, no. 9, pp. 137–141.
9. Gaa, Ph. (2022), "Russland: Der Mut der Einzelnen", *ZDFheute*, 04.11.2022, available at: <https://amp.zdf.de/nachrichten/heute-in-europa/russland-der-mut-der-einzelnen-100.html> (accessed 09.02.2023).
10. Ivanian, E.P. (2015), "Representation of semantics of omission in modern Russian discourse", *Baltic Humanitarian J.*, no. 1 (10), pp. 33–35.
11. Allan, K. and Burridge, K. (2006), *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
12. Bar-Tal, D. (2017), "Self-Censorship as a Socio-Political-Psychological Phenomenon: Conception and Research", *Advances in Political Psychology*, vol. 38, Iss. S1, pp. 37–65. DOI: 10.1111/pops.12391.
13. Gavrish, A.D. and Zheltukhina, A.M. (2021), "Censorship and self-censorship in the modern political media discourse of the USA and Russia: comparative linguocultural aspect", *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 2, pp. 16–27. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-16-27>.
14. Krivets, N. (2022), "In Tyumen a woman justified herself for an anti-war slogan and gave rise to a meme", *Memepedia*, 14.10.2022, available at: <https://memepedia.ru/net-voble-v-tyumeni/> (accessed 09.02.2023).
15. Arkhipova, A.S., Kirzyuk, A.A. and Yugay, E.F. (2017), "To mask a dangerous name. The poetics of a political formula", *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, no. 12 (33), pp. 102–119. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2017-12-102-119>.
16. Wierzbicka, A. (1993), "Anti-totalitarian language in Poland: Mechanisms of language self-defence", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 4, pp. 107–125.
17. Loseff, L. (1984), *On the Beneficence of Censorship Aesopian Language in Modern Russian Literature*, Verlag Otto Sagner in Kommission, München, DEU.

#### **Information about the author.**

**Oksana V. Dreifeld** – Can. Sci. (Philology, 2015), Associate Professor at the Department of Russian language and Literature, Kemerovo State University, 6 Krasnaya str., Kemerovo 650003, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: theory of discourse, theory of speech genres, political linguistic.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 24.03.2023; adopted after review 04.05.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 811.111  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-128-142>

## Образы Луны и Солнца в поэзии Ф. Г. Томпсона

**Мария Васильевна Семенихина**

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,  
Санкт-Петербург, Россия,  
euphemia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4645-4595>*

**Введение.** Статья посвящена анализу метафорических моделей, описывающих две ключевые мифологемы в творчестве английского религиозного поэта рубежа XIX–XX вв. Ф. Г. Томпсона – Луну и Солнце. Актуальность проводимого исследования связана с возрастающим интересом к репрезентации индивидуально-авторской картины мира в поэтическом тексте и с тем, что творчество Ф. Г. Томпсона в отечественной филологии остается малоизученным.

**Методология и источники.** Исследование базируется на когнитивной (концептуальной) теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Эмпирической базой послужили стихотворения и поэмы Ф. Г. Томпсона «A Corymbus for Autumn», «Orient Ode», «Ode to the Setting Sun», «The Mistress of Vision», «An Anthem of Earth», «Sister Songs», «The Night of Forebeing», «The Hound of Heaven», «The Song of Hours», «The Sere of the Leaf», «The Dead Astronomer», «Ad Amicam», «Ad Castitatem», «Love Declared», «Nocturn», «Assumpta Maria», «To a Poet Breaking Silence», «Arab Love-Song», «Victorian Ode».

**Результаты и обсуждение.** В ходе анализа установлено, что в поэзии Ф. Г. Томпсона образы Луны и Солнца противопоставляются как «пассивное – активное», «слабое – сильное», «целомудрие – страсть», «холод – тепло», «вода – огонь», в меньшей степени «смерть – жизнь», «женское – мужское» и «языческое – христианское». Солнце – источник жизни, красоты и поэтического вдохновения, и, кроме того, движение Солнца по небу в течение суток помогает людям понять историю и смысл смерти и воскресения Христа. Луна же, несмотря на свою холодность и пассивность, тоже играет необходимую роль в мироздании (например, управляя природными циклами и выступая посредницей между Солнцем и людьми).

**Заключение.** Образы Луны и Солнца органично вписываются в общую систему образов поэзии Томпсона, в которой автор стремится создать образ одухотворенной Вселенной, наполненной присутствием Бога. Солнце – центральный образ поэзии Томпсона, активно действующий персонаж, нередко уподобляющийся Христу; Луна более пассивна и сильнее связана с язычеством и смертью (что, однако, не придает ее образу негативных коннотаций).

**Ключевые слова:** Ф. Г. Томпсон, английская поэзия, теория метафоры, индивидуально-авторская метафора

**Для цитирования:** Семенихина М. В. Образы Луны и Солнца в поэзии Ф. Г. Томпсона // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 128–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-128-142.

© Семенихина М. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Original paper

## Images of the Moon and the Sun in the Poetry of F.H. Thompson

**Maria V. Semenikhina**

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,  
euphemia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4645-4595>*

**Introduction.** The article considers the analysis of metaphorical models describing the Moon and the Sun, two key mythologems in the works of F.H. Thompson, a religious English poet of XIX-XX centuries. The research relevance is connected with the growing interest in the representation of the individual author's worldview in a poetic text and with the fact that the work of F.H. Thompson in Russian philology remains poorly studied.

**Methodology and sources.** The research is based on the conceptual metaphor theory by G. Lakoff and M. Johnson. The empirical basis of the study was the poems by F.H. Thompson "A Corymbus for Autumn", "Orient Ode", "Ode to the Setting Sun", "The Mistress of Vision", "An Anthem of Earth", "Sister Songs", "From the Night of Forebeing", "The Hound of Heaven", "The Song of Hours", "The Sere of the Leaf", "The Dead Astronomer", "Ad Amicam", "Ad Castitatem", "Love Declared", "Of Nature: Laud and Plaint", "Nocturn", "Assumpta Maria", "To a Poet Breaking Silence", "Arab Love-Song", "Victorian Ode".

**Results and discussion.** The analysis revealed that in F.H. Thompson's poetry the images of the Moon and the Sun are contrasted as "passive – active", "weak – strong", "chastity – passion", "cold – heat", "water – fire", to a lesser extent "death – life", "female – male" and "pagan – Christian". The Sun is a source of life, beauty and poetic inspiration, and, in addition, the movement of the Sun across the sky during the day helps people to understand the story of Christ's death and resurrection and its sense. The Moon, despite its coldness and passivity, also plays a necessary role in the universe (for example, controlling natural cycles and acting as an intermediary between the Sun and mankind).

**Conclusion.** The images of the Moon and the Sun fit seamlessly into the general system of images of Thompson's poetry, in which the author seeks to create an image of a spiritualized Universe filled with the presence of God. The Sun is the central image of Thompson's poetry, an active character, often likened to Christ; the Moon is more passive and more strongly associated with paganism and death (which, however, does not make its image negative).

**Keywords:** F.H. Thompson, English poetry, metaphor theory, individual author's metaphor

**For citation:** Semenikhina, M.V. (2023), "Images of the Moon and the Sun in the Poetry of F.H. Thompson", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 128–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-128-142 (Russia).

**Введение.** Цель настоящего исследования – классификация и анализ метафорических моделей, используемых для создания образов Луны и Солнца, ключевых для образной системы творчества Ф. Г. Томпсона, английского религиозного поэта рубежа XIX–XX вв. В отечественной филологии поэзия Томпсона, как и английская религиозная поэзия второй половины XIX в. в целом (К. Пэтмор, Дж. М. Хопкинс), исследована мало; единственной фундаментальной работой на русском языке, касающейся творчества Томпсона, остается диссертация О. В. Казаковой [1]. В литературной критике неоднократно отмечались «монументальность» стилистики Томпсона и сложность создаваемых им образов и символов, а его поэзия анализировалась в религиозно-философском и литературоведческом аспектах, но практически никогда – с точки зрения поэтики художественного текста. Поэтому анализ

текстов Томпсона с применением современной теории метафоры представляется продуктивным и актуальным.

**Методология и источники.** В настоящей работе мы опираемся на когнитивную теорию метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2], согласно которой сущность метафоры – *understanding and experiencing one kind of thing in terms of another* (понимание и переживание одного явления в терминах другого) [2, p. 5], и сами процессы человеческого мышления во многом метафоричны [2, p. 6]. Через метафоры человек структурирует и интерпретирует окружающий мир, и потому система метафор, создаваемая автором в художественном тексте, демонстрирует его способ концептуализации реальности, эмоциональное отношение к ней, а также соотношение индивидуального и культурно обусловленного в его картине мира.

Материалом исследования послужили стихотворения и поэмы Ф. Г. Томпсона [3]. Как отмечает О. В. Казакова, «одним из основных мотивов поэзии Томпсона является мотив одухотворенной природы, воплощающей божественную идею» [1, с. 56]. Мотив одухотворенной природы – составная часть универсальной системы религиозных символов, которую Томпсон пытался создать в своей поэзии и в которой символы христианской религии сосуществуют с символами и образами, заимствованными из языческих мифов и наполненными новым христианским содержанием: «Стремление к изображению целой Вселенной, где все абстрактное и далекое предстает ярким и конкретным, где явления природы и смена времен года, земля и стороны света – становятся одушевленными, привело поэта к необходимости создать свою систему образов» [1, с. 60].

**Результаты и обсуждение.** На основании анализа текстов стихотворений и поэм Ф. Г. Томпсона были выявлены следующие метафорические модели, которые объединяются в группы: MOON/SUN IS HUMAN BEING, MOON/SUN IS ANIMAL, MOON/SUN IS INANIMATE OBJECT.

### 1. Луна.

**Группа MOON IS HUMAN BEING (Луна – это человеческое существо).** Это самая многочисленная группа моделей, что согласуется с идеей одухотворенной природы как основного источника порождения образов в творчестве Томпсона. Антропоморфизм Луны в поэзии Томпсона подчеркивается, в частности, тем, что применительно к ней нередко употребляется местоимение *she*, а не *it*.

**Соматизмы.** В творчестве Томпсона существуют три противопоставленных портрета Луны как человеческого существа. В поэме «Sister Songs» Луна предстает в стандартно поэтической ипостаси бесстрастной и целомудренной богини Дианы. У нее прохладные кончики пальцев, с которыми сравниваются лунные лучи, касающиеся лица спящей героини, но эти пальцы (*finger-tips*) тают от соприкосновения с живыми и теплыми губами девушки: *Dian's chill finger-tips Thaw if at night they happen on thy lips* [3, p. 115]. Там же Луна «стыдливо» закрывает лицо вуалью, спускающейся до подбородка (*chin*): *The moon's young roudure through the shamefast veil Drawn to her gleaming chin* [3, p. 210].

В стихотворении же «A Corymbus for Autumn» Луна из холодной и неприступной весталки под влиянием чар Осени превращается в хмельную и дерзкую вакханку, и ее пере рождение подчеркивается употреблением соматизмов, имеющих эротические коннотации (*cheeks, breast, mouth*), и эпитетов, обозначающих цвета теплой красно-коричневой осенней

гаммы: *Tanned maiden! with cheeks like apples russet, And breast a brown agaric faint-flushing at tip, And a mouth too red for the moon to buss it, But her cheek unbow its vestalship* [3, p. 47]. Метафора описывает реальное астрономическое явление: в конце лета – начале осени лунный диск нередко видится более крупным и красным, чем в остальное время. Далее в этом же стихотворении упоминаются ноги (*feet*) Луны, забрызганные соком раздавленного звездного винограда: *Till the gold wine gushed out round her feet; Spouted over her stained wear, And bubbled in golden froth at her feet* [3, p. 50]. В стихотворении «Ode to the Setting Sun» Луна преобразуется так же после того, как Осень целует ее в щеку (*cheek*): *Cold as the new-sprung girlhood of the moon Ere Autumn's kiss sultry her cheek with flame* [3, p. 210].

Наконец, в позднем стихотворении «The Sere of the Leaf» Луна – это ведьма, которая своими «серебряными ногами» погоняет ночное облако, похожее на сказочное чудовище, которое, в свою очередь, пытается гнаться за ней, обнюхивая ее следы: *For the cloud, a thing of ill dilating baleful o'er the hill, Spreads a bulk like a huge Afreet Drifting in gigantic sloth, or a murky behemoth, For the moon to set her silver feet; For the moon's white paces, And its nostril for her traces, As she urges it with wild witch feet* [3, p. 313].

Луна в античной мифологии отождествлялась с богиней колдовства Гекатой, и связь Луны с колдовством и магией сохраняется и в более позднее время.

Существуют и более нейтральные описания черт внешности Луны. В стихотворении «Orient Ode» Солнце шепчет в «белое ушко» Луны: *Thou whisperest in the Moon's white ear* [3, p. 151]. В стихотворении «Ad Amicam» Луна обнажает грудь (*young Moon that bares her nightly breast*) [3, p. 391], но затем, чтобы кормить ребенка.

**Одежда.** В стихотворении «A Corymbus for Autumn» Луна появляется одетой в некую прекрасную одежду, словно сотканную из цветков желтого касатика: *And she came forth upon the trepidant air, In vesture unimagined-fair, Woven as woof of flag-lilies* [3, p. 50]. Но эта одежда оказывается испачканной во время приготовления вина из звезд (*Till the gold wine... Spouted over her stained wear*). Там же Луна названа «Артемидой в горностае» (*ermind Artemis*), и это облачение, присущее царственному статусу, противопоставляется сельской работе, которую должна выполнять Луна по приказу Осени (*how ermind Artemis Ordained weed must wear, And toil thy business*) [3, p. 51]. В поэме «Sister Songs» «жемчужная» Луна одета в «пестрое платье» (*the freaked kirtle of the pearled moon*) [3, p. 119], с которым сравнивается радужное сияние вокруг лунного диска. Причем слово *kirtle* обозначает средневековую одежду, и закованная в тяжелую парчу Луна противопоставляется «быстрой» Земле в античной легкой тунике: *Swift Tellus' purpled tunic, girt upon With the blown chlamys of her fluttering seas* [3, p. 119]. Наконец, в поэме «Song of the Hours» Утренние часы накидывают на «мертвую Луну» белую погребальную пелену дня: *O'er the dead moon-maid We draw softly the day's white pall* [3, p. 325].

**Жилище.** Жилище Луны упоминается только один раз. В поэме «The Hound of Heaven» лирический герой, спасаясь от преследований «небесной гончей» (символа Божьего гнева), ищет укрытия во всей Вселенной и, в частности, стучится в «бледные ворота Луны», но они отзываются только «нежным скрежетом» и «серебристым дребезжанием»: *Fretted to dulcet jars And silvern chatter the pale ports o' the moon* [3, p. 53].

**Действия.** Луна способна к речевой деятельности, как активной, так и пассивной. Стихотворение «Ode to the Setting Sun» кончается словами: *My soul is quitted of death-neighbouring swoon, Who shall not slake her immitigable scars Until she hear 'My sister!' from the moon...* [3, p. 214]. В поэме «Sister Songs» поэт просит Луну выслушать его извинения: *Yet hear how my excuses may prevail, Nor, tender white orb, be thou opposite* [3, p. 101]. В стихотворении «Orient Ode» Луна становится посредницей между поэтом и Солнцем – божеством поэзии: Солнце нашептывает ей на ухо слова, которые она, в свою очередь, «божественным девственным голосом» шепчет поэту: *Thou whisperest in the Moon's white ear, And she does whisper into mine, – By night together, I and she – With her virgin voice divine, The things I cannot half so sweetly tell As she can sweetly speak, I sweetly hear* [3, p. 151]. Луна может ходить – так, в стихотворении «A Corymbus for Autumn» ветер возвещает ее приход и метет перед ней дорогу: *I sweep the path before the moon! Tarry ye now the coming of the moon, For she is coming soon* [3, p. 50], а затем появляется и она сама: «And she came forth upon the trepidant air» [3, p. 50]. В стихотворении «From the Night of Forebeing» упоминается «слабая и хрупкая» запоздалая Луна, застигнутая в небе полуднем (*noon-belated moon* [3, p. 160]). (Луну иногда можно видеть в светлое время суток, но на дневном небе она видна намного хуже, чем на ночном.) Луна целует пряди бегущей девушки: *Whose curls streaming flaxen-golden, By the misted moonbeams kist* («Sister Songs») [3, p. 116]. Наконец, Луну можно смутить слишком смелым взглядом: *For flowers that night-wings fertilize Mock down the stars' unsteady eyes, And with a happy, sleepless glance Gaze the moon out of countenance* («To a Poet Breaking Silence») [3, p. 13].

**Профессиональная деятельность, социальные роли.** Набор социальных и профессиональных ролей, исполняемых Луной как персонажем, довольно ограничен.

Метафорическая модель MOON IS BELOVED (Луна – возлюбленная) появляется редко. Так, в стихотворении «Nocturn» Луна выступает как тайная возлюбленная Солнца: *For whom but for the stealthy-visitant sun Is the naked moon Tremulous and elate?* [3, p. 254].

В стихотворении «A Corymbus for Autumn», которое строится на образах сельской вакханалии, используется модель MOON IS PEASANT-WOMAN (Луна – крестьянка). Луна отказывается от своей царственной горностаевой мантии, становится работницей винодельни и давит в точиле сок из звездного винограда: *And curdled as of flag-lilies The vapour at the feet of her, And a haze about her tinged in fainter wise; As if she had trodden the stars in press, Till the gold wine spurted over her dress, Till the gold wine gushed out round her feet; Spouted over her stained wear, And bubbled in golden froth at her feet, And hung like a whirlpool's mist round her.* <...> *Her too in autumn turned a vintager* [3, p. 51]. Однако это не ее личный выбор, а приказ вступающей в свои права Осени-вакханки, готовящейся справлять праздник Малых Дионисий, и в нем будет участвовать вся природа. При этом звездное вино, которое давит Луна, дает поэтическое вдохновение и позволяет фантазии художника расширить границы восприятия.

В четвертом сонете из цикла «Ad Amicam» Луна выступает в роли кормилицы (MOON IS WETNURSE), кормящей грудью младенца-Землю: *As the young Moon that bares her nightly breast, And smiles to see the Babe earth suck its fill* [3, p. 391].

Модель MOON IS QUEEN (Луна – королева (царица)), помимо рассмотренного ранее стихотворения «A Corymbus for Autumn» (где Луна всходит на небо подобно царице, но

выглядит крестьянкой, забрызганной соком раздавленного винограда), фигурирует в стихотворении «Ode to the Setting Sun». Здесь Луна выступает как узурпаторша власти свергнутого монарха-Солнца, когда день сменяется ночью: *this loud, lackeying praise Will stay behind to greet the usurping moon, When they have cloud-barred over thee the West* [3, p. 206–207]. Это практически единственный случай активных действий со стороны Луны.

Таким образом, Луна показана как довольно пассивный с социальной точки зрения персонаж, однако пассивность Луны на самом деле кажущаяся, так как именно она, например, управляет приливами и отливами и другими циклами природы: *As the innocent moon, that nothing does but shine, Moves all the labouring surges of the world* [3, p. 108].

Модель MOON IS GODDESS/MYTHOLOGICAL CHARACTER (Луна – богиня/мифический персонаж) также указывает на холодность и пассивность Луны. Помимо упомянутого ранее ее отождествления с богиней Дианой («Sister Songs») или греческим «двойником» Артемидой («A Corymbus for Autumn»), Луна сравнивается и с персонажами других мифологий, в частности библейской. В «Orient Ode» мертвая и блеклая Луна противопоставляется живой и цветущей Земле, как ветхозаветная прапраматерь Ева, виновница грехопадения и смерти, – Богоматери, через которую людям возвращена вечная жизнь: *The moon, O leave, pale ruined Eve; Behold her fair and greater daughter Offers to thee her fruitful water, Which at thy first white Eve shall conceive!* [3, p. 148]. С этой моделью сближается модель MOON IS (AN ATTRIBUTE OF) OUR LADY (Луна – Богоматерь (атрибут Богоматери)). Луна – традиционный элемент католической мариологии, однако сопоставление Луны с Девой Марией у Томпсона встречается довольно редко. Так, в стихотворении «The Dead Astronomer» с Луной сравниваются брови Девы Марии, которую встречает после смерти герой стихотворения – астроном-священник: *She, about whose moonèd brows Seven stars make seven glows, Seven lights for seven woes...* [3, p. 257]. Чаще с Девой Марией сравниваются другие объекты, такие как звезды или Земля.

**Группа MOON IS ANIMAL (Луна – это животное).** В эту группу входят только две модели, связанные общей семьей «вода, море». В стихотворении «A Corymbus for Autumn» представлена модель MOON IS BIRD (Луна – птица), причем гнездо птицы-Луны находится в море, и сама Луна напоминает морскую птицу (чайку или мифическую алкиону, которая гнездится на волнах): *Far other saw we <...> The crescent moon, in the May-days dead, Fly up with its slender white wings spread Out of its nest in the sea's waved mead* [3, p. 47]. В поэме «Sister Songs» встречается модель MOON IS JELLYFISH (Луна – медуза). Луна, подсвечивающая кромку облака, сравнивается с выброшенной на берег медузой (но троп – не метафора, а сравнение): *And on its slope marge shelving to the night The stranded moon lay quivering like a lustrous Medusa newly washed up from the tide* [3, p. 100], т. е. еще с одним морским обитателем. Связь Луны с водой достаточно распространена в поэзии и мифологии, и эта группа моделей связана с моделью MOON IS LIQUID в группе MOON IS INANIMATE OBJECT.

**Группа MOON IS INANIMATE OBJECT (Луна – это неодушевленный предмет).** Эта группа моделей также немногочисленна. Как и в предыдущей группе, здесь преобладают модели, связанные с водой. Модель MOON IS LIQUID (Луна – жидкость) встречается в нескольких текстах. Ореол лунного света, играющий переливами опала, сравнивается с купелью или ванной, в которой тают радуги: *Or with mantling poetry Curd to the tincture which the opal hath, Like rainbows thawing in a moonbeam bath* («Sister Songs») [3, p. 92]. Облака

плывут по лунному свету, как парусники по воде: *Clouds in cluster with such a sailing Float o'er the light of the wasting moon* (там же) [3, p. 93]. Луна-медуза подрагивает в лужице собственного тающего света: *The stranded moon lay quivering <...> Lay in an oozy pool of its own deliquious light* [3, p. 100]. Луна пропитывает туман светом, словно влагой: *a maiden Saxon, folden, As she flits, in moon-drenched mist* (там же) [3, p. 116]. Облака-верблюды колышут блестящую серебристую гладь лунного водоема: *The hunched camels of the night Trouble the bright And silver waters of the moon* («Arab Love-Song») [3, p. 299].

В стихотворении «Love Declared» луна дробится на волнах тихой реки, превращаясь в «сливочную вспышку пламени» (*the moon Is shattered to a creamy flicker of flame*) [3, p. 196], и здесь можно видеть сочетание двух противоположных моделей – MOON IS LIQUID и MOON IS FIRE (Луна – огонь).

С водой ассоциируется и модель MOON IS SHIP (Луна – корабль; полумесяц напоминает и корпус корабля или лодки, и раздутый парус). «Белопарусная Луна» оставляет в небе кильватерный след – Млечный Путь: *O'er the foamy wake of the white-sailed moon, Which to men is the Galaxy* («Songs of the Hours») [3, p. 324].

Из моделей, не связанных непосредственно с водой, можно назвать две, касающиеся блеска и света Луны. Модель MOON IS METAL (Луна – металл) встречается, например, в «A Corymbus for Autumn», где изменение цвета Луны осенью сравнивается с ржавчиной от сырых осенних туманов, покрывающей блестящий стальной лунный диск: *Thy mists enclip Her steel-clear circuit illuminous, Until it crust Rubiginous With the glorious gules of a glowing rust* [3, p. 47]. Однако это сравнение не несет негативной коннотации (на что указывают эпитеты *glorious* и *glowing*): Луна, мертвенная в своем совершенстве, оживает, и на ее щеках проступает румянец. Модель MOON IS JEWEL (Луна – драгоценный камень) появляется в «Ode to the Setting Sun» в перечне свадебных подарков, которые подносит Солнце своей невесте-Земле: *Who queened her front with the enrondured moon?* [3, p. 208].

При характеристике образа Луны у Томпсона также следует назвать зеркально противоположные метафорические модели, где MOON относится к области источника, а не цели. Таких моделей две: HUMAN BEING IS MOON (человеческое существо – Луна) и DEATH IS MOON (смерть – Луна).

Первая модель представлена в «The Mistress of Vision»: *There was never moon, Save the white sufficing woman: Light most heavenly-human* [3, p. 132]. Хозяйка таинственного зачарованного сада, который снится лирическому герою, излучает сияние, напоминающее лунное, и при этом она превосходит настоящую Луну тем, что светит постоянно, не превращаясь в полумесяц и не исчезая во время новолуний.

Вторая модель присутствует в стихотворении «An Anthem of Earth», где смерть названа *Tenebrous moon that flux and reflux draws Of the high-tided man* [3, p. 230]. При этом для Томпсона в сопоставлении Луны со смертью нет негативного оттенка: М. Дж. Керни, ссылаясь на интерпретации текстов Томпсона у современных ей католических авторов, отмечает, что такая неразрывная диалектическая связь жизни и смерти – для Томпсона свидетельство Божественного замысла [4, p. 131], и как для Луны естественно управлять приливами и отливами, так и для смерти естественно управлять сменой поколений людей.

**2. Солнце.** Исследователи неоднократно отмечали, что Солнце – центральная мифологема в творчестве Томпсона [1, с. 56–58]. Так, У. Б. Димонд написал диссертацию, полно-

стью посвященную образу Солнца у Томпсона [5], однако в его работе основной акцент делается не столько на особенностях языка и стиля автора, сколько на религиозном подтексте его стихотворений, и эта работа не свободна от ошибок.

**Группа SUN IS HUMAN BEING (Солнце – это человеческое существо).** Эта группа, как и в случае с образом Луны, самая частотная, однако по ряду параметров образы Солнца и Луны противопоставляются. Применительно к Солнцу также нередко употребляется местоимение, указывающее на его антропоморфизм – *he*, а не *it*, и часто к Солнцу поэт обращается во втором лице, как к живому собеседнику (*thou*), тогда как в диалог с Луной он вступает крайне редко.

**Соматизмы.** Из соматизмов в связи с Солнцем чаще всего упоминаются глаза. В «Orient Ode» Солнце бросает на Землю влюбленные взгляды (*gazes*), и она под их чарами расцветает: *Thy gazes do on simple her Desirable allures confer; What happy comelinesses rise Beneath thy beautifying eyes! <...> Yea, thy gazes, blissful lover, Make the beauties they discover!* [3, p. 149]. Глаза Солнца (тоже направленные на Землю) упоминаются в «Ode to the Setting Sun»: *Her teeming centuries Drew being from thine eyes* [3, p. 209]. Там же ночь накидывает покров на «сияющие глаза» Солнца, умирающего подобно распятому Христу: *Who dost but hood thy glorious eyes with night?* [3, p. 206].

Волосы Солнца тоже фигурируют в нескольких стихотворениях. В «The Mistress of Vision» лирический герой сравнивает свое поэтическое дерзновение с желанием поиграть с локонами (*tresses*) Солнца: *O dismay! I, a wingless mortal, sporting With the tresses of the sun?* [3, p. 135]. В «Ode to the Setting Sun» несколько раз упоминаются кудри (*curls*) Солнца, то закрывающие ему уши и мешающие слушать обращенную к нему песнь (*Fling from thine ear the burning curls, and hark A song...* [3, p. 206]), то намокшие от дождей во время предвечного мирового катаклизма (*the high-danced whirls Of the tossed scud made hiss thy drenched curls* [3, p. 209]).

Несколько соматизмов связано непосредственно с жизнью и жизненной силой, которые дает Солнце. В «Orient Ode» солнечный свет сравнивается с кровью, которую пьет неистовая менада-Земля: *Thy proper blood dost thou not give, That Earth, the gusty Maenad, drink and dance?* [3, p. 153]. В стихотворении «The Veteran of Heaven» лирический герой, не желая помянуть Сатану всуе, говорит, что его имя столь ужасно, что способно остановить кровь в жилах у самого Солнца: *And his name would turn the Sun's blood back upon its heart* [3, p. 295]. В стихотворении «An Anthem of Earth» смерть сгущает дыхание Солнца (*thicks the lusty breathing of the sun*) [3, p. 230], т. е. превращает его животворное тепло в губительный зной.

Таким образом, в облике Солнца менее, чем в облике Луны, подчеркиваются конкретные детали и при этом делается акцент на функции, выполняемой персонажем.

**Одежда.** Одежда Солнца упоминается так же редко и описывается со столь же малым количеством деталей, как и одежда Луны. В «Orient Ode» лучи восходящего Солнца уподобляются плюмажу на воинском шлеме: *thy plumes shiver against the conscious gates of morn* [3, p. 149]. В «Ode to the Setting Sun» горящий в печи каменный уголь становится подобен Солнцу «в алом одеянии»: *How is his countenance half-divine, Like thee in thy sanguine weeds?* [3, p. 209]. В стихотворении «The Sere of the Leaf» закатное солнце одето в «индийскую мантию» – вероятно, имеется в виду оранжевая одежда буддийского монаха: *Now the sun, in*

*Indian pall, Treads the russet-amber fall From the ruined trees of Heaven* [3, p. 313]. Вероятно, здесь подразумевается игра слов, так как *pall* (это же слово встречается и при описании Луны) означает и «гробовой покров», и «завеса», и «омрачать», при этом огненные цвета заката ассоциируются с принятым в Индии обрядом кремации умерших.

**Жилище.** Жилище Солнца, как и жилище Луны, упоминается только один раз и скорее в ироническом ключе. В «The Victorian Ode» «в прихожей у Солнца» (т. е. на самом отдаленном Востоке) располагается Япония: *Let India send her turbans, and Japan Her pictured vests from that remotest isle Seated in the antechambers of the Sun* [3, p. 365].

**Действия.** Солнце, как и Луна, способно к речевой деятельности: оно шепчет Луне на ухо (*Thou whisperest in the Moon's white ear*), оно может услышать и понять речь поэта, обращенную к нему. В «The Sere of the Leaf» Солнце ступает (*treads*) по «рыже-янтарной опавшей листве погибших небесных деревьев»: *Now the sun... Treads the russet-amber fall From the ruined trees of Heaven* [3, p. 313]. Кроме того, Солнце производит целый ряд действий, связанных с той или иной профессией или должностью (см. далее).

**Профессиональная деятельность, социальные роли.** В творчестве Томпсона Солнце – не просто антропоморфное существо, но активно действующий персонаж, выступающий в разнообразных социальных (от крестьянина до монарха) и матримониальных (жених, муж) статусах.

Одной из основных моделей, характеризующих поведение Солнца, является модель SUN IS BRIDEGROOM/HUSBAND/LOVER (Солнце – жених/муж/любовник). Энергия Солнца, оживляющая и оплодотворяющая природу, нередко описывается у Томпсона в эротическом ключе. Невестой или возлюбленной Солнца выступает чаще всего Земля. Так, в стихотворении «Orient Ode» лучи рассвета, озаряющие скрытую ночной тенью Землю, уподобляются комплиментам влюбленного, слыша которые неуверенная в себе и считающая себя некрасивой девушка осознает свою истинную красоту: *Who was, indeed, at first a maid Such as, with sighs, misgives she is not fair, And secret views herself afraid. Till flatteries sweet provoke the charms they swear: What dainty guiles and treacheries caught From artful prompting of love's artless thought Her lowly loveliness teach her to adorn, When thy plumes shiver against the conscious gates of morn!* [3, p. 149]. Смена времен суток сравнивается с любовными играми, когда девушка-Земля то ускользает из объятий юноши-Солнца, то возвращается к нему: *Though dear recoil, the tremorous nurse of joy, From thine embrace still startles coy, Till Phosphor lead, at thy returning hour, The laughing captive from the wishing West* [3, p. 149]. В стихотворении «Ode to the Setting Sun» взаимоотношения Земли и Солнца – это уже свадебная церемония, и наступление рассвета ассоциируется с женихом, поднимающим фату с лица невесты: *Thou didst draw to thy side Thy young Auroral bride, And lift her veil of night and mystery* [3, p. 208]. Там же перечисляются драгоценные подарки, которыми Солнце осыпает Землю: *Who scarfed her with the morning? and who set Upon her brow the day-fall's carcanet? Who queened her front with the enrondured moon? Who dug night's jewels from their vaulty mine To dower her <...>?* [3, p. 208]. Однако иногда возлюбленной Солнца становится и Луна: *For whom but for the stealthy-visitant sun Is the naked moon Tremulous and elate?* («Nocturn») [3, p. 254]. Наконец, Солнце выступает супругом всей Вселенной: *Thou to thy spousal universe Art Husband, she thy Wife and Church; Who in most dusk and vidual curch, Her Lord being hence, Keeps her*

*cold sorrows by thy hearse* («Orient Ode») [3, p. 153]. Здесь объединяются модели SUN IS BRIDEGROOM/HUSBAND/LOVER и SUN IS GOD (о которой речь пойдет далее). В стихотворении «Of Nature: Laud and Plaint» Заря пытается соблазнить «женатое» Солнце (*Once more, once more to see the Dawn unfold Her rosy bosom to the married Sun* [3, p. 384]), но здесь ситуация выглядит скорее комически и не лишена авторской самоиронии.

Модель SUN IS BACCHANT (Солнце – вакхант) представлена в «A Corymbus for Autumn»: *The sopped sun – toper as ever drank hard – Stares foolish, hazed, Rubicund, dazed, Totty with thine October tankard* [3, p. 47]. Здесь Солнце, напившееся до умопомрачения на осенней вакханалии, выглядит комично, однако его ассоциация с крестьянином на празднике в честь бога Вакха-Диониса или с самим Дионисом может иметь трагические и христологические коннотации. И Дионис, и Христос в той или иной степени ассоциируются с вином и виноградной лозой, и история страданий, смерти и воскресения Диониса отдаленно напоминает Страсти Христовы. В этом же стихотворении эксплицитно представлена еще одна модель, описывающая Солнце как крестьянина, занятого мирным трудом – SUN IS SHEPHERD (Солнце – пастух): *the shepherd Sun That washes in the sea the stars' gold fleeces* [3, p. 51]. Однако образ Солнца – небесного пастуха также ассоциируется с Христом – Добрым Пастырем.

Две следующие модели подчеркивают творческий аспект образа Солнца. Модель SUN IS WORKER/CREATOR (Солнце – рабочий/творец) описывает его как мастера, который раздувает горн, воздвигает колоннады и производит другие операции, и таким образом участвует в сотворении мира, давая жизнь животным и растениям: *Who lit the furnace of the mammoth's heart? Who shagged him like Pilatus' ribbed flanks? Who raised the columned ranks Of that old pre-diluvian forestry..? Thou rear'dst the enormous brood* [3, p. 209]; *Who made the splendid rose Saturate with purple glows?* («Ode to the Setting Sun») [3, p. 210].

Модель SUN IS POET/MUSICIAN/ARTIST (Солнце – поэт/музыкант/художник) изображает Солнце уже не творцом материальных объектов, а изобретателем искусств и наставником людей в том, как переводить созвучия «небесной арфы» и «огнеструнной псалтири» на язык, понятный простым смертным: *Know'st thou me not, O Sun? Yea, well Thou know'st the ancient miracle, The children know'st of Zeus and May; And still thou teachest them, O splendid Brother, To incarnate, the antique way, The truth which is their heritage from their Sire In sweet disguise of flesh from their sweet Mother. My fingers thou hast taught to con Thy flame-chorded psalterion, Till I can translate into mortal wire – Till I can translate passing well – The heavenly harping harmony, Melodious, sealed, inaudible, Which makes the dulcet psalter of the world's desire* («Orient Ode») [3, p. 151]. Здесь Солнце имплицитно представлено в ипостаси бога музыки и поэзии Аполлона (а себя автор сравнивает с младшим братом Аполлона, Гермесом, одна из обязанностей которого – быть посредником между людьми и богами и переводить божественные повеления на человеческий язык). Однако Солнце учит лирического героя не просто поэзии, а прославлению истинного Бога.

Еще две модели характеризуют Солнце уже не как мирное и кроткое, а как карающее и агрессивное. Оно не только дает жизнь, но и отнимает ее, может устрашать и гневаться. Модель SUN IS WARRIOR (Солнце – воин) представлена, например, в «Orient Ode»: рассвет показан как прорыв полководца-Солнца на территорию вражеского укрепления: *Through*

*breached darkness' rampart, a Divine assaulter, art thou come!* [3, p. 148], или как почти апокалиптическая картина, сопровождаемая трубным сигналом из стана Солнца: *And what want I of prophecy, That at the sounding from thy station Of thy flagrant trumpet, see The seals that melt, the open revelation?* [3, p. 152].

В стихотворении «From the Night of Forebeing» пасхальное утро, знаменующее победу света над тьмой, весны над зимой и жизни над смертью, описывается как победный марш Солнца в сопровождении герольда Марта и знаменосца Мая: *And the Sun comes with power amid the clouds of heaven! Before his way Went forth the trumpet of the March; Before his way, before his way Dances the pennon of the May!* [3, p. 160]. Метафорическая модель SUN IS HUNTER (Солнце – охотник) сближается с моделью SUN IS WARRIOR, подчеркивая грозный и воинственный аспект образа Солнца. В «Orient Ode» присутствует развернутая метафора устройства Солнечной системы, в которой Солнце – не то хищный зверь (лев), преследующий планеты, как добычу, не то охотник со сворой планет-гончих (кто в этом случае добыча – непонятно): *Thou as a lion roar'st, O Sun, Upon thy satellites' vexed heels; Before thy terrible hunt thy planets run; Each in his frightened orbit wheels, Each flies through inassuageable chase, Since the hunt o' the world begun, The puissant approaches of thy face, And yet thy radiant leash he feels, Since the hunt o' the world begun. Lashed with terror, leashed with longing, The mighty course is ever run; Pricked with terror, leashed with longing, Thy rein they love, and thy rebuke they shun, Since the hunt o' the world began...* [3, p. 150]. На то, что планеты – это гончие псы Солнца, любящие и боящиеся своего хозяина, указывает слово *leash* (поводок, сворка), а выражением *lashed with terror, leashed with longing* (подстегиваемые страхом, обузданные любовью) метафорически описывается поведение планет под влиянием гравитационного притяжения, удерживающего их на орбитах и не дающего им ни упасть на Солнце, ни покинуть Солнечную систему.

Наконец, следующие две модели характеризуют Солнце как персонаж, облеченный властью (мирской или духовной). Модель SUN IS PRIEST (Солнце – священник) также возникает при метафоризации гравитационного притяжения. В стихотворении «Song of the Hours» Солнце раскачивает Землю, словно кадило во время богослужения: *while the sun with his hid chain swings Like a censer around him the blossom-sweet earth* [3, p. 324]. В стихотворении «Ad Castitatem» Солнце-священник навечно отпускает грехи водам по причине их природной чистоты и безгрешности: *... the waters bare Their bosoms to the air, And with confession never done Admit the sacerdotal sun, Absolved eternally By his asperging eye* [3, p. 344]. Модель SUN IS KING (Солнце – царь) реализуется в двух противоположных по смыслу ситуациях. В «Ode to the Setting Sun» заходящее Солнце сравнивается со свергнутым государем «лазурной империи», лишенным власти (хотя и не лишенным величия) и сброшенным с «древнего трона»: *O setting Sun, that as in reverent days Sinkest in music to thy smoothed sleep, Discrowned of homage, though yet crowned with rays* [3, p. 206]; *shaken from thine antique throne, And sunken from thy coerule empery* [3, p. 211]. В стихотворении же «Song of the Hours» Утренние часы, готовя наступление рассвета, спрашивают друг у друга: *Is it ready, the burnished bridge We must cast for our King o'er the sea?* [3, p. 328], т. е. Солнце вернуло себе трон и готово снова вступить в свои владения.

Несмотря на то, что Солнце в подавляющем большинстве случаев выступает в мужском облике, оно бывает и андрогинным и может исполнять функции, свойственные женщине (SUN IS WETNURSE (Солнце – кормилица)), например, кормить грудью: *twi-form deity, nurse at once and sire! Thou genitor that all things nourishest! The earth was suckled at thy shining breast, And in her veins is quick thy milky fire* («Ode to the Setting Sun») [3, p. 208]. Впрочем, в роли кормилицы выступает и Луна (см. выше).

Все эти модели, так или иначе, связаны с центральной для творчества Томпсона моделью SUN IS GOD/SUN IS CHRIST (Солнце – бог/Солнце – Христос). Солнце ассоциируется с языческими богами (Дионисом, Аполлоном, титаном Гиперионом), ветхозаветным Богом, но прежде всего – с Христом. Как отмечает М. Дж. Керни, «Orient Ode» – один из первых примеров поэтического изложения католической доктрины о Мистическом Телес Христовом [4, p. 132], т. е. о единстве Христа и Церкви, в роли которой здесь выступает вся Вселенная. Однако эти же идеи можно встретить и в других произведениях Томпсона. В начале «Orient Ode» восход Солнца описывается как сцена из Ветхого завета (несение ковчега Завета, перед которым пляшет царь Давид) (2 Цар. 6): *God whom none may live and mark! Borne within thy radiant ark, While the Earth, a joyous David, Dances before thee from the dawn to dark* [3, p. 148]. В «Ode to the Setting Sun» присутствует и отсылка к этой же сцене (в том числе упоминание музыкальных инструментов), и отсылка к сцене уже из Нового завета – Входу в Иерусалим (с упоминанием пальмовых ветвей, которые жители Иерусалима бросали под ноги Иисусу): *High was thine Eastern pomp inaugural; But thou dost set in statelier pageantry, Lauded with tumults of a firmament: Thy visible music-blasts make deaf the sky, Thy cymbals clang to fire the Occident, Thou dost thy dying so triumphally: I see the crimson blaring of thy shawms! Why do those lucent palms Strew thy feet's failing thicklier than their might?..* [3, p. 206].

В «Orient Ode» лирический герой уподобляет себя одному из волхвов, пришедших поклониться младенцу Христу, но вместо золота, ладана и смирны он дарит Солнцу свои стихи: *Lo, of thy Magians I the least Haste with my gold, my incenses and myrrhs, To thy desired epiphany, from the spiced Regions and odorous of Song's traded East* [3, p. 153]. При этом бог-Солнце подчиняется христианскому Богу и может только уподобляться ему, но не быть ему равным, как творение не может быть равно Творцу: *Not unto thee, great Image, not to thee Did the wise heathen bend an idle knee <...> God has given thee visible thunders To utter thine apocalypse of wonders; And what want I of prophecy, That at the sounding from thy station Of thy flagrant trumpet, see The seals that melt, the open revelation?* [3, p. 152]; *Thou dost image, thou dost follow That King-Maker of Creation, Who, ere Hellas hailed Apollo, Gave thee, angel-god, thy station <...> Like Him thou hang'st in dreadful pomp of blood Upon thy Western rood* [3, p. 211].

Дева Мария в стихотворении «Assumpta Maria» говорит о себе: *I the Hostel of the Sun am* [3, p. 177], но Солнце в данном случае – иносказание для Христа, и здесь можно также видеть зеркально противоположную модель, распространенную в христианской гимнографии – CHRIST IS SUN (Христос – Солнце): *Whence He sprung, there He returneth, Mystic Sun, – the Virgin's Womb, Hidden Sun, His beams so near us, Cloud enpillared as He was From of old, there He, Ischyros, Waits our search, Athanatos* [3, p. 179].

**Группа SUN IS ANIMAL (Солнце – это животное).** Эта группа моделей, как и в случае с образом Луны, – самая немногочисленная, и обе входящие в нее модели тоже связаны

---

Образы Луны и Солнца в поэзии Ф. Г. Томпсона 139

между собой, но в данном случае – общим прецедентным текстом (Библией). Модель SUN IS LION (Солнце – лев) использована в «Orient Ode»: *Samson's riddling meanings merging In thy twofold sceptre meet: Out of thy minatory might, Burning Lion, burning Lion, Comes the honey of all sweet, And out of thee, the eater, comes forth meat* [3, p. 150], однако здесь имплицитно представлена и модель SUN IS BEE (Солнце – пчела). Словосочетание *Samson's riddling* отсылает к тексту библейской Книги Судей, а именно к загадке Самсона о пчелах в мертвом льве: «из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое» (Суд. 14:14), в Библии короля Иакова: *Out of the eater came forth meat, and out of the strong came forth sweetness*. Если в тексте Библии мертвый лев – просто вместилище пчелиной колонии и играет пассивную роль, то у Томпсона Солнце – «пылающий лев», само порождает «сладчайший мед» жизни, радости и благодати, а так как мед производят пчелы, то Солнце здесь одновременно и лев, и пчела. Модель SUN IS BEE представлена и в «Ode to the Setting Sun»: *If with exultant tread Thou foot the Eastern sea, Or like a golden bee Sting the West to angry red* [3, p. 212]. Здесь заметна отсылка к другому выражению библейского происхождения: «Смерть, где твое жало?» (*O death, where is thy sting?*). Запад как часть света ассоциируется с закатом, тьмой и смертью, и заходящее солнце, уподобленное в этом же стихотворении распятому Христу (см. выше), жалит западное небо, знаменуя победу над «жалом смерти» и предвещая свое утреннее возвращение к жизни.

**Группа SUN IS INANIMATE OBJECT (Солнце – неодушевленный предмет).** Эта группа тоже немногочисленна по сравнению с группой SUN IS HUMAN BEING, но более многочисленна по сравнению с группой MOON IS INANIMATE OBJECT.

Модель SUN IS MUSICAL INSTRUMENT (Солнце – музыкальный инструмент), вероятно, связана с явлением синестезии (красно-оранжевая гамма рассветного или закатного неба ассоциируется с громкими, резкими и при этом торжественными звуками). Музыкальные инструменты (трубы, кимвалы, шалмеи) упоминаются как атрибуты Солнца-воина, Солнца-государя или Солнца-бога, однако Солнце и само по себе может издавать звуки, напоминающие звуки гонга или барабана и способные вызывать землетрясение: *So fearfully the sun doth sound Clanging up beyond Cathay; For the great earthquaking sunrise rolling up beyond Cathay* («The Mistress of Vision») [3, p. 135].

Модель SUN IS LIQUID (Солнце – жидкость) употребляется редко. В стихотворении «Song of the Hours» облака сравниваются с «белоснежными скакунами», купающимися «в потоках Солнца»: *While the winds in their tricksome courses The snowy steeds vault upon That are foaled of the white sea-horses And washed in the streams of the sun* [3, p. 327].

Чаще применительно к образу Солнца употребляются модели, связанные со светом, огнем и жаром, что вполне естественно. При этом модель SUN IS FIRE (Солнце – огонь) также не слишком частотна (по крайней мере, в эксплицитном виде). Она встречается, например, в «Ode to the Setting Sun»: *The red sun, A bubble of fire, drops slowly toward the hill* [3, p. 205]. В «Orient Ode», помимо модели SUN IS FIRE, фигурирует модель SUN IS (BURNING) COAL (Солнце – горящий уголь), отсылающая к Книге пророка Исайи: *Lo, my suit pleads That thou, Isaian coal of fire, Touch from yon altar my poor mouth's desire, And the relucant song take for thy sacred meeds* [3, p. 152]. Солнце, дающее поэту вдохновение, сравнивается с углем, взятым с жертвенника, которым серафим касается уст пророка, очищая его от грехов

(Ис. 6:6-7). Модель SUN IS LAMP (Солнце – светильник) имплицитно присутствует в стихотворении «Buona Notte» в монологе лирического героя – призрака поэта Шелли, который рассказывает возлюбленной, Джейн Уильямс, о своей гибели во время шторма: *Tempest curtained me about And turned the sun with his own hand out* [3, p. 300]. Название стихотворения (отсылка к последнему письму Уильямс к Шелли) переводится с итальянского как «Спокойной ночи», и смерть выглядит мирным отходом ко сну: шторм, словно заботливая нянька или мать, задерживает занавеси у кровати персонажа и гасит солнце, как ночник.

Отдельную группу составляет подгруппа моделей SUN IS OBJECT OF WORSHIP (Солнце – предмет богослужения), связанная с моделью SUN IS GOD/SUN IS CHRIST: Солнце – и бог (или метафора христианского Бога), и то, с помощью чего ему служат. Стихотворение «Orient Ode» открывается развернутой метафорой смены времен суток как ритуала адорации, в основе которой лежит модель SUN IS HOST (Солнце – гостия; в данном случае нельзя говорить о полностью неодушевленном объекте, если иметь в виду символизм гостии как Тела Христова): *Day, a dedicated priest In all his robes pontifical exprest, Liftheth slowly, liftheth sweetly, From out its Orient tabernacle drawn, Yon orb'd sacrament confest Which sprinkles benediction through the dawn; And when the grave procession's ceased, <...> Sets, for high close of the mysterious feast, The sun in august exposition meetly Within the flaming monstrance of the West* [3, p. 148]. При адорации преждеосвященные Св. Дары (гостия, круглый хлебец для причастия) выставляются на алтарь в монстрации (*monstrance*) – сосуде, напоминающем солнце с расходящимися лучами. К ритуалу причастия отсылают и другие строки из этого же стихотворения: *in glad twinkling advent, thou dost dwell Within our body as a tabernacle! <...> The heavens renew their innocence And morning state But by thy sacrament communicate <...> Thou, for the life of all that live The victim daily born and sacrificed <...> To thee, O Sun – or is't perchance, to Christ?* [3, p. 153]. В «The Mistress of Vision» при описании волшебного сада Госпожи Видений в колеблющемся свете низко стоящего над горизонтом солнца, лучи которого напоминают ладанный дым, используется модель SUN IS THURIBLE (Солнце – кадило), хотя сам использованный троп – сравнение, а не метафора: *The sun which lit that garden wholly, Low and vibrant visible, Tempered glory woke; And it seemed solely Like a silver thurible Solemnly swung, slowly...* [3, p. 132]. Метафорическая модель SUN IS CUP (Солнце – чаша), используемая в стихотворении «The Song of Hours» при описании рассвета, хотя и не может быть безоговорочно отнесена к этой группе (это может быть и чаша для причастия, и сосуд с жертвенной кровью, и обычный кубок вина), но некий религиозный или магический ритуал здесь явно подразумевается: *The bowed East liftheth the dripping sun, A golden cup, to the lips of Night, Over whose cheek in flushes run The heats of the liquid light* [3, p. 328].

**Заключение.** На основании анализа текстового материала можно прийти к следующим выводам. Образы Луны и Солнца противопоставляются по ряду параметров. Солнце – центральный образ в творчестве Томпсона, активно действующий и даже агрессивный персонаж, ассоциирующийся с творчеством, поэзией, музыкой, страстью, огнем и светом, наполняющий Вселенную жизнью, красотой и любовью и нередко уподобляющийся Христу (хотя языческие элементы в его образе тоже присутствуют). Луна – зачастую холодная, пассивная, целомудренная, более связанная с языческой мифологией и ассоциирующаяся с водой или

металлом, однако нельзя в полной мере противопоставлять ее Солнцу, как женское начало – мужскому, так как Солнце может быть андрогинным. И Луна, и Солнце могут ассоциироваться со смертью и умиранием, но именно Луна связана со смертью напрямую, при этом связь Луны со смертью не делает ее образ негативным: Луна отвечает за смену природных циклов, в том числе за смену поколений. И Солнце, и Луна связаны с поэтическим творчеством, при этом Луна выступает как посредница между Солнцем – божеством поэзии, и людьми, пересказывая им слова Солнца и готовя звездное вино, дарующее вдохновение.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казакова О. В. Поэтика Фрэнсиса Томпсона: дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2003.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
3. Thompson F. H. *The Collected Poetry of Francis Thompson*. London: Hodder & Stoughton, 1913.
4. Kearney M. J. *Francis Thompson and His Relationship to the 1890's*. Chicago, 1947. URL: [https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1636&context=luc\\_theses](https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1636&context=luc_theses) (дата обращения: 05.07.2023).
5. Dimond W. B. *The Sun in the Poetry of Francis Thompson*. Chicago, 1936. URL: [https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=luc\\_theses](https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=luc_theses) (дата обращения: 05.07.2023).

#### Информация об авторе.

**Семенихина Мария Васильевна** – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 17 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, классическая филология, английская литература, поэтика художественного текста.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 17.07.2023; принята после рецензирования 15.09.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

### REFERENCES

1. Kazakova, O.V. (2003), "The Poetics of Francis Thompson", Can. Sci. (Philology) Thesis, MSU, Moscow, RUS.
2. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live by*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
3. Thompson, F.H. (1913), *The Collected Poetry of Francis Thompson*, Hodder & Stoughton, London, UK.
4. Kearney, M.J. (1947), *Francis Thompson and His Relationship to the 1890's*, Chicago, 1947, available at: [https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1636&context=luc\\_theses](https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1636&context=luc_theses) (accessed 05.07.2023).
5. Dimond, W.B. (1936), *The Sun in the Poetry of Francis Thompson*, Chicago, 1936, available at: [https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=luc\\_theses](https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=luc_theses) (accessed 05.07.2023).

#### Information about the author.

**Maria V. Semenikhina** – Senior Lecturer at the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 17 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, Classical philology, English literature, poetic of literary text.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 17.07.2023; adopted after review 15.09.2023; published online 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 81'272  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-143-160>

## Некоторые социолингвистические особенности франко-английского билингвизма в Канаде

Валерия Дмитриевна Мельникова<sup>1</sup>, Любовь Александровна Ульяницкая<sup>2✉</sup>

<sup>1,2</sup>Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»  
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

<sup>1</sup>[neytronka2001@mail.ru](mailto:neytronka2001@mail.ru)

<sup>2✉</sup>[ulianitckaia\\_liubov@mail.ru](mailto:ulianitckaia_liubov@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>

**Введение.** Необходимость сохранения франкоязычной культуры и языка на территории Канады в условиях глобализации, распространения американской массовой культуры и значительного воздействия английского языка как мирового объясняет актуальность исследования. Цель работы – выделить и проанализировать социолингвистические особенности существования французского языка в англоязычной конкурирующей среде в Канаде.

**Методология и источники.** В исследовании использовались следующие социолингвистические методы: описательный метод, метод сравнения, метод сплошной выборки, метод социолингвистического анализа, количественный метод обработки данных, анкетирование. Материалом для исследования послужили СМИ Канады, законодательные акты, регламентирующие языковую политику государства, данные, полученные в результате опроса граждан Канады, а также использованы 5234 надписи, собранные в пяти городах Канады для изучения языкового ландшафта страны.

**Результаты и обсуждение.** Согласно канадским законодательным актам, французский и английский языки имеют равный статус на парламентских чтениях, в системе предоставления государственных услуг и в быту, а также в образовании, на радио и телевидении. И все же английский является доминирующим языком и обладает большим престижем на всей территории Канады. Все собранные данные свидетельствуют о явном превосходстве английского языка как основного средства коммуникации в сферах СМИ, рекламы и политики. Действующие законодательные акты, направленные на защиту и поддержку использования обоих официальных языков, соблюдаются не в полной мере, о чем говорят многочисленные жалобы жителей Канады комиссару по официальным языкам.

**Заключение.** В Канаде сложилась многокомпонентная экзоглоссная языковая ситуация с двумя официальными языками – английским и французским, для которой характерно существование естественного билингвизма. Языковые меньшинства в лице англофонов в Квебеке и франкофонов за его пределами могут испытывать проявления языковой дискриминации, создавая напряженности между жителями одной страны. Французский язык подвергается значительному влиянию со стороны мажоритарного английского языка и языков иммигрантов, которые преобладают в лингвистическом ландшафте городов Канады.

**Ключевые слова:** Канада, билингвизм, социолингвистика, языковой ландшафт, языковая политика

© Мельникова В. Д., Ульяницкая Л. А., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

**Для цитирования:** Мельникова В. Д., Ульяницкая Л. А. Некоторые социолингвистические особенности франко-английского билингвизма в Канаде // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 143–160. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-143-160.

Original paper

## Several Sociolinguistic Particularities of French-English Bi-Lingualism in Canada

**Valeriia D. Melnikova<sup>1</sup>, Liubov A. Ulianitckaia<sup>2</sup>**

<sup>1,2</sup>*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

<sup>1</sup>*neytronka2001@mail.ru*

<sup>2</sup>*ulianitckaia\_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>*

**Introduction.** The relevance of the study is explained by the necessity to preserve French-speaking culture and language on the territory of Canada in the conditions of globalization, the spread of American mass culture and the significant impact of English as a global language. The purpose of the work is to describe and analyze the sociolinguistic particularities of the existence of the French language in the English-speaking competitive environment in Canada.

**Methodology and sources.** During the study, the following sociolinguistic methods were used: descriptive method, comparison method, continuous sampling method, sociolinguistic analysis method, quantitative data processing method, questionnaire survey. The research is based on the material of Canadian media, legislative acts regulating the state's language policy, data obtained through surveys of Canadian citizens, and 5,234 inscriptions in five Canadian cities which were selected to examine the country's linguistic landscape.

**Results and discussion.** Under Canadian laws, French and English have equal status in parliamentary readings, in public services and in everyday life, as well as in education, radio and television. However, English is the dominant language and has great prestige throughout Canada. All of the evidence collected shows the decisive superiority of English as the primary means of communication in media, advertising and politics. Existing legislation to protect and promote the use of both official languages is not fully enforced, as evidenced by numerous complaints from Canadians to the Commissioner of Official Languages.

**Conclusion.** In Canada, a multi-component exoglossic linguistic situation has developed with two official languages – English and French, which is characterized by the existence of natural bilingualism. Linguistic minorities, such as Anglophones in Quebec and Francophones outside Quebec, may experience linguistic discrimination, creating tensions between residents of the same country. French is significantly influenced by the majority English and immigrant languages that dominate the linguistic landscape of Canadian cities.

**Keywords:** Canada, bilingualism, sociolinguistics, language landscape, language policy

**For citation:** Melnikova, V.D. and Ulianitckaia, L.A. (2023), "Several Sociolinguistic Particularities of French-English Bi-Lingualism in Canada", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 143–160. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-143-160 (Russia).

**Введение.** Языковая ситуация в Канаде представляет собой сложное и многогранное явление, которое отражает богатое культурное и этническое наследие страны. Ее уникальный языковой ландшафт формируется многообразием языковых групп, миграционными процессами, влиянием глобализации и языковой политикой. Двужычие, языковые меньшинства, мультикультурализм – все это неотъемлемые части языковой ситуации страны,

изучение которой позволяет лучше понять особенности существования французского языка в англоязычной конкурирующей среде.

В Канаде сосуществуют два официально признанных государственных языка: английский и французский. Кроме того, на территории страны функционируют языки автохтонного населения, например, кри, дене, инуктитут, и языки иммигрантов – китайский, испанский, арабский, итальянский, немецкий и др.

На сегодняшний день наблюдается следующее языковое соотношение: доля франкоговорящего населения составляет 21 %, англоговорящего – 75 % [1]. Большая часть франкоканадцев проживает в провинции Квебек (82 %), где французский является первым языком для большинства ее граждан, а английский – языком меньшинства (13 %). В остальных провинциях и территориях превалирует английский язык: Нью-Брансуик (69 % против 30 %), Ньюфаундленд и Лабрадор (99 % против 1 %), Остров принца Эдуарда (96 % против 3 %), Новая Шотландия (97 % против 3 %), Онтарио (93 % против 3 %), Манитоба (96 % против 3 %), Саскачеван (98 % против 1 %), Альберта (97 % против 2 %), Британская Колумбия (95 % против 1 %), Юкон (95 % против 5 %), Северо-Западные территории (96 % против 3 %) и Нунавут (93 % против 2 %) [2].

Согласно данным переписи населения, за последние 50 лет доля франкоговорящих жителей страны значительно уменьшилась. Так, в 1971 г. франкофонов было 27 %, в 1996 г. – 24 %, а в 2016 – всего 22 % от общего числа населения [3]. Сокращение численности франкоязычного населения обусловлено различными факторами, включая естественный прирост (рождаемость и смертность), а также факторов, связанных с внутренней и международной миграцией. Поэтому во всех провинциях и территориях французский язык пользуется правовой защитой и поддержкой со стороны правительства и государственных учреждений.

Билингвизм как социальное явление – неотъемлемая часть канадской идентичности на протяжении многих лет. Он обусловлен историей и правовой системой страны. Закон об официальных языках (The Official Languages Act) 1969 г. закрепил английский и французский в качестве официальных языков Канады, гарантируя предоставление услуг на обоих языках во всех федеральных учреждениях [4].

В Канаде число билингвов, владеющих обоими официальными языками, в период с 1996 по 2021 г. выросло с 17 до 18 % [5]. Двужычие значительно варьируется в зависимости от региона, возрастной группы и первого официального языка, на котором говорят жители страны.

Канадское правительство поддерживает билингвизм и стимулирует его развитие через различные программы. Например, существует так называемый бонус за двуязычие – ежегодная выплата в 800 долларов для работников, которые занимают двуязычную должность и подтвердили языковой уровень, требуемый для этой должности [6]. Эта программа существует с конца 1970-х гг. и распространяется на англо-французских билингвов.

В стране существуют три законодательных уровня, которые регулируют политику двуязычия: федеральный, провинциальный и территориальный. Так, в 1963–1970 гг. была создана Королевская комиссия по билингвизму и бикультурализму, важным результатом работы которой стал первый Закон об официальных языках. Этот федеральный закон, принятый парламентом в 1969 г., закрепил за французским и английским равный статус

официальных языков органов власти федерального значения [7]. Кроме того, закон направлен на развитие и поддержку англофонных и франкофонных сообществ в миноритарной ситуации, а также на обеспечение равенства двух языков в канадском обществе. В 2005 г. была создана должность комиссара по официальным языкам для контроля за соблюдением этого закона.

Согласно другому документу – Хартии прав и свобод, каждый имеет право использовать английский или французский язык в ходе любых дебатов и других заседаний парламента. Речи премьер-министра Канады в парламенте и на общественных мероприятиях должны быть на английском и французском языках. Все канадские федеральные служащие обязаны уметь объясняться по-английски и по-французски. Уставы, протоколы и журналы парламента должны печататься и публиковаться на обоих языках, и обе языковые версии являются одинаково авторитетными. Более того, любое лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, может ходатайствовать о том, чтобы уголовное разбирательство велось на французском или английском языке, или на обоих языках [8]. Все документы и официальные тексты в обязательном порядке дублируются на двух языках.

Провинции и территории имеют собственные законы, связанные с официальными языками, которые могут отличаться от федерального закона [9]. Например, в провинции Нью-Брансуик в 1969 г. был принят свой закон об официальных языках, вводящий официальное двуязычие, а в Онтарио было принято решение о предоставлении услуг на французском языке лишь в некоторых районах провинции и на временной основе.

Хартия прав и свобод и Закон об официальных языках отражают важную историческую, политическую и культурную роль Квебека, где французский язык стал ключевым фактором формирования Квебекской национальной идентичности. После долгой борьбы населения провинции за свои языковые и культурные права в условиях англоязычного доминирования в 1977 г. была принята Хартия французского языка, которая является основным языковым законом этой провинции. Этот закон сделал французский единственным официальным языком Квебека и установил ряд правил и обязанностей для государственных органов, предприятий, образовательных учреждений и частных лиц в отношении использования французского языка. Поэтому, например, с 2016 г. общественные вывески, плакаты и коммерческая реклама должны быть на французском языке, и французский должен «заметно преобладать», если наряду с ним используется другой язык. Любая новая или заменяющая вывеска, содержащая не французский товарный знак, должна иметь «достаточное присутствие французского языка». Например, розничный магазин одежды, который ранее использовал вывески, содержащие только его товарный знак COOLKIDS, должен соответствовать новым правилам, используя вывески со следующим текстом: *Vêtements COOLKIDS*. Однако на нефранцузские фамилии, имена и географические названия, например Tim Hortons и McDonald's, новые требования не распространяются. Несоблюдение этих правил может привести к штрафам: для физических лиц – до \$ 6000 за первое нарушение и до \$ 20 000 – для предприятий, при этом штрафы удваиваются за последующие нарушения [10]. Были случаи, когда предприятия были оштрафованы за вывески только на английском языке, как, например, монреальский гастроном, который Квебекское управление французского языка (Office québécois de la langue française – OQLF) оштрафовало на 1500 долларов [11].

Помимо законодательного уровня защиты и поддержки официальных языков, существует ряд официальных языковых программ. Например, the Canadian Language Diversity Project («Проект языкового разнообразия в Канаде»), the Language Rights Support Program («Программа поддержки языковых прав»), Action Plan for Official Languages – 2018–2023: Investing in Our Future («План мероприятий по официальным языкам – 2018–2023: вклад в наше будущее»), который направлен на поддержку официальных языковых меньшинств и продвижение английского и французского языков в канадском обществе. План предусматривает инвестиции в размере 499,2 млн долларов в течение пяти лет, что является крупнейшей федеральной инвестицией в официальные языки в истории Канады. Другой пример – институциональные реформы в рамках программы La Francophonie («Франкофония»), которые направлены на оснащение учреждений необходимыми инструментами для продвижения и защиты французского языка. Эти инициативы способствуют языковой интеграции и взаимопониманию межкультурного населения, а также обеспечивают условия для гармоничного сосуществования английского и французского языков в стране.

Таким образом, отличительной особенностью языковой политики Канады является сочетание нескольких языковых политик: централизованной, осуществляемой федеральным правительством, и региональных, проводимых провинциальными правительствами, в частности Квебека. По закону французский и английский языки имеют равный статус на парламентских чтениях, в системе предоставления государственных услуг и в быту, а также в образовании, на радио и телевидении.

**Методология и источники.** Методы лингвистического исследования, использовавшиеся в работе, обусловлены ее целью, задачей и характером материала исследования. В процессе решения поставленных задач применялись описательный метод, метод сравнения, метод сплошной выборки, метод социолингвистического анализа, метод количественной обработки данных, интернет-мониторинг, анкетирование.

Материалом для исследования послужили СМИ Канады (газеты, телевидение, радио), законодательные акты, регламентирующие языковую политику государства, данные, полученные в результате опроса граждан Канады и интернет-мониторинга, также использованы 5234 надписи, собранные в пяти городах Канады для изучения языкового ландшафта.

#### **Результаты и обсуждение.**

##### ***Соблюдение языковых прав в государственных и муниципальных учреждениях Канады.***

Как уже упоминалось, в Канаде существует официальная политика двуязычия, которая предполагает равноправие английского и французского языков во всех сферах общественной жизни. Тем не менее фактически ситуация выглядит иначе. Согласно отчету, опубликованному комиссаром по официальным языкам, в стране наблюдаются системные случаи несоблюдения Федерального закона об официальных языках. В отчете приведены некоторые систематические проблемы:

- 1) разделение внутри правительства ответственности за официальные языки является неясным и неэффективным;
- 2) языковые права не всегда соблюдаются;
- 3) граждане не всегда могут получить услуги на официальном языке по своему выбору в федеральных учреждениях;

4) в двуязычных регионах сотрудники федеральных учреждений не всегда могут работать на официальном языке по своему выбору;

5) граждане не всегда могут голосовать на официальном языке по своему выбору, хотя это является их основным правом [12].

В связи с этими положениями были найдены примеры несоблюдения языковых прав в государственных и муниципальных учреждениях Канады.

**Больницы.** Комиссар по официальным языкам в Нью-Брансуике получил 127 жалоб об отсутствии языкового равенства в медицинских учреждениях, 14 из которых были связаны с невозможностью получить медицинскую услугу на английском языке, а 113 – на французском языке [13]. Последствия отсутствия медицинского обслуживания на официальных языках могут быть опасными и даже угрожать жизни. Недопонимание между медицинскими работниками и пациентами из-за языкового барьера может привести к неправильному диагнозу и лечению, к осложнениям и даже смерти. Более того, граждане могут пропускать медицинские обследования или визиты к врачу, потому что ранее они не получили должного обслуживания на одном из официальных языков по выбору. Таким образом, граждане, владеющие только английским или только французским языком, могут не иметь доступа к медицинскому обслуживанию того же качества, что и другие канадцы, несмотря на всеобщее медицинское страхование.

**Полиция.** В 2018 г. полицейской комиссией Нью-Брансуика было проведено расследование, которое показало, что два офицера полиции Фредериктона (столица провинции Нью-Брансуик) нарушили языковые права. Они не смогли объясниться с двумя женщинами на французском языке во время остановки автомобиля для проверки документов. На просьбу одной из женщин подождать франкоговорящего сотрудника один из офицеров повысил голос, пригрозив штрафом за отказ в предоставлении страховки [14]. Тем не менее, по словам заместителя начальника полиции Фредериктона, за последние два десятилетия число сотрудников, которые немного могут говорить по-французски, увеличилось.

**Аэропорты.** В 2018 г. Мишель Тибодо подал 11 жалоб комиссару по официальным языкам в отношении двух аэропортов в Альберте и Ньюфаундленде и Лабрадоре. Он утверждал, что аэропорты не перевели информацию на своем сайте. Было обнаружено, что годовые отчеты, пресс-релизы, а также публикации аэропортов в социальных сетях были только на английском языке. Судья федерального суда обязал оба аэропорта выплатить Мишелю Тибодо около 20 тыс. долларов в качестве компенсации за нарушение прав использования официальных языков [15]. Федеральный суд подтвердил, что франкофоны имеют право на обслуживание на французском языке в крупнейших аэропортах страны.

В 2018 г. Федеральный суд Канады постановил, что компания Air Canada, которая подчиняется Закону об официальных языках, выполняя рейс из Форт-Лодердейла (США) в Канаду, нарушила право пассажира на обслуживание на французском языке [16]. Спустя время суд установил, что авиакомпания предприняла шаги для улучшения обслуживания на обоих официальных языках.

### ***Использование английского и французского языков в канадских СМИ.***

По данным на 2023 г., в Канаде функционирует примерно 1107 газетных изданий различной тематики и периодичности [17]. Из них 75 % приходится на англоязычные газеты,

23 % – на франкоязычные газеты, остальные 2 % – газеты на других языках: китайском, арабском, немецком, итальянском, японском и др. [18, 19]. Также некоторые газеты доступны как на английском, так и на французском языках, например, *Le Droit*, *The Chronicle Herald*, *The Montreal Gazette*, *The Telegram* и др.

Однако не только печатные СМИ отражают языковое неравенство Канады. Радиовещание в стране осуществляется на английском и французском языках, на восьми языках коренных народов и пяти других иностранных языках [20]. В 2018 г. в стране функционировала 841 радиостанция, из которых большинство (489 или 58 %) имели лицензию на вещание исключительно на английском. На втором месте по численности были радиостанции с лицензией на вещание только на французском языке (232 или 28 %). Оставшиеся 120 (или 14 %) имели право вещать как на английском, так и на французском языках [21, 22].

Большая часть радиостанций, вещающих на французском языке, находятся в провинции Квебек, например, *Montréal 98.5 FM*, *Energie 94.3 FM*, *CIEL 103.7 FM*, *CBF-FM*. Несмотря на единственный официальный язык, даже в этой провинции наблюдается использование английского языка в радиовещании. Так, например, на радиостанции *CHOI Radio X 98.1* во время рекламной паузы звучат названия англоязычных компаний: *Party expert*, *Planet of electronics*.

Телевидение является мощным инструментом для поддержания французского языка. Точный процент телевизионных программ в Канаде, которые транслируются на французском, может варьироваться в зависимости от источника и метода измерения. Однако, согласно отчету *CRTC1*, основанному на средних еженедельных часах просмотра канадских телевизионных служб в 2018 г., на франкоязычные программы приходилось 28 % от общего количества часов просмотра, а на англоязычные – 67 %, остальные 5 % – программы на других языках [21].

Немаловажную роль в ситуации двуязычия играет субтитрование телепередач. Субтитры на втором официальном языке – это один из способов обеспечения языковой доступности телевизионного контента для различных групп зрителей. В Канаде существуют разные правила и практики использования субтитров в зависимости от тематики и типа канала, а также региона транслирования. Некоторые каналы по закону обязаны предоставлять возможность использования субтитров для всех своих программ, например крупнейший государственный телеканал *CBC/Radio-Canada*, другие телеканалы могут предоставлять субтитры добровольно, например *ABC Spark1*, *BBC First1*, *Disney Channel2*.

Субтитры также могут встречаться в кинотеатрах Канады, однако их наличие не является обязательным. Субтитрование англоязычных фильмов на французский язык в основном распространено во франкоязычных провинциях, таких как Квебек и Нью-Брансуик. Большинство крупных кинотеатров оборудованы устройствами для просмотра субтитров на отдельных экранах, которые в основном предназначены для глухих или слабослышащих людей [23]. Однако их могут получить все категории граждан.

### ***Исследование использования и восприятия официальных языков жителями Канады.***

Для более точного определения особенностей функционирования французского языка было проведено исследование среди респондентов, проживающих в Канаде, посредством

анкетирования. В исследовании приняли участие 44 респондента в возрасте от 16 до 54 лет. Из них 23 человека мужского пола, 20 – женского; 1 человек предпочел не говорить о своем гендере. Большая часть респондентов проживает в Квебеке (21) и Онтарио (18); из Британской Колумбии 2 респондента, из провинций Саскачеван, Альберта и Манитоба по одному. Анкетирование было доступно на двух языках: французском и английском. Большая часть респондентов выбрали анкетирование на английском языке (29), на французском (15) анкету заполняли в основном жители провинции Квебек.

В ходе анкетирования было выявлено несколько положений об использовании и восприятии официальных языков Канады:

– английский язык обладает большим престижем на территории Канады – так ответили 32 респондента из 44; 2 человека уверены, что официальные языки одинаково престижны;

– 23 человека отметили свободное владение как французским, так и английским языками, 14 из них – жители провинции Квебек, остальные респонденты из Квебека (6) являются носителями только французского языка; 8 респондентов из 18, проживающих в Онтарио, также заявили о своем двуязычии, один человек указал свое арабо-английское двуязычие; один из респондентов является англофоном с умеренным знанием французского языка; остальные 19 – носители только английского языка;

– большинство респондентов уверены, что Закон об официальных языках скорее не соблюдается (17) либо не соблюдается вообще (7). В то же время 13 респондентов утверждают обратное: Закон об официальных языках скорее соблюдается; остальные 7 человек уверены, что закон точно соблюдается.

Респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос о будущем развитии языковой ситуации в Канаде. Согласно полученным данным, языковая ситуация может развиваться по-разному:

– использование французского языка со временем будет уменьшаться (6) либо полностью исчезнет из повседневной жизни граждан (5) из-за влияния как английского языка, так и языков иммигрантов;

– английский язык будет развиваться и укрепит свое официальное положение на всей территории Канады (1);

– будет наблюдаться возрождение французского и вытеснение английского языка из провинций (2);

– языковая ситуация изменится к лучшему (4);

– французский язык сохранится только на территории Квебека (5), за пределами провинции будет доминировать английский язык;

– значительное влияние иммиграции может привести к доминированию таких языков, как китайский, испанский и язык панджаби (1);

– языковая ситуация останется неизменной (2);

– будет наблюдаться рост билингвизма среди франкоязычного населения (1).

Один респондент отметил, что даже франкоговорящие жители Квебека используют английские слова вместо французских. Один из жителей Квебека уверен, что изучение английского языка на территории провинции повысит уровень образованности франкофонного населения. Также респонденты отмечали поддержку французского языка со стороны

провинций: *In BC (British Columbia), there is a large effort to put students into French immersion, as many people see the benefit of learning an additional language...* – В Британской Колумбии прилагаются большие усилия для погружения учащихся в изучение французского языка, так как многие считают знание дополнительного языка преимуществом. Так, например, один респондент отметил, что двуязычным франкофонам в некоторых случаях удавалось получить большинство рабочих мест, также знание обоих языков является преимуществом при приеме на работу в правительство и может привести к повышению по службе. Однако существует большая напряженность между языковыми группами в Нью-Брансуике и Квебеке, где довольно враждебно относятся к английскому языку.

Относительно проводимой двуязычной политики Канады мнения респондентов разнятся: одни считают, что усилия по защите французского языка воспринимаются как предмет гордости, а не как уважение к французским корням; другие уверены, что законодательная база направлена на то, чтобы с помощью законодательных органов уменьшить обесценивание французского языка внешними силами и сокращение его распространенности.

***Исследование языкового ландшафта Канады (провинции Квебек, Онтарио, Альберта, Манитоба, Британская Колумбия).***

Исследование языкового ландшафта городов является важным инструментом для понимания культурных и языковых характеристик различных регионов Канады. Языковой ландшафт – это язык дорожных указателей, рекламных щитов, табличек – названий улиц, вывесок коммерческих магазинов и общественных учреждений [24, с. 25]. Мы понимаем под языковым ландшафтом все множество графических и письменных знаков и текстов, которые доступны наблюдателю в общественном пространстве.

Широкое распространение мобильных устройств и развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий позволило осуществить сбор и обработку данных с городских улиц Канады. В настоящее время существует большое количество изображений улиц в свободном доступе в приложении Google Maps [25]. Компания предоставляет картографические инструменты – панорамные виды и фотографии. Данные инструменты становятся все более детальными и набирают все большую популярность в области городских исследований.

Процесс сбора данных проводился в случайно выбранных точках на территориях пяти городов Канады: Монреаль, Оттава, Калгари, Виннипег и Ванкувер. Все города являются крупнейшими в провинциях Квебек, Онтарио, Альберта, Манитоба и Британская Колумбия. Вручную были собраны надписи с изображений вывесок коммерческих магазинов и общественных учреждений, дорожных указателей и рекламных щитов. Общее количество собранных надписей составило 5234. Все надписи были разделены на 4 группы: только на французском языке, только на английском языке, на французском и английском языках и надписи на других языках.

С учетом языкового многообразия Канады могут быть выделены следующие категории надписей:

1. Дублирующие – надписи, которые передают одну и ту же информацию на разных языках: *Exit – Sortie, Don't drive high – Ne conduis pas gelé, Meilleur choix – Best choice, ARRÊT – STOP, Salle de Lecture de la Science Chrétienne – Christian Science Reading Room, Taekwondo – 태권도 (корейский), French Bakery&Coffee Shop – Boulangerie et café français, Please do not*

*spit – Merci de pas cracher – 请不要吐口水* (китайский). Всего было найдено 35 дублирующих надписей в Монреале, 32 – в Оттаве, 4 – в Калгари, 13 – в Виннипеге и 15 – в Ванкувере.

2. Смешанные – надписи, в которых разные части общей информации представлены на разных языках (французском и английском). Например, на коммерческой вывеске название магазина написано на одном языке, а тип продаваемых товаров или услуг – на другом: *Party expert: Party – Bonne Fete, Bienvenue Chez Cool & Simple, Home société, Shop santé, Patisserie du Soleil – Bakery Cafe, Le petit Boeuf – steak house*. Всего было найдено 13 смешанных надписей в Монреале, 4 – в Оттаве, 5 – в Калгари, 3 – в Виннипеге и 3 – в Ванкувере.

3. Смешанные дополняющие – надписи, в которых разные части общей информации представлены как на официальных языках Канады, так и на языках иммигрантов: *Kawalees – سيلاوك* (арабский, «за кулисами»), *Aux Herbes D’orient – Hăng Thuộc Dòng Phuong* (вьетнамский, «компания линии Phuong Line»), *Cafe Bab El-Hara – باب ترحل* (арабский, «открытый баб»), *Ottawa kebab – محفل اى لى و اشم* (арабский, «угольные грили»), *ten sushi – 天* (японский, «небеса»), *Spanish paella&Tapas Bar – Las canarias* (испанский, «канарейки»), *Grocery – thực phẩm á áu* (вьетнамский, «еда из Азии»). Всего было найдено 2 надписи такого типа в Монреале, 4 – в Оттаве, 1 – в Калгари, 5 – в Виннипеге и 12 – в Ванкувере.

4. Одноязычные – надписи на одном языке: *Sports experts, Private lessons available, Mi casa Burritos & Tacos* (испанский, «Мой дом Буррито и тако»), *Jardin de ville, Cibo Vino Musica* (итальянский, «Еда Вино Музыка»), *Exit Only, Open, City Vancouver Academy (High School) – 溫哥華城市學院 (高中)* (китайский, «Городской колледж Ванкувера, средняя школа»). В Монреале число одноязычных надписей составило 1017, из которых 1000 на французском языке; в Оттаве – 1006, из которых 1000 на английском языке; в Калгари – 1003, из которых 1000 на английском языке; 1005 – в Виннипеге, из которых 1000 на английском языке; в Ванкувере – 1003, из которых 1000 на английском языке.

Иммиграция оказала сильное влияние на многоязычие лингвистического ландшафта Канады. В ходе работы были обнаружены надписи на китайском (66), арабском (17), вьетнамском (7), японском (6), итальянском (4), испанском (3), персидском (5) и корейском (3) языках, а также на языках панджаби (3) и урду (1).

Наиболее часто встречающимися языками иммигрантов во всех городах являются китайский и арабский. Эти языки имеют большое количество носителей в Канаде и часто используются в местной рекламе, в сферах медицины и общественного питания.

Собранные надписи также могут быть разделены на частные и государственные. К частным, например, относятся надписи на коммерческих вывесках, рекламных щитах, плакатах и информационных вывесках. К государственным относятся надписи на дорожных указателях, зданиях органов власти и государственных учреждениях.

**Монреаль (провинция Квебек).** В провинции Квебек большинство вывесок, на которых представлены торговые марки крупных брендов, написаны на английском языке, однако рядом с названием бренда почти всегда есть французское слово, например: *McCafé McDonald’s, Café Starbucks, Coca-Cola L’amour, Les restaurants Burger king, Boutique New balance, Boutique Roots*. Некоторые владельцы заведений дублируют названия своих магазинов, ресторанов и услуг на английский язык: *Épicerie – Grocery, Bienvenue aux*

PAYSAGISTES – *Welcome to LANDSCAPERS*, Boulangerie – *Bakery*, Ongles – *Nails*: Acrylique – *Acrylic*.

Надписи, относящиеся к общественным учреждениям, такие как библиотеки, аптеки, больницы, почты и банки, чаще всего были представлены на французском языке. В провинции Квебек 13 % населения – англофоны, поэтому многие вывески и информационные листы продублированы на английский язык: *Bibliothèque et centre d'informatique – library and computer centre*, *Bureau de poste – Post Office*, *Bank of Monreal – Banque de Montréal*, *Mail commercial – Commercial Mall*. Надпись на здании правительства также представлена на двух языках: *Gouvernement du Canada – Government of Canada*.

Дорожные знаки в Монреале в основном написаны на французском языке, а для облегчения понимания используются пиктограммы. Однако некоторые дорожные знаки двуязычны: *ARRÊT – STOP*, *AVIS – NOTICE*. Более того, был найден знак, сочетающий в себе разные системы измерения высоты: *Entrée seulement – Entrance only (hauteur max. 2m, 6'7")/max height 2m, 6'7"*.

Таким образом, положение в Хартии французского языка о «заметном преобладании французского языка» соблюдается. Но есть случаи, когда встречаются надписи только на английском языке, например, на окраинах города были замечены дорожные знаки, не содержащие французских слов: *Bus Taxi, STOP*. В остальных случаях англоязычные надписи встречались на дверях магазинов или жилых домах и не относились к коммерческим, государственным или рекламным вывескам.

**Оттава (провинция Онтарио).** На федеральном уровне языковая политика Оттавы регулируется Законом об официальных языках. В Оттаве этот закон действует в соответствии с подзаконным актом о двуязычии, который признает двуязычный статус города [26]. Такая политика двуязычия гарантирует, что названия и услуги государственных учреждений переведены на французский язык. Например, названия больниц, библиотек и учебных заведений: *Ottawa Public Library – Bibliothèque Publique*, *Academy – Académie*, *The Ottawa Hospital – L'Hôpital d'Ottawa*, *University of Ottawa Heart Institute – Institut de cardiologie de l'Université d'Ottawa*.

Большую часть двуязычных надписей составляют дорожные знаки и указатели: *Fire route – Itinéraire des pompiers*, *Pay at machine – Payez à la distributrice*, *Bicycles excepted – Sauf les bisiclettes*, *Road closed – Route fermée*, *Taxi Stand – Station de taxis*, *Rue Gilmour St., Av. Laurier Ave., Loading Zone – Zone de chargement*. Стоит отметить, что почти все дорожные знаки – двуязычны. Как и в Монреале, на улицах Оттавы был найден знак, содержащий разные системы измерения высоты: *Clearance 13.9 ft – Hauteur 4.25m*.

Большинство частных надписей в городе, как правило, размещаются на английском языке. Несмотря на то, что ни в Законе об официальных языках, ни в подзаконном акте о двуязычии нет четкого указания на необходимость использования двуязычных коммерческих вывесок, они все же встречаются: *Vins Spiritueux – Wine Spirits*, *Home société*, *Rideau Sports Centre – Centre Sportif Rideau*.

Французский язык в Оттаве распространен в основном на государственных надписях; одной тысяче надписей только на английском языке соответствуют 30 надписей как на английском, так и на французском языках, 32 – на языках иммигрантов и 4 – только на

французском языке. Несмотря на то, что 15 % населения города составляют франкофоны, количество надписей только на французском языке минимально. Следовательно, языковой ландшафт Оттавы в меньшей степени отражает официальную политику двуязычия Канады, по сравнению с Монреалем, а также подчеркивает мультикультурный характер города.

**Калгари (провинция Альберта).** Официальным языком Альберты является английский, и провинция имеет статус одноязычной. Закон о языках (1988) подтверждает англоязычный характер провинции, признавая право на использование французского языка в Законодательном собрании Альберты и в некоторых судах. В результате большинство дорожных знаков, рекламных вывесок и правительственных зданий имеют надписи только на английском, а французский язык встречается редко, он является родным языком для 2 % населения [27] и занимает 12 место по регулярности использования в быту, уступая место даже русскому языку, который находится на 11 месте [28]. Тем не менее удалось найти 6 двуязычных смешанных надписей в сочетании английский и французский языки: *Eau Claire – Care Residence, Element café, La Boulangerie – Bakery Café, Le petit Boeuf – steak house, Patisserie du Soleil – Bakery Cafe, L'amour Beauty salon*; и две дублирующие надписи: *Bureau de post – Post office, Sortie – Exit*.

Вывеска Канадского транснационального инвестиционного банка – Bank of Montreal, основанного в провинции Квебек, в городах Оттава и Монреаль была двуязычной, однако в Калгари надпись представлена только на английском языке. Более того, был проведен анализ указателей и надписей около больничных учреждений города Калгари (как коммерческих, так и государственных). В результате, надписей на других языках обнаружено не было.

В 2020 г. городские власти установили двуязычные знаки STOP (*STOP – ARRÊT*), в честь французского наследия, однако спустя время знаки подверглись вандализму: франкоязычные надписи были покрашены краской [29]. Это может свидетельствовать о существующей напряженности между франкофонами и англофонами, а также о неприятии французского языка в этом городе. Как следствие, в Калгари было найдено только 2 одноязычных надписи на французском языке.

**Виннипег (провинция Манитоба).** В провинции Манитоба, как и в Альберте, официальным языком является английский. Тем не менее провинция привлекает франкоязычных иммигрантов и предлагает им поселиться во французском квартале Saint Boniface (Святой Бонифаций) города Виннипег [30]. Именно этот район содержит наибольшее число франкоязычных надписей. Например, названия школы, бассейна, парка, театра и библиотеки: *École Lacerte, Piscine du parc, Parc Windsor – Windsor Park, Théâtre circle molière, Bibliothèque – Library*. Дорожные знаки в этом районе также двуязычны: *Drive thru – à l'auto, MON-FRI – LUN-VEN*. Двуязычные дорожные знаки также встречаются на главных дорожных трассах Канады.

Остальная часть города является англоязычной. Рекламные вывески, дорожные знаки, названия правительственных зданий, учебных заведений и общественных учреждений (театры, библиотеки, аптеки) имеют надписи только на английском языке. Как и в Калгари, вывеска Канадского транснационального инвестиционного банка Bank of Montreal, не переведена на французский язык. В языковом ландшафте Виннипега также можно заметить резуль-

таты иммиграционного процесса. Так, в городе были обнаружены надписи на китайском (4), вьетнамском (2), итальянском (2), японском (1) языках и на языках панджаби (1) и урду (1).

**Ванкувер (провинция Британская Колумбия).** Ванкувер – лингвистически разнообразный город с большим количеством иммигрантов. В городе наблюдается одна из самых высоких концентраций этнических китайцев в Канаде. Согласно данным переписи населения 2011 г., 27 % населения города составляли китайские иммигранты, а 21,5 % иммигрантов приехали из Южной, Юго-Восточной и Западной Азии, Филиппин, Японии, Латинской Америки, Кореи и арабских стран [31]. Поэтому в городе было найдено наибольшее количество надписей на неофициальных языках, из которых 31 – на китайском. Большая часть китайских надписей находится в районе Richmond, в котором живет значительное количество китайских иммигрантов и инвесторов.

Официальным языком Британской Колумбии является английский, поэтому французский в городе практически не встречается. Канадцы, говорящие только на французском языке, составляют лишь 0,06 % населения, а 9,9 % являются англо-французскими билингвами [31]. Франкоязычные надписи используются в сферах общественного питания и косметических услуг: *Echo café, Le petit Spa – Your Beauty Sanctuary, Magnifique nail SPA, Baguette&Compagnie – French Bakery&Coffee Shop – Boulangerie et café français, C'est Mon Café*. Языки иммигрантов встречаются в сферах общественного питания, косметических услуг, розничной торговли и медицинской. Более того, одноязычных надписей на китайском языке (2) и на языке панджаби (2) больше, чем на французском (1). Все дорожные знаки, названия муниципальных и общественных заведений представлены на английском языке; медицинские центры и больницы также не оборудованы двуязычными надписями.

**Заключение.** Языковая ситуация в Канаде представляет собой сложное и многогранное явление, которое отражает богатое культурное наследие и разнообразие населения страны. В Канаде сложилась многокомпонентная экзогlossная языковая ситуация с двумя официальными языками – английским и французским, для которой характерно существование естественного билингвизма. Билингвизм в Канаде обусловлен историческими и правовыми факторами. Он характеризуется односторонней направленностью: франко-канадцы чаще владеют английским языком, чем англо-канадцы.

Уникальный языковой ландшафт Канады формируется под влиянием многообразия языковых групп, миграционных процессов, влиянием глобализации и языковой политики страны. Правозащитные механизмы в области официальной языковой политики направлены в большей степени на сохранение и поддержание французского языка как языка меньшинства. Отличительной особенностью Канады является сочетание нескольких языковых политик: централизованной, осуществляемой федеральным правительством, и региональных, проводимых провинциальными правительствами, в частности Квебека, которая продвигает изучение и распространение французского языка, вводя жесткие правила как для жителей страны, так и для приезжающих в страну иммигрантов.

Согласно законодательным актам, французский и английский языки имеют равный статус на парламентских чтениях, в системе предоставления государственных услуг и в быту, а также в образовании, на радио и телевидении. Однако они соблюдаются не в полной мере, о чем свидетельствуют полученные результаты исследования.

Проведенное исследование также говорит о явном превосходстве английского языка как основного средства коммуникации в сферах СМИ, рекламы и политики. Языковые меньшинства в лице англофонов в Квебеке и франкофонов за его пределами могут испытывать проявления языковой дискриминации, создавая напряженности между жителями одной страны. Французский язык подвергается значительному влиянию со стороны мажоритарного английского языка и языков иммигрантов, которые преобладают в лингвистическом ландшафте городов Канады. Будущее развитие языковой ситуации зависит от развития проводимой политики в отношении официальных языков. Являясь неотъемлемой частью канадской идентичности, французский язык находит свое отражение в желании граждан поддерживать и сохранять французское наследие страны.

Политика двуязычия важна для формирования национального единства, развития экономики и успешной социальной интеграции, поэтому канадскому правительству необходимо продолжать развивать правозащитные механизмы по продвижению двуязычной среды и обеспечению ее устойчивости в канадском обществе.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. These Are the Languages Spoken in Canada According to 2021 Census // ToDo Canada. 17.08.2022. URL: <https://www.todocanada.ca/these-are-the-languages-spoken-in-canada-according-to-2021-census/> (дата обращения: 18.03.2023).

2. The proportion of the population whose first official language spoken is French is the highest // Statistics Canada. 17.08.2022. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/220817/mc-a001-eng.htm> (дата обращения: 18.03.2023).

3. Statistics on official languages in Canada // Government of Canada. 26.11.2019. URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/official-languages-bilingualism/publications/statistics.html#a3> (дата обращения: 18.03.2023).

4. Alschner W., Keyes J. Translatability of Law and Legal Technology – Findings from Corpus Analyses and Bilingual Legal Drafting in Canada, 2019. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Translatability-of-Law-and-Legal-Technology---from-Alschner-Keyes/c29fd842624c850411e64cde16867a5147c6764e> (дата обращения: 15.05.2023).

5. Official languages and bilingualism are at the heart of Canadian identity // Government of Canada. 26.11.2019. URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/official-languages-bilingualism/publications/statistics.html> (дата обращения: 19.03.2023).

6. Bilingualism bonus // Government of Canada. 31.01.2012. URL: <https://www.canada.ca/en/treasury-board-secretariat/services/terms-conditions-employment/bilingualism-bonus.html> (дата обращения: 19.03.2023).

7. Official Languages Act // Government of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-3.01/page-1.html#h-384138> (дата обращения: 07.05.2023).

8. Official language rights // Government of Canada. 01.09.2021. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/csj-sjc/rfc-dlc/ccrf-ccdl/rfc-cdlp.html> (дата обращения: 19.05.2023).

9. Viability of the Official Languages Act of 1969 // The Canadian Encyclopedia. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/official-languages-act-1969> (дата обращения: 27.05.2023).

10. Nelles M., Singh M. New Laws for Québec Signage // Torys. 28.11.2016. URL: <https://www.torys.com/Our%20Latest%20Thinking/Publications/2016/11/new-laws-for-quebec-signage/> (дата обращения: 15.05.2023).

11. Elliot T. The OQLF Fined a Montreal Restaurant \$1,500 For Having English-Only Signage // MtlBlog. 15.10.2020. URL: <https://www.mtlblog.com/montreal/the-oqlf-fined-montreals-deli-365-1500-for-having-englishonly-signage> (дата обращения: 15.05.2023).

12. Recurring official languages issues // Newswire.ca. 19.05.2019. URL: <https://www.newswire.ca/news-releases/recurring-official-languages-issues-commissioner-offers-federal-government-solutions-for-sustainable-results-801426001.html> (дата обращения: 22.05.2023).
13. Leger I. Watchdog finds language equality missing in parts of N.B. health-care system // CBC News. 27.10.2021. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/new-brunswick/nb-language-equality-health-care-1.6227439> (дата обращения: 23.05.2023).
14. MacKinnon B.-J. Fredericton police broke language and conduct rules, investigation finds // CBC News. 01.02.2018. URL: <http://www.cbc.ca/news/canada/new-brunswick/fredericton-police-language-complaint-french-1.4515232> (дата обращения: 23.05.2023).
15. Butler P. Alberta airports to pay \$20K for language rights violations // CBC News. 27.04.2022. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/newfoundland-labrador/official-languages-violations-st-johns-edmonton-airport-1.6432342> (дата обращения: 23.05.2023).
16. Martins C., Romano E. Federal Court finds that Air Canada violated Official Languages Act // Lexology. 12.12.2018. URL: <https://www.lexology.com/commentary/aviation/canada/weirfoulds-llp/federal-court-finds-that-air-canada-violated-official-languages-act> (дата обращения: 23.05.2023).
17. Watson A. Newspapers in Canada // Statista. 28.04.2022. URL: <https://www.statista.com/topics/2969/newspapers-in-canada/#topicOverview> (дата обращения: 19.03.2023).
18. Wang K. Available foreign language media in Canada // Language Trainers. 20.11.2019. URL: <https://www.languagetrainers.ca/blog/what-foreign-language-media-is-available-in-canada/> (дата обращения: 19.03.2023).
19. Watson A. Distribution of newspaper circulation in Canada in 2022 // Statista. 21.05.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1208645/newspaper-circulation-by-format-canada/> (дата обращения: 27.05.2023).
20. Eaman R. A. CBC/Radio-Canada // The Canadian Encyclopedia. 09.04.2012. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/canadian-broadcasting-corporation> (дата обращения: 20.03.2023).
21. Communications Monitoring Report 2019 // CRTC. 21.01.2020. URL: <https://crtc.gc.ca/eng/publications/reports/policyMonitoring/2019/cmr5.htm> (дата обращения: 20.03.2023).
22. Götting M. Ch. Number of radio and audio services authorized in Canada from 2012-2018 // Statista. 30.03.2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/430685/language-radio-audio-service-canada/> (дата обращения: 20.03.2023).
23. English subtitle in Canadian cinemas // HINative. URL: <https://hinative.com/questions/22323875> (дата обращения: 02.06.2023).
24. Landry R., Bourhis R. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // J. of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16, iss., 1. P. 23–49. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>.
25. Google maps. URL: <https://www.google.ru/maps> (дата обращения: 07.05.2023).
26. Bilingualism (By-law No. 2001-170) // Ottawa. URL: <https://ottawa.ca/en/living-ottawa/laws-licences-and-permits/laws/laws-z/bilingualism-law-no-2001-170> (дата обращения: 27.05.2023).
27. The French Presence in Alberta // Commissioner of Official Languages of Canada. URL: [https://publications.gc.ca/collections/collection\\_2019/clo-ocol/SF31-141-9-2018-eng.pdf](https://publications.gc.ca/collections/collection_2019/clo-ocol/SF31-141-9-2018-eng.pdf) (дата обращения: 27.05.2023).
28. Zapata K. Here's where Calgarians can get their multicultural news, in different languages // CBC News. 19.08.2022. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/calgary/calgary-multicultural-news-language-census-1.6555890> (дата обращения: 27.05.2023).
29. People vandalized new bilingual stop signs // Reddit. URL: [https://www.reddit.com/r/Calgary/comments/gosgqm/people\\_vandalized\\_new\\_bilingual\\_stop\\_signs\\_who/](https://www.reddit.com/r/Calgary/comments/gosgqm/people_vandalized_new_bilingual_stop_signs_who/) (дата обращения: 27.05.2023).
30. Resources for Francophone immigrants // Government of Canada. URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/services/new-immigrants/prepare-life-canada/provinces-territories/manitoba.html> (дата обращения: 02.06.2023).

31. Vancouver Population 2023. URL: <https://worldpopulationreview.com/canadian-cities/vancouver-population> (дата обращения: 02.06.2023).

### **Информация об авторах.**

**Мельникова Валерия Дмитриевна** – студентка (4-й курс, бакалавриат) кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: языковая интерференция, диалектология, гендерная лингвистика.

**Ульяницкая Любовь Александровна** – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 17.07.2023; принята после рецензирования 15.09.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

### **REFERENCES**

1. "These Are the Languages Spoken in Canada According to 2021 Census" (2022), *ToDo Canada*, 17.08.2022, available at: <https://www.todocanada.ca/these-are-the-languages-spoken-in-canada-according-to-2021-census/> (accessed 18.03.2023).

2. "The proportion of the population whose first official language spoken is French is the highest" (2022), *Statistics Canada*, 17.08.2022, available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/220817/mc-a001-eng.htm> (accessed 18.03.2023).

3. "Statistics on official languages in Canada" (2019), *Government of Canada*, 26.11.2019, available at: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/official-languages-bilingualism/publications/statistics.html#a3> (accessed 18.03.2023).

4. Alschner, W. and Keyes, J. (2019), "Translatability of Law and Legal Technology – Findings from Corpus Analyses and Bilingual Legal Drafting in Canada", available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Translatability-of-Law-and-Legal-Technology---from-Alschner-Keyes/c29fd842624c850411e64cde16867a5147c6764e> (accessed 15.05.2023).

5. "Official languages and bilingualism are at the heart of Canadian identity", *Government of Canada*, 26.11.2019, available at: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/official-languages-bilingualism/publications/statistics.html> (accessed 19.03.2023).

6. "Bilingualism bonus", *Government of Canada*, 31.01.2012, available at: <https://www.canada.ca/en/treasury-board-secretariat/services/terms-conditions-employment/bilingualism-bonus.html> (accessed 19.03.2023).

7. "Official Languages Act", *Government of Canada*, available at: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-3.01/page-1.html#h-384138> (accessed 07.05.2023).

8. "Official language rights", *Government of Canada*, 01.09.2021, available at: <https://www.justice.gc.ca/eng/csj-sjc/rfc-dlc/ccrf-ccd1/rfcp-cdlp.html> (accessed 19.05.2023).

9. "Viability of the Official Languages Act of 1969", *The Canadian Encyclopedia*, available at: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/official-languages-act-1969> (accessed 27.05.2023).

10. Nelles, M. and Singh, M. (2016), "New Laws for Québec Signage", *Torlys*, 28.11.2016, available at: <https://www.torlys.com/Our%20Latest%20Thinking/Publications/2016/11/new-laws-for-quebec-signage/> (accessed 15.05.2023).

11. Elliot, T. (2020), "The OQLF Fined a Montreal Restaurant \$1,500 For Having English-Only Signage", *MtlBlog*, 15.10.2020, available at: <https://www.mtlblog.com/montreal/the-oqlf-fined-montreals-deli-365-1500-for-having-english-only-signage> (accessed 15.05.2023).
12. "Recurring official languages issues" (2019), *Newswire.ca*, 19.05.2019, available at: <https://www.newswire.ca/news-releases/recurring-official-languages-issues-commissioner-offers-federal-government-solutions-for-sustainable-results-801426001.html> (accessed 22.05.2023).
13. Leger, I. (2021), "Watchdog finds language equality missing in parts of N.B. health-care system", *CBC News*, 27.10.2021, available at: <https://www.cbc.ca/news/canada/new-brunswick/nb-language-equality-health-care-1.6227439> (accessed 23.05.2023).
14. MacKinnon, B.-J. (2018), "Fredericton police broke language and conduct rules, investigation, finds", *CBC News*, 01.02.2018, available at: <http://www.cbc.ca/news/canada/new-brunswick/fredericton-police-language-complaint-french-1.4515232> (accessed 23.05.2023).
15. Butler, P. (2022), "Alberta airports to pay \$20K for language rights violations", *CBC News*, 27.04.2022, available at: <https://www.cbc.ca/news/canada/newfoundland-labrador/official-languages-violations-st-johns-edmonton-airport-1.6432342> (accessed 23.05.2023).
16. Martins, C. and Romano, E. (2018), "Federal Court finds that Air Canada violated Official Languages Act", *Lexology*, 12.12.2018, available at: <https://www.lexology.com/commentary/aviation/canada/weirfoulds-llp/federal-court-finds-that-air-canada-violated-official-languages-act> (accessed 23.05.2023).
17. Watson, A. (2022), "Newspapers in Canada", *Statista*, 28.04.2022, available at: <https://www.statista.com/topics/2969/newspapers-in-canada/#topicOverview> (accessed 19.03.2023).
18. Wang, K. (2019), "What foreign language media is available in Canada?", *Language Trainers*, 20.11.2019, available at: <https://www.languagetrainers.ca/blog/what-foreign-language-media-is-available-in-canada/> (accessed 19.03.2023).
19. Watson, A. (2023), "Distribution of newspaper circulation in Canada in 2022", *Statista*, 21.05.2023, available at: <https://www.statista.com/statistics/1208645/newspaper-circulation-by-format-canada/> (accessed 27.05.2023).
20. Eaman, R.A. (2012), "CBC/Radio-Canada", *The Canadian Encyclopedia*, 09.04.2012, available at: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/canadian-broadcasting-corporation> (accessed 20.03.2023).
21. "Communications Monitoring Report 2019" (2020), *CRTC*, 21.01.2020, available at: <https://crtc.gc.ca/eng/publications/reports/policyMonitoring/2019/cmr5.htm> (accessed 20.03.2023).
22. Götting, M.Ch. (2021), "Number of radio and audio services authorized in Canada from 2012-2018", *Statista*, 30.03.2021, available at: <https://www.statista.com/statistics/430685/language-radio-audio-service-canada/> (accessed 20.03.2023).
23. "English subtitle in Canadian cinemas", *HINative*, available at: <https://hinative.com/questions/22323875> (accessed 02.06.2023).
24. Landry, R. and Bourhis, R. (1997), "Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study", *J. of Language and Social Psychology*, vol. 16, iss., 1, pp. 23–49. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>.
25. *Google maps*, available at: <https://www.google.ru/maps> (accessed 07.05.2023).
26. "Bilingualism (By-law No. 2001-170)", *Ottawa*, available at: <https://ottawa.ca/en/living-ottawa/laws-licences-and-permits/laws/laws-z/bilingualism-law-no-2001-170> (accessed 27.05.2023).
27. "The French Presence in Alberta", *Commissioner of Official Languages of Canada*, available at: [https://publications.gc.ca/collections/collection\\_2019/clo-ocol/SF31-141-9-2018-eng.pdf](https://publications.gc.ca/collections/collection_2019/clo-ocol/SF31-141-9-2018-eng.pdf) (accessed 27.05.2023).
28. Zapata, K. (2022), "Here's where Calgarians can get their multicultural news, in different languages", *CBC News*, 19.08.2022, available at: <https://www.cbc.ca/news/canada/calgary/calgary-multicultural-news-language-census-1.6555890> (accessed 27.05.2023).

29. "People vandalized new bilingual stop signs", *Reddit*, available at: [https://www.reddit.com/r/Calgary/comments/gosgqm/people\\_vandalized\\_new\\_bilingual\\_stop\\_signs\\_who](https://www.reddit.com/r/Calgary/comments/gosgqm/people_vandalized_new_bilingual_stop_signs_who) (accessed 27.05.2023).

30. "Resources for Francophone immigrants", *Government of Canada*, available at: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/services/new-immigrants/prepare-life-canada/provinces-territories/manitoba.html> (accessed 02.06.2023).

31. "Vancouver Population 2023", *World Population Review*, available at: <https://worldpopulationreview.com/canadian-cities/vancouver-population> (accessed 02.06.2023).

#### **Information about the authors.**

**Valeriia D. Melnikova** – Student (4 year, bachelor) at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: language interference, dialectology, gender linguistics.

**Liubov A. Ulianitckaia** – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 17.07.2023; adopted after review 15.09.2023; published online 21.12.2023.*

Original paper

УДК 81'33

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-161-172>

## Explicative Specificity of the Concept of “Coronavirus” for Children in the Framework of Medical Discourse

**Svetlana V. Kiseleva<sup>1✉</sup>, Nella A. Trophimova<sup>2</sup>, Yulia S. Ananyeva<sup>3</sup>,  
Ekaterina Yu. Skryabina<sup>4</sup>**

<sup>1, 2, 3</sup>*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

<sup>4</sup>*Perm State University, Perm, Russia*

<sup>1✉</sup>[svkiseljeva@bk.ru](mailto:svkiseljeva@bk.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3814-1111>

<sup>2</sup>[nelart@mail.ru](mailto:nelart@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

<sup>3</sup>[yupiters@rambler.ru](mailto:yupiters@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3880-8059>

<sup>4</sup>[katyaalikina@yandex.ru](mailto:katyaalikina@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4346-6009>

**Introduction.** In the spring of 2020, the pandemic of coronavirus was announced in the world – the disease caused by the new type of coronavirus SARS-COV-2. In connection with the progressive psychoemotional stress in society in the literature and the media, attempts are made in a simple and affordable form to explain the causes of this disease and prevention methods. Despite the fact that the children's contingent was the least susceptible to the disease, this topic was widely covered in children's books, posters and brochures. The purpose of this article, therefore, is to analyze and study various methods of verbalizing the renewal of knowledge about coronavirus infection through lexical units. The article describes the results of the analysis of the concept of “coronavirus”, reflecting the “childish” vision of the disease.

**Methodology and sources.** To create an idea of the concept of “Coronavirus”, it is required to conduct a framework analysis and build concepts of concepts that dominate generally in the discourse. For this, it is necessary to conduct a case analysis of children's texts, conceptual analysis and method of modeling using the theory of cognitive metaphor. Also, the compilation of frames will need to conduct definition, etymological, component and contextual analyzes.

**Results and discussion.** Within the framework of this article, the role of metaphor as the main mechanism for representing information about the disease and its prevention is presented. As a result of the study, strategies for the verbalization of knowledge about coronavirus infection were revealed, contributing to training and socialization

**Conclusion.** The significance of the presented work is determined by the possibility of using the results of the study in theoretical and practical courses in cognitive linguistics, discourse theory, text linguistics and metaphorology. In addition, the results of the study can be used in theoretical and practical medical activity to optimize the connection in the field of pediatrics.

**Keywords:** medical discourse, coronavirus, concept, frame, slot, metaphor.

**For citation:** Kiseleva, S.V., Trophimova, N.A., Ananyeva, Yu.S. and Skryabina, E.Yu. (2023), “Explicative Specificity of the Concept of “Coronavirus” for Children in the Framework of Medical Discourse”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 161–172. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-161-172 (Russia).

© Kiseleva S. V., Trophimova N. A., Ananyeva Yu. S., Skryabina E. Yu., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

## Специфика экспликации понятия «коронавирус» для детей в рамках медицинского дискурса

Светлана Владимировна Киселева<sup>1✉</sup>, Нэлла Аркадьевна Трофимова<sup>2</sup>,  
Юлия Сергеевна Ананьева<sup>3</sup>, Екатерина Юрьевна Скрыбина<sup>4</sup>

<sup>1, 2, 3</sup>Санкт-Петербургский государственный экономический университет,  
Санкт-Петербург, Россия

<sup>4</sup>Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

<sup>1</sup>✉svkiseljeva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3814-1111>

<sup>2</sup>nelart@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

<sup>3</sup>yupiters@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3880-8059>

<sup>4</sup>katyaalikina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4346-6009>

**Введение.** Весной 2020 г. в мире была объявлена пандемия коронавируса – заболевания, вызываемого новым типом коронавируса SARS-CoV-2. В связи с прогрессирующим психоэмоциональным напряжением в обществе в литературе и средствах массовой информации предпринимаются попытки в простой и доступной форме разъяснить населению причины этого заболевания и методы профилактики. Несмотря на то, что детский контингент был наименее подвержен заболеванию, эта тема широко освещалась в детских книгах, плакатах и брошюрах. Целью данной статьи является анализ и изучение различных способов вербализации знаний о коронавирусной инфекции посредством лексических единиц. В статье описаны результаты анализа понятия «коронавирус», отражающего «детское» видение заболевания.

**Методология и источники.** Для того чтобы создать представление о понятии «коронавирус», требуется проведение фрейм-анализа и построение концептов понятий, вообще доминирующих в дискурсе. Для этого необходимо провести корпусный анализ детских текстов, концептуальный анализ и метод моделирования с использованием теории когнитивной метафоры. Также для составления фреймов потребуются проведение дефиниционного, этимологического, компонентного и контекстологического анализа.

**Результаты и обсуждение.** В рамках данной статьи представлена роль метафоры как основного механизма репрезентации информации о заболевании и его профилактике. В результате проведенного исследования выявлены стратегии вербализации знаний о коронавирусной инфекции, способствующие обучению и социализации.

**Заключение.** Значимость представляемой работы определяется возможностью использования результатов исследования в теоретических и практических курсах по когнитивной лингвистике, теории дискурса, текстовой лингвистике и метафорологии. Кроме того, результаты исследования могут применяться в теоретической и практической медицинской деятельности, для того чтобы оптимизировать связь в области педиатрии.

**Ключевые слова:** медицинский дискурс, коронавирус, концепт, фрейм, слот, метафора

**Для цитирования:** Специфика экспликации понятия «коронавирус» для детей в рамках медицинского дискурса / С. В. Киселева, Н. А. Трофимова, Ю. С. Ананьева, Е. Ю. Скрыбина // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 161–172. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-161-172.

**Introduction.** In the modern information society, much attention is paid to the study of not only the procedures for obtaining and processing, but also technologies for the adequate transfer of this knowledge. Special attention should be paid to discourses that provide communication between a parent and a child, as well as a teacher and a child, since a child and his successful socialization are considered by scientists as the highest value of society [1, 2]. The contradiction between the need for the expedient transfer of medical knowledge to children and the weak knowledge of the children's medical discourse determines the relevance of the issues covered in the article.

Within the framework of this research, we are studying ways to represent the concept of “Coronavirus” in the children's medical discourse. The pandemic has caused the need for research, including as a linguistic phenomenon [3]. The scientific novelty of the study lies in the very research material: we analyzed the texts published over the past two years (2020–2022) in Russian and English-language books on the topic of coronavirus and aimed at children.

The concept, as the fundamental category of modern cognitive linguistics, is formed in the discourse in an integrative object that allows us to study linguistic phenomena in relation to a person, his activities, processes of cognition and thinking through the principle of anthropocentrism [4]. In this article, we turn to medical discourse, by which we mean verbally mediated activity integrating the scientific and practical processes of the study of normal and pathological conditions, as well as the prevention and treatment of various human diseases [5].

The concept “Coronavirus” is formed in medical discourse and represents a body of knowledge and ideas about a respiratory viral disease, which in the English-speaking environment is nominated as COronaVirusDisease (COVID-19), and in Russia as coronavirus disease. The etymology of the medical term goes back to the Latin *Coronaviridae*, which means ‘*corona – crown, wreath and viridae*’ – viruses. The name of the disease is thus derived from the characteristic appearance of the viral particle under electron microscopy, where protein spikes frame the viral particle like the teeth of a crown.

Clinically, coronavirus is a respiratory tract infection that causes severe complications, such as pneumonia, for example, with possible subsequent death. The main signs of the disease are fever, weakness, dry cough and uneven breathing. Treatment of coronavirus infection involves the use of antiviral drugs, but it is worth noting that disease prevention plays an important role in this situation, in other words, a set of measures aimed at preventing and subsequent development of the disease [6].

**Methodology and sources.** A concept as a multidimensional phenomenon can be represented in various ways, since our knowledge is organized through cognitive models, that is, certain cognitive structures that are a consequence of the organization of our knowledge [7]. This position is presented in the theory of frame semantics by C. Fillmore, as well as in the theory of metaphor and metonymy by R. Langacker and M. Jones. The concept, as is known, is associated with associative space, the organization of connections of which leads us to cognitive models of knowledge storage, which is seen “as a certain form of semantic networks existing in the mind” [8, p. 267]. That is why the considered unit of “knowledge storage” represents interconnected fragments of the mental-lingual complex, which form “so-called configurations, which, according to A. Vezhbitskaya, manifest themselves in the verbal-associative network” [9, p. 48].

It is impossible to study the nature of a concept without appealing to a very significant cognitive unit in modern linguistics as frame, which is a cognitive structure based “on probabilistic knowledge about typical situations” [8, p. 288]. Moreover, this cognitive structure contains essential, typical and potentially possible information that is associated with the concept under study [8, p. 289]. It is for this reason that a frame, according to M. Minsky, can be represented as a network consisting of nodes, or slots, as well as subslots that organize the frame and specify certain aspects of the analyzed situation [10]. Frames in language, therefore, represent lexical series that correlate with a certain amount of knowledge and experience.

Let us turn directly to the research data.

**Results and discussion.** The frame of the concept “Coronavirus” in naive medical discourse represents a complex and multifaceted entity and represents a body of knowledge from naive to scientific. The presented knowledge can be structured in the form of a set of slots that reflect the natural course of the disease – “epidemiology”, “etiology”, “pathogenesis”, “clinical picture”, “treatment” and “prevention”. A naive vision, that is, the perception of a child’s coronavirus, also presupposes an understanding of the disease as a natural process that includes all stages of development and progression of the disease.

Now let us consider the specificity of the verbal representation of each slot that makes up the frame of the “Coronavirus” concept.

The “**Epidemiology**” slot, which reflects knowledge about the patterns of occurrence and spread of diseases of various origins, is verbally represented by the following lexical units: *“an alien organism, a human body, an organism, “say “Hello!”, adults “news about me”, “see me on TV” [11, 12], inside another creature, their host, bats. Another type of animal, humans, mystery animal, pangolin, a scaly animal that eats ants, the Coronavirus does not affect children too much, but they can transmit the virus to the people, outside of human cells, make it hard for the virus to jump from one person to the next, the virus can't spread, fewer people get sick, to pass the germ to other people [13], jumped to Italy, in our country the virus quickly became a star, television, radio, newspapers only they say it, the passport of a coronavirus traveler, the place of residence is all over the world, gets along well with everyone, the virus did not jump from person to person, which he taught; conquered the whole world” [14].*

The “**Etiology**” slot, which represents knowledge about the causes and conditions for the onset of a disease, is represented in our study by two basic positions, that is, two subslots, respectively: **the pathogen** and **the conditions**, which, in turn, make up the structure of the “**Etiology**” slot. So, the “**Pathogen**” subslot is verbally represented by the following lexical units: *“small parasites, parasite, viruses, coronaviruses, the structure of the virus, a relative of the flu and the common cold [15], a teensy, tiny germ, because “corona” means “crown” (in Latin), the virus looks like it's wearing a spiky crown, the virus, germs, bacteria, viruses, COronaVirus, SARS-CoV-2, Coronaviridae, corona, special spike” [16], crown, wreath, crown-like spikes; medium-sized virus, with characteristic fringed hairs on the surface, the culprit, so small, it is not only small, but also sticky and athletic; His Majesty the Coronavirus, the king of the virus” [17].*

The “**Conditions**” subslot, in turn, is verbally represented by the following lexical units: *“likes to travel from person to person in the smallest drops, when sneezing or talking, while*

*traveling he makes stops on phones and door handles, I will come to visit you, penetrate into our body [13], get into our cells” [17].*

The **“Pathogenesis”** slot, representing knowledge about the mechanism and development of the disease, is verbally represented by the following lexical units: *“cells-bricks, small factories for the production of their copies; are divided into families, just as we are divided into families [18]; conquered the whole world; the virus takes offense and runs away; bring with me breathing problems, fever and cough [17]; can make us sick; a special “door”; needs a “key”; uses a key to open the door; makes lots of copies of itself; we get sick; make people sick; killing human cells or making them (note: cells) not work properly; uses a special door to get in to cells; special doorways are on cells in the nose and lungs; has an army to fight germs; the immune system attacks the virus; fighting the virus; some peoples' immune systems may not fight hard enough; other peoples' immune systems may fight too hard; hurting their own cells; ‘hide’ in the body; they replicate differently [19]; arrange their own houses there; wants to defeat the coronavirus of children; cries, whines, stamps his feet; just does not give up, cunning, hiding; coronavirus has a cunning plan” [15].*

The **“Clinical picture”** slot, which reflects knowledge about the totality of manifestations of the disease and the characteristics of its course, as well as the **“Etiology”** slot, is structured through two sub-slots, namely: **“Localization”** and **“Symptoms”**.

The **“Localization”** subplot representing knowledge about the place of the pathological process, is verbally represented by the following lexical units: *“stomach, nose, mouth”*.

The **“Symptoms”** subplot, which, in turn, translates knowledge about the signs of the manifestation of the disease, is verbally represented by the following lexical units: *“fever, headache, runny nose, cough, common cold and the flu, have a cold, feel bunged up, a sore throat, a temperature, experience coughing, and sneezing” [20], “sneezing, coughing” [21].*

The **“Treatment”** slot, which demonstrates knowledge about the process of eliminating a disease or injury, a pathological condition or other impairment of life, normalizing disturbed life processes, restoring and improving health, is divided in medical practice into conservative, that is, therapeutic treatment and surgical treatment. Thus, the **“Treatment”** slot is structured as two sub-slots **“Therapeutic”** and **“Surgical”**, respectively. Coronavirus as an infectious disease characterized by a syndrome of general infectious intoxication and a syndrome of damage to the respiratory tract, its upper and middle sections – the nose, pharynx, larynx, trachea and bronchi, involves therapeutic treatment. For this reason, in our study, the **“Treatment”** slot is represented only by the **“Therapeutic Treatment”** subplot. The subplot **“Therapeutic Treatment”** is verbally represented by the following lexical units: *“to give medicines, newly updated COVID-19 booster shots” [20].*

Since the time of Hippocrates, it has been known that disease is easier to prevent than to cure. The most famous Russian surgeon and anatomist N.I. Pirogov wrote in his writings that *“The main purpose of a doctor is to teach people to be healthy...” [22, p. 23].* According to our study, the slot, which represents knowledge about the complex of medical, sanitary, hygienic, pedagogical and socio-economic measures aimed at preventing diseases and eliminating risk factors, is verbally represented by a combination of the following lexical units: *“with it [the virus, approx. auth.] need to fight; he (the virus) is not very fond of; If you do all this (follow the recommendations), I will not come to visit you; to avoid encountering the virus; protect your family and loved ones; those*

*who now stay at home because of the risk of getting sick are not just protecting themselves: they are also protecting everyone around them so as not to transmit the virus to someone else [15]; may close schools to stop the virus from spreading; trying to make a coronavirus vaccine-kind of like the shots you get at the doctor's office; stay at home; to wash your hands lots; try to keep at least three feet away from your siblings and other members of the family; try to make a type of vaccine against COVID-19; to fight against Coronavirus; to wear one mask in public or indoors; are usable face masks the best option; to wash your hands with lots of soap; make loads of bubbles; keep washing for twenty seconds; try to sneeze and cough into your elbow rather than your hand; scientists and doctors are looking for ways to defeat it” [13].*

While being analyzed, the acute study has revealed a large number of metaphors. We believe that the reason is the fact that metaphor is a universal cognitive mechanism that ensures the interaction of different types of knowledge, different conceptual areas [8], the dialogue of science and society, “the penetration of science into the very heart of everyday life” (*S. Hawking*) [23].

Metaphor is considered by us as a cognitive mechanism, which is based on the intersection of a number of conceptual areas in the conceptual sphere (“a cross-domain mapping in the conceptual sphere”) [7]. The result is the transfer of knowledge from one conceptual area to another, that is, the schematic figurative structure of the source area is projected onto the target area, which is structured according to the pattern of the source area, while the second conceptual area (target area) is understood through the prism of the first (target area). source) [7, 24]. A new categorization is “guided” to reality or its individual fragments, and an important role is played by non-rigid (prototypical) categorization (that is, naive) [25]. Thus, the conceptualization of abstract (and any other) entities is often carried out on the basis of the sensorimotor experience of human interaction with the outside world, and on the basis of “a special kind of schemes” according to which it is customary to think and act in a particular culture [10].

It is generally admitted that metaphor performs important functions in discourse: explanation (eng., to explain), clarification (eng., to elucidate), illustration (eng., to exemplify), clarification (eng., to clarify) and persuasion (eng., to persuade) [21, 23]. The functions of explanation, clarification, illustration and clarification, one way or another, are connected with the explanation of new knowledge (including abstract and complex concepts) through the known, i.e. by comparison with more specific and simple concepts. For this reason, the explanatory function of metaphor is also called pedagogical [23], the function of popularizing knowledge [26] or cognitive function, since it contributes to the acquisition and mediation of knowledge.

We believe that metaphors in the studied naive medical discourse are designed to facilitate the child's perception of complex knowledge. The function of persuasion is also seen as important when a metaphor is studied as a means of influencing the addressee of speech in an emotional and evaluative aspect [24, 7]. According to scientists, a metaphor is able to influence the emotional-volitional sphere of the addressee and create an appropriate attitude towards a certain reality. “In the metaphor as a unit of activity, along with the results of human cognitive activity, the attitude of the cognizing subject to the cognized reality is reflected and consolidated” [26, p. 13]. In the discourse under study, the metaphor is designed to calm the child, give him a sense of security in the face of general uncertainty and anxiety.

Being mentioned earlier, the metaphor is based on the interaction of two conceptual areas: the target area and the source area. The target area in our case is the coronavirus, the entire set of ideas about it described above. Now let us consider the source area, that is, we shall identify what images are used to comprehend and represent the concept of “Coronavirus” In Russian metaphorology, the conceptual area of the source is described as a metaphorical model [7, 25]. All discovered metaphors were divided into five main conceptual areas [8, 24]: Natureomorphic, Anthropomorphic, Sociomorphic, Artifact and Ideomorphic metaphorical models.

Naturemorphism includes metaphors that identify the coronavirus with the natural world. Examples include the following contexts: *“small parasites; the virus has spikes, tiny germs; the coronavirus has a special “spike” on its surface. An anthropomorphic metaphor describes the coronavirus as human in terms of biology, physiology, and psychology: a relative of the flu and the common cold; are divided into families, just as we are divided into families; the virus is jumping from one nose to another”*. Sociomorphic metaphor includes metaphors related to human social activity: *“small factories for the production of their copies; Coronavirus's cunning plan insidious virus; the virus has conquered the whole world; in our country, the virus quickly became a star; coronavirus traveler; killing human cells; the immune system attacks the virus; your body is fighting the virus; your body has an army. Artifact metaphor identifies coronavirus with objects: crown, crown; brick cells; uses a special door to get into cells; coronavirus also needs a “key”*. The ideomorphic includes metaphors associated with the world of ideas and fantasies: *“His Majesty the Coronavirus, the Tsar Virus; children have a shield just like the heroes, immunity is called”*.

It is interesting to investigate how the metaphor is explicated in the texts. According to the method of derivational analysis [26], the metaphor is verbalized by three ways which are the following: predicative, attributive and nominative structures. Predicative metaphors include simile (*a virus is like a crown*), a nominal predicate with a zero connective in Russian (coronavirus is a parasite), a nominal predicate with a verb connective in English (*Corona is a tiny germ*), and a verbal metaphor (the virus is walking around the planet). Attribute structures are presented as an application in Russian (*travel virus*) and attributes (*sticky virus, athletic virus*) to nominative structures, transposition or secondary nomination (*“crown”, “home” for the virus, “door”, “key”*). This may be explained, in our opinion, by the intention of the addresser to reduce information density, to provide detailed information.

The concept of “Coronavirus” in naive medical discourse is often verbalized as an allegory. We are talking about the participation in the “plotting” of all components of the context of the metaphor, including contexts of considerable length. As an example, let us consider a fairy tale written by children's writer E. Ul'eva and children's doctor Alexei Korovkin, presenting an allegorical description of the problem of coronavirus prevention: *“Once upon a time was the king of Coronavirus. Only he was not visible. And why? Yes, because he was very, very small. And he really didn't like it. Why am I so small and small?! he shouted. – I want to be big! The very best! “And you get inside the children,” the chief court sage advised him. They will grow and you will grow with them. Or rather, they won't grow. Because you will take all the power from them”* [15]. All context components are semantically related and participate in the representation of the *Coronavirus Tsar* as the metaphor. So, metaphors optimize the processing of scientific knowledge,

with their help the author programs the processes of perception and understanding of medical information by the young recipient.

**Conclusion.** Within the framework of this article, the ways of verbalizing of the concept of “Coronavirus” in the naive layer of medical discourse, which actualizes a very dangerous disease all over the world today – coronavirus infection COVID-19, were considered. In the course of the study, we compiled a concept frame consisting of a set of slots representing all stages of the infectious process, namely: etiology, epidemiology, pathogenesis, clinical manifestations, treatment and prevention of coronavirus infection.

Thus, in the structure of the concept, that is, in the frame, the following slots dominate: the “**Pathogenesis**” slot, which actualizes the need to explain to the child the mechanism of the development of the disease in order to form an understanding of the essence of the infectious process. The “**Pathogenesis**” slot represents information about the causes of the disease and, finally, the “**Prevention**” slot demonstrates the possibilities of preventing and combating coronavirus infection, which, in turn, allows not only to explain to the child ways to protect against the disease, but also to level the fear of the disease. The concept of “Coronavirus” in the discourse under study is verbalized mainly as a metaphor, which is explained by the peculiarities of child psychology. Children, as a rule, perceive the disease through the prism of images familiar to them, that is, through comparison with objects familiar to them. It is for this reason that metaphor contributes to the explanation, clarification, illustration and clarification of new information, by comparing complex concepts with more specific and simple ones. Metaphor, therefore, as a linguo-cognitive tool for forming the image of the disease – coronavirus infection – plays a crucial role in the representation of knowledge in the naive layer of medical discourse.

The significance of this work is determined by the possibility of using the results of the study in theoretical and practical courses in cognitive linguistics, discourse theory, text linguistics, and metaphorology. In addition, the results of the study can be used in theoretical and practical medical activities, to optimize communication in the field of pediatrics.

## REFERENCES

1. Gippenreiter, Yu.B. (2020), *Psikhologiya dlya detei. Dobro i ego druz'ya* [Psychology for children. Dobro and his friends], AST, Moscow, RUS.
2. Saraliev, Z.Kh. and Balabanov, S.S. (2009), “Children as a vital value of Russians”, *Rossiia reformiruyushchayasya* [Reforming Russia], iss. 8, Institut sotsiologii RAN, Moscow, RUS, pp. 390–403.
3. Pesina, S.A., Kiselev, S.V., Trofimova, N.A. et al. (2022), “Covid-19 as a linguistic phenomenon and its influence on the development of modern regional terminology”, *J. of pharmaceutical negative results*, vol. 13, special iss. 8, pp. 2985–2991. DOI: <https://doi.org/10.47750/pnr.2022.13.S08.375>.
4. Alekseeva, L.M. and Mishlanova, S.L. (2002), *Meditsinskii diskurs: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza* [Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis], Perm, Publishing House of Perm. un-ta, Perm, RUS.
5. Ananyeva, Yu.S. and Mishlanova, S.L. (2014), *Definitsionnoe modelirovanie meditsinskoj terminologii* [Definitional modeling of medical terminology], SPbGEU, SPb., RUS.
6. Uglov, F.G. (2017), *Sovety stoletnego khirurga* [Advice from a hundred-year-old surgeon], AST Moscow, RUS.
7. Lakoff, J. and Johnson, M. (2004), *Metaphors we live by*, Transl. by Baranov, A.N. and Morozova, A.V., Editorial URSS, RUS.

8. Krasnykh, V.V. (2001), *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii: kurs lektsii* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: a course of lectures], Gnozis, Moscow, RUS.
9. Wierzbicka, A. (2001), *Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics*, Transl. by Shmelev, A.D., Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
10. Chudinov, A.P. (2006), *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], Flinta, Moscow, RUS.
11. Kosovskaya, M., Tyakht, A., Alekseev, D. and Tyakht, S. (2021), *Priklyucheniya Tima v mire bakterii* [Tim's adventures in the world of bacteria], Klever-Media-Group, Moscow, RUS.
12. Farndon, J. (2022), *Stuff You Should Know About the Human Body*, Transl. by Muzalevskaya, Yu.V., Labirint, Moscow, RUS.
13. "How to Explain Coronavirus to Kids: 5 Common Questions" (2020), *Lingokids*, 20.03.2020, available at: <https://lingokids.com/blog/posts/how-to-explain-coronavirus-to-kids> (accessed 12.11.2022).
14. Tomlin, C.M. (2021), "Facts about coronavirus", *National Geographic*, 21.07.2021, available at: <https://kids.nationalgeographic.com/science/article/facts-about-coronavirus> (accessed 12.11.2022).
15. Ul'eva, E.A. (2021), *Skazochnyi uchebnyk po meditsine dlya malyshei. Vse, chto nuzhno znat' doskol'niku o zdorov'e* [A fairy tale medical textbook for toddlers: everything a preschooler needs to know about health], Phenix, Rostov-na-Donu, RUS.
16. "Recommendations for talking to children about coronavirus" (2020), *Rospotrebnadzor*, 26.03.2020, available at: [https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news\\_details.php?ELEMENT\\_ID=14109&ysclid=18co598j2e404870666](https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14109&ysclid=18co598j2e404870666) (accessed 05.10.2022).
17. Nerini, E. and Longo, D., *Guida galattica al coronavirus! Per bambini e bambine curiosi*, Transl. by Khramova, T., available at: <https://www.cmverona.it/wp-content/uploads/2020/03/ITA-RU-GUIDA-GALATTICA-AL-CORONA-VIRUS.pdf> (accessed 01.11.2022).
18. Fritz, Z. and Daynes, K. (2019), *Look Inside. A Hospital*, Transl., Robins, Moscow, RUS.
19. Molina, M. *CoviBook*, available at: [https://660919d3-b85b-43c3-a3ad-3de6a9d37099.filesusr.com/ugd/64c685\\_a99da63af9be4a8ca0f119d527fb23be.pdf](https://660919d3-b85b-43c3-a3ad-3de6a9d37099.filesusr.com/ugd/64c685_a99da63af9be4a8ca0f119d527fb23be.pdf) (accessed 15.10.2022).
20. "The ultimate kids' guide to the new coronavirus", *Live Science*, 13.03.2020, available at: <https://www.livescience.com/coronavirus-kids-guide.html> (accessed 12.11.2022).
21. Stowell, L. (2016), *Look Inside. Your Body*, Transl., Robins, Moscow, RUS.
22. Pirogov, N.I. (1907), *Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha. Sankt-Peterburg, noyabr' 1879 g. – noyabr' 1881 g.* [Questions of life. Diary of an old doctor. St Petersburg, November 1879 – November 1881], SPb., Tipografiya Soikina P.P.
23. Suvorova, M.V. (2019), "Transdiscursive modification of the metaphor model (on the basis of scientific, popular science, popular discourses)", Can. Sci. (Philology) Thesis, Perm State Univ., Perm, Russia.
24. Chudinov, A.P. (2011), "Pragmatic Potential of a Metaphor in Pedagogical Communication", *Pedagogical Education in Russia*, no. 5, pp. 167–175.
25. Baranov, A.N. and Karaulov, Yu.N. (1994), *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors], Pomovskii i partnery, Moscow, RUS.
26. Mishlanova, S.L. and Utkina, T.I. (2008), *Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse: semioticheskii, kognitivno-kommunikativnyi, pragmaticheskii aspekty* [Metaphor in popular science medical discourse: semiotic, cognitive-communicative, pragmatic aspects], Izd-vo Perm. gos. un-ta, Perm, RUS.

### Information about the authors.

**Svetlana V. Kiseleva** – Dr. Sci. (Philology, 2010), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 155 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, lexicology, theoretical grammar, history of English language, corpus linguistics of texts and discourses, terminology, philosophy of language.

**Nella A. Trofimova** – Dr. Sci. (Philology, 2010), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 150 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, lexicology, theoretical grammar, history of the English language, corpus linguistics of texts and discourses, terminology, philosophy of language.

**Yuliya S. Ananyeva** – Can. Sci. (Philology, 2012), Associate Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 36 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, corpus linguistics of texts and discourses, communicative linguistics, terminology, medical discourse and terminology.

**Ekaterina Yu. Skryabina** – Can. Sci. (Philology, 2022), Associate Professor at the Department of Linguistics, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614990, Russia. The author of 39 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, metaphor, corpus and discursive linguistics, German studies, pedagogy.

#### **Author's contribution.**

**Svetlana V. Kiseleva** – analysis and interpretation of data, preparation of the text.

**Nella A. Trofimova** – processing, analysis and interpretation of data.

**Yuliya S. Ananyeva** – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text, collection of material.

**Ekaterina Yu. Skryabina** – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text, collection of material.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.*

*Received 21.09.2023; adopted after review 20.10.2023; published online 21.12.2023.*

## **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Гиппенрейтер Ю. Б. Психология для детей. Добро и его друзья. М.: АСТ, 2020.
2. Саралиева З. Х., Балабанов С. С. Дети как жизненная ценность россиян // Россия реформирующаяся. Вып. 8. М.: Ин-т социол. РАН, 2009. С. 390–403.
3. Covid-19 as a linguistic phenomenon and its influence on the development of modern regional terminology / S. A. Pesina, S. V. Kiselev, N. A. Trofimova et al. // J. of pharmaceutical negative results. 2022. Vol. 13, special iss. 8. P. 2985–2991. DOI: <https://doi.org/10.47750/pnr.2022.13.S08.375>.
4. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.
5. Ананьева Ю. С., Мишланова С. Л. Дефиниционное моделирование медицинской терминологии. СПб.: СПбГЭУ, 2014.
6. Углов Ф. Г. Советы столетнего хирурга. М.: АСТ, 2017.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М.: Едиториал УРСС, 2004.
8. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: Гнозис, 2001.
9. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006.
11. Приключения Тима в мире бактерий / М. Косовская, А. Тяхт, Д. Алексеев, С. Тяхт. М.: Клевер-Медиа-Групп, 2021.

12. Фарндон Дж. Большое путешествие по телу человека / пер. с англ. Ю. В. Музалевской. М.: Лабиринт, 2022.
13. How to Explain Coronavirus to Kids: 5 Common Questions // Lingokids. 20.03.2020. URL: <https://lingokids.com/blog/posts/how-to-explain-coronavirus-to-kids> (дата обращения: 12.11.2022).
14. Tomlin С. М. Facts about coronavirus // National Geographic. 21.07.2021. URL: <https://kids.nationalgeographic.com/science/article/facts-about-coronavirus> (дата обращения: 12.11.2022).
15. Ульева Е. А. Сказочный учебник по медицине для малышей. Все, что нужно знать дошкольнику о здоровье. Ростов н/Д.: Феникс, 2021.
16. О рекомендациях как говорить с детьми о коронавирусе // Роспотребнадзор. 26.03.2020. URL: [https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news\\_details.php?ELEMENT\\_ID=14109&ysclid=18co598j2e404870666](https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14109&ysclid=18co598j2e404870666) (дата обращения: 05.10.2022).
17. Нерини Э., Лонго Д. Галактический путеводитель по коронавирусу для любопытных детей / пер. Т. Храмовой. URL: <https://www.cmverona.it/wp-content/uploads/2020/03/ITA-RU-GUIDA-GALATTICA-AL-CORONA-VIRUS.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).
18. Фриц З., Дэйнс К. Волшебные створки. Секреты медицины / пер. с англ. М.: Робинс, 2019.
19. Молина М. Книга о коронавирусе для детей. URL: [https://660919d3-b85b-43c3-a3ad-3de6a9d37099.filesusr.com/ugd/64c685\\_a99da63af9be4a8ca0f119d527fb23be.pdf](https://660919d3-b85b-43c3-a3ad-3de6a9d37099.filesusr.com/ugd/64c685_a99da63af9be4a8ca0f119d527fb23be.pdf) (дата обращения: 15.10.2022).
20. The ultimate kids' guide to the new coronavirus // Live Science. 13.03.2020. URL: <https://www.livescience.com/coronavirus-kids-guide.html> (дата обращения: 12.11.2022).
21. Стоуэлл Л. Волшебные створки. Секреты человека / пер. с англ. М.: Робинс, 2016.
22. Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. Санкт-Петербург, ноябрь 1879 г. – ноябрь 1881 г. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1907.
23. Суворова М. В. Трансдискурсивная модификация модели метафоры (на материале научного, научно-популярного, популярного дискурсов): дис. ... канд. филол. наук / ПермГУ. Пермь, 2019.
24. Чудинов А. П. Прагматический потенциал метафоры в педагогической коммуникации // Педагогическое образование в России. 2011. № 5. С. 167–175.
25. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994.
26. Мишланова С. Л., Уткина Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе: семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008.

### **Информация об авторах.**

**Киселева Светлана Владимировна** – доктор филологических наук (2010), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 155 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, лексикология, теоретическая грамматика, история английского языка, корпусная лингвистика текстов и дискурсов, терминология, философия языка.

**Трофимова Нэлла Аркадьевна** – доктор филологических наук (2010), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, лексикология, теоретическая грамматика, история английского языка, корпусная лингвистика текстов и дискурсов, терминология, философия языка.

**Ананьева Юлия Сергеевна** – кандидат филологических наук (2012), доцент кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 36 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика текстов и дискурсов, коммуникативная лингвистика, терминология, медицинский дискурс и терминология.

**Скрябина Екатерина Юрьевна** – кандидат филологических наук (2022), доцент кафедры лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614990, Россия. Автор 39 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, метафора, корпусная и дискурсивная лингвистика, германистика, педагогика.

**Авторский вклад.**

**Киселева Светлана Владимировна** – анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

**Трофимова Нелла Аркадьевна** – обработка, анализ и интерпретация данных.

**Ананьева Юлия Сергеевна** – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста, сбор материала.

**Скрябина Екатерина Юрьевна** – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста, сбор материала.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 21.09.2023; принята после рецензирования 20.10.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

Оригинальная статья  
УДК 81'374.73; 659  
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-173-183>

## К вопросу о систематизации современной терминологии рекламы и паблик рилейшнз

**Алексей Дмитриевич Кривоносов**

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия,  
krivonosov.a@unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3713-198X>*

**Введение.** Динамичное развитие и диверсификация современной публичной сферы, особенно в условиях тотальной диджитализации и медиатизации, требует современной научной рефлексии. В статье предлагаются принципы классификации системы терминов рекламы и связей с общественностью. Цель публикации – продемонстрировать операциональность использования гнездового способа лексикографической фиксации терминов рекламы и связей с общественностью, построенной на классической модели коммуникации понятий Г. Лассуэлла.

**Методология и источники.** Проблемы лексикографии терминов коммуникационной сферы (журналистики, прикладных коммуникаций, медиакоммуникаций) имеют свою научную рефлексию. В статье представляется модель современного словаря рекламы и связей с общественностью, где в основу гнездового принципа положены компоненты модели Г. Лассуэлла.

**Результаты и обсуждение.** В работе предложены основные гнезда (понятийно-терминологические поля) словаря рекламы и связей с общественностью: базовое; субъекты коммуникаций; объекты коммуникаций; коммуникационные инструменты (традиционные и новые); коммуникационные технологии; результаты коммуникаций; коммуникационный продукт. Анализ состава гнезд словаря позволил в качестве классифицирующих признаков терминов словаря выделить дихотомии: по исходной научной дисциплине; по употребительности в тематическом поле; по этимологии; по написанию заимствований; по структуре; по продуктивности словообразовательной модели.

**Заключение.** Описание и классификация терминологии рекламы и паблик рилейшнз выявило ряд проблем описания терминов новых социальных практик и научных дисциплин: границы предмета исследования; принципы отбора источников, специфика лексикографической обработки (от словника к глоссарию и словарю). Работа над словарем может в дальнейшем дать материал для обсуждения ряда собственно лингвистических задач.

**Ключевые слова:** систематизация терминологии, реклама и связи с общественностью, гнездовой способ, классифицирующие признаки

**Для цитирования:** Кривоносов А. Д. К вопросу о систематизации современной терминологии рекламы и паблик рилейшнз // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 173–183. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-173-183.

© Кривоносов А. Д., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

## On the Issue of Systematization of Modern Terminology of Advertising and Public Relations

**Aleksey D. Krivonosov**

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,  
krivonosov.a@unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3713-198X>*

**Introduction.** The dynamic development and diversification of the modern public sphere, especially in the conditions of total digitalization and mediatization, requires modern scientific reflection. The article proposes the principles of classification of the system of terms of advertising and public relations. The purpose of the article is to demonstrate the operability of using a nested method of lexicographic fixation of advertising and public relations terms based on the classical model of G. Lasswell's communication of concepts.

**Methodology and sources.** The problems of lexicography of terms of the communication sphere (journalism, applied communications, media communications) have their own scientific reflection. The article proposes a model of a modern dictionary of advertising and public relations, where the components of the G. Lasswell model form the basis of the nest principle.

**Results and discussion.** The article suggests the main nests (conceptual and terminological fields) of the dictionary of advertising and public relations: basic; communication subjects; communication objects; communication tools (traditional and new); communication technologies; communication results; communication product. The analysis of the composition of dictionary nests made it possible to identify dichotomies as classifying features of dictionary terms: according to the original scientific discipline; according to the use in the thematic field; according to etymology; according to the writing of borrowings; according to the structure; according to the productivity of the word-formation model.

**Conclusion.** Description and classification of the terminology of advertising and public relations revealed a number of problems of describing the terms of new social practices and scientific disciplines: the boundaries of the subject of research; the principles of selection of sources, the specifics of lexicographic processing (from the dictionary to the glossary and dictionary). The work on the dictionary may in the future provide material for discussing a number of linguistic tasks proper.

**Keywords:** systematization of terminology, advertising and public relations, nest method, classifying signs

**For citation:** Krivonosov, A.D. (2023), "On the Issue of Systematization of Modern Terminology of Advertising and Public Relations", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 173–183. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-173-183 (Russia).

**Введение.** Любая научная дисциплина в процессе становления встречается с проблемой корректного определения объема своего глоссария. Рассмотрим вопросы систематизации и унификации терминологии рекламы и связей с общественностью (СО). Автор не ставит перед собой задач выяснения, уточнения имеющихся в лингвистике дефиниций *термин*, *терминоид*, *терминосистема*. Цель статьи – продемонстрировать операциональность использования гнездового способа лексикографической фиксации терминов рекламы и связей с общественностью, построенной на классической модели коммуникации Г. Лассуэлла.

Реклама и связи с общественностью – относительно новые публичные феномены, и если начало институализации публичных отношений в России датируется концом 1980-х – началом 1990-х гг., то протоформы рекламы относят к третьему тысячелетию до н. э., а развитие современной коммерческой рекламы – к XIX столетию [1, с. 16–17]. Понятно, что первичный процесс формирования современной терминосистемы как для рекламы, так и для связей с общественностью приходится для российского публичного пространства на 1990-е гг. – период их институализации. 2020-е гг. – шестой этап развития PR и рекламы в России – этап диджитализации, который характеризуется сосуществованием традиционной и «параллельной» публичной среды и пополнением специальных терминов. Своего рода катализатором решения традиционной для российских рекламоведения и пиарологии проблемы кодификации терминологии стало принятие 28 февраля 2023 г. поправок к Закону РФ «О государственном языке Российской Федерации» (2005 г.), ограничивающих функционирование иноязычной лексики в публичных (непрофессиональных) коммуникациях.

Динамичное развитие и диверсификация современной публичной сферы, особенно в условиях тотальной медиатизации, требует современной научной рефлексии происходящих процессов, в том числе и в профессиональном лексиконе. Вопросы кодификации терминов и унификации терминосистемы в сфере PR и рекламы актуальны в научном и методическом аспекте.

**Методология и источники.** Отметим: проблемы формирования терминосистемы связей с общественностью и рекламы «изначально оказались в фокусе внимания представителей различных наук: философов, филологов, социологов, специалистов в области СО (как практиков, так и представителей зарождающейся научной дисциплины). Относительно понятийного аппарата науки о связях с общественностью, таким образом, можно априорно констатировать заимствующий характер формирования и функционирования ее терминосистемы: теория PR тесно связана с понятийным аппаратом ряда социогуманитарных наук — философией, социологией, политологией, лингвистикой и т. д.» [2, с. 112].

Формирование любого социального института невозможно без качественного вузовского образования, базирующегося на специальных научных знаниях. Естественно, что образовательный процесс должен опираться на научную рефлексию конкретной социальной деятельности и корпус специальных терминов. В начале 1990-х гг. не было российских монографий и учебников по связям с общественностью, в этот период учебные планы во многом копировали европейские и американские образовательные стандарты (как, например, в ЛЭТИ), первые (во многом компилятивные) книги по PR в России датируются 1993–1994 гг.

В настоящее время термины сферы коммуникаций – журналистики, рекламы, связей с общественностью – уже имеют научную рефлексию: защищены кандидатские диссертации, есть ряд научных статей и различные по составу словари. Так, проблемы описания и классификации терминов сферы публичных отношений стали предметом исследования в ряде кандидатских диссертаций по специальности 10.02.04 – Германские языки, защищенных в 2000–2010-х гг. в Иваново [3, 4] и Омске [5], по специальности 10.02.19 – Теория языка – в Санкт-Петербурге [6].

Имеется и ряд работ, посвященных отдельным аспектам лексикографии сферы рекламы и связей с общественностью: общим вопросам специальной лексикографии [7], динамиче-

ским изменениям в терминах рекламы и PR [2, 8], становлению и эволюции базовой терминологии [9], прикладному характеру преподавания специальной лексики [10, 11] и др.

Если обращаться к истории отечественной лексикографии в сфере рекламы и связей с общественностью, то следует отметить, что уже в первые годы преподавания новых коммуникационных дисциплин появляется базовый корпус их терминов. Назовем лишь некоторые. В 1998 г. издается Краткий словарь-справочник рекламиста (в пособии А. А. Чесанова «Реклама в России и за рубежом» [12]). В то же время появляется «Англо-русский словарь терминов по рекламе и паблик рилейшнз» профессора СПбГЭТУ К. А. Ивановой [13]. В 1990-х гг. включение словников в учебные пособия становится практически обязательным. В 2000-е гг. и позже появляется ряд одноязычных специальных словарей, выпущенных в основном вузовскими коллективами или преподавателями высшей школы [14–17]. Следует отметить общий для всех этих работ недостаток: непонятны выбор объема и содержания словника, принципы отбора лексикографического материала, однако это объясняется неустоявшимся в профессиональном и педагогическом континууме понятийным аппаратом рекламы и связей с общественностью в России.

Знаковыми в развитии отечественного описания профессиональной терминологии по PR становятся два издания: «Энциклопедия паблик рилейшнз» [18] – проект L’Harmattan (Париж) и группы «Имидж-контакт» (Москва), инициатором которого выступила профессор Т. Ю. Лебедева. Год спустя появляется «Учебный словарь языка связей с общественностью» (редактор Л. В. Минаева) [19]. По сути, это «центральные» до сих пор работы по терминам прежде всего паблик рилейшнз. Но если работа над «Энциклопедией паблик рилейшнз» велась известными российскими и французскими практиками, то «Учебный словарь» под ред. Л. В. Минаевой – проект российской Ассоциации преподавателей по связям с общественностью, и его авторы – вузовские преподаватели. К сожалению, «Энциклопедия» не стала событием в российском профессиональном сообществе ввиду ограниченного тиража и отсутствия распространения через торговую сеть. Что касается «Учебного словаря», то здесь изначально размытой оказалась теоретическая база, хотя в финальном варианте базовый терминологический аппарат был заимствован из работ представителей Петербургской школы паблик рилейшнз. Отметим здесь и претендующий на роль учебного пособия лексикографический опус «Коммуникология: энциклопедический словарь-справочник» [20] (коммуникология – одна из терминологических попыток дефиниций научного знания о коммуникационных дисциплинах), однако источниковая база этого справочника – 24 позиции (последняя по времени из которых датируется 2004 г.). Шестое издание вышло в 2023 г., но и в нем остались такие словарные статьи, как *авуары*, *адюльтер*, *алиби*, *аллегро* (был взят словник для просмотрочного чтения на букву «А»), включение в словарь которых трудно комментируется.

Нынешний этап развития публичных коммуникаций характеризуется двумя взаимосвязанными феноменами – диджитализацией и медиатизацией. Обратим внимание на словари терминов смежных дисциплин. Здесь упомянем лексикографические работы, предпринятые на двух ведущих факультетах журналистики России – МГУ и СПбГУ [21, 22]. В обоих изданиях представлен также и пласт терминов, который соотносится со сферой рекламы и со сферой паблик рилейшнз. Однако авторитетные в области собственно журналистики

словари-справочники не выдерживают критики характеристик терминов, относящихся к сфере рекламы и PR [23, 24].

В рамках нашего исследования упомянем и такую работу, как «Краткий словарь терминов и ключевых понятий ивент индустрии. Маркетинг и менеджмент дестинаций (DMO/DMC)» [25], построенный не в традиционном лексикографическом ключе, а по гнездовому принципу. Здесь присутствуют такие разделы, как «Менеджмент дестинаций», «Маркетинг дестинаций» и т. д. Издание не может претендовать на собственно лексикографическую работу (даже в силу отсутствия каких-либо помет в словарных статьях), хотя сами статьи представляют собой определенные понятийные поля, разделенные на более дробные компоненты. В списке источников всего 15 позиций. Как видим, возможность использования лексикографического «наследия» других коммуникационных и смежных дисциплин мала.

В настоящее время связи с общественностью находятся на шестом этапе своего развития, который часто называют диджитал-этапом. Именно активное развитие новых цифровых технологий привело к появлению «параллельной» публичной среды со своими субъектами и объектами. Насущным отсюда становится создание актуального словаря PR и рекламы и СО, который смог бы отразить изменения в сфере коммуникаций и основывался бы на особых принципах отбора и толкования терминов. А прозрачный терминологический аппарат является залогом корректной дидактики вузовских коммуникационных дисциплин и этичен по отношению к современному студенту.

Принципиальными в создании актуального словаря терминов PR и рекламы являются следующие проблемы: объем терминологического словника и принципы классификации такого словника.

В 2022 г. кафедра коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета инициирует работу по созданию современного словаря терминов рекламы и PR. Важными в этой инициативе становятся следующие тезисы:

1. Словарь базируется на постулатах Петербургской школы публик рилейшнз, среди которых: информационная основа PR; собственный категориальный аппарат; рассмотрение связей с общественностью и рекламы как самостоятельных социальных институтов; комплексность журналистики, рекламы, связей с общественностью в их взаимосвязи с маркетингом и медиакоммуникациями – новым, находящимся на стадии становления социальным институтом.

2. Технологическая дисциплинарная база – классическая схема коммуникации Г. Лассуэлла (источник – канал – код – получатель – обратная связь), которая взята за основу для описания основ теории PR, а также современной системы средств массовой коммуникации [26].

Важнейшей методологической задачей при создании словаря особого типа становится проблема дефиниции тематических полей как содержательного конструктора специальной научной дисциплины.

Предлагается построить словарь рекламы и PR по гнездовому принципу. Такой принцип в лексикографии представляет собой систематизацию единиц в рамках единой лексической системы и рассмотрение связей между компонентами гнезда. В словаре в качестве

гнезд могут выступать компоненты модели Г. Лассуэлла с определенной «доработкой»: субъекты и объекты коммуникаций, каналы коммуникаций, коммуникационные технологии, результаты коммуникационной деятельности, коммуникационные продукты.

При отборе лексикографического материала, как и в предшествующих лексикографических трудах, имеются определенные «ингибиторы». Связи с общественностью и реклама развиваются во взаимосвязанности и взаимовлиянии изначально с журналистикой, а в последнее время – и с медиакоммуникациями [26]. Как и для многих гуманитарных дисциплин, в формировании русскоязычной терминологии PR и рекламы важная роль принадлежит межъязыковому и междисциплинарному воздействию (глоссарий пополняется из смежных дисциплин – маркетинга, менеджмента, а также философии, политологии, лингвистики, что имеет, несомненно, свою специфику в отборе лексем). Объем данного словаря определен терминологическими словниками дисциплин направления «Реклама и связи с общественностью» – 42.03.01 на базе терминологии Петербургской школы связей с общественностью.

**Результаты и обсуждение.** Итак, представим основные гнезда (понятийно-терминологические поля) нашего словаря:

1. Базовое (основные предметные понятия рекламы и связей с общественностью): *публичные коммуникации, публичная среда, публичный дискурс, реклама, связи с общественностью, журналистика, медиакоммуникации, интегрированные коммуникации, интегрированные маркетинговые коммуникации, стратегические коммуникации, Government Relations, медиарилейнз, международные связи с общественностью, финансовые связи с общественностью и реклама, коммерческая реклама, социальная реклама, политическая реклама и др.*

2. Субъекты коммуникаций (в качестве словарных единиц выступают публичные акторы – как традиционные, так и новые): *базисные, технологические, отдел по PR, пресс-служба; инфлюенсер* и др.

3. Объекты коммуникаций (в этом гнезде словарными единицами фиксируются как традиционные объекты, так и объекты новой диджитализированной публичной среды): *группы целевой общественности (внутренняя, ближайшая внешняя, удаленная, внешняя), драйвер, трендсеттер* и др.

4. Коммуникационные инструменты (традиционные и новые): *медийные, ивенты, ATL-реклама, BTL-реклама, цифровые инструменты* и др.

5. Коммуникационные технологии (речь идет о коммуникационных, или процедурных, технологиях): *спичрайтинг, копирайтинг, брендинг, фактчекинг, геймификация* и др.

6. Результаты коммуникаций: *общественное мнение, паблисити, имидж, репутация, бренд, паблицитный капитал, корпоративная идентичность* и др.

7. Коммуникационный продукт, включая медиапродукт (жанровые разновидности рекламных и PR-текстов, а также современные поликодовые образования): *рекламный текст, PR-текст, поликодовый коммуникационный продукт, лонгрид, пин, подкаст* и др.

Приведем пример наполнения одного сегмента базового гнезда – *GR (Government Relations)*: *GR-кампания/проект; Государственно-частное партнерство; Корпоративная социальная ответственность; Лоббизм/лоббист; Объекты GR (орган государственной власти;*

стейкхолдер; лицо, принимающее решение (ЛПР)); Политико-административный ситуационный анализ; Субъекты GR (технологический и базисный субъект GR); Технология GR (прямые и косвенные технологии GR); Технология лоббизма (информационный дизайн, формирование информационной повестки, Influence peddling (торговля влиянием), организация массовых акций (grassroots), public advocacy, инспирирование массовых обращений (astroturfing)).

Отметим, что распределение терминов по гнездам в любом случае может носить условный характер, и приведенный пример это демонстрирует: методологически и методически корректным нам представляется не разъединение всех терминов строго по гнездам, а выстраивание субгнезд (где это возможно и оправданно): так, в нашем примере субъектно-объектная плоскость, инструменты технологии Government Relations логичнее объединить в одно субгнездо.

В гнездах словаря связей с общественностью и рекламы в качестве классифицирующих признаков предлагается выделить дихотомические признаки:

– исходная научная дисциплина: термин заимствованный/оригинальный (*общественность; субъект PR*);

– употребительность в тематическом поле: в одном ключевом гнезде/не в одном (*корпоративная культура/спонсорство*);

– этимология: термин заимствованный/русскоязычный (*стейкхолдер/группа общественности*); если термин заимствованный – имеется терминологический синоним/не имеется (*ивент, спецмероприятие/стейкхолдер*);

– написание заимствований: на латинице/на русском языке (*SEO/копирайт*). В случае написания на латинице (это могут быть преимущественно термины на языке-доноре – английском), есть ли кириллический вариант (*SEO/ивент*);

– структура: однословный термин/терминологическое словосочетание (*пост/целевая аудитория*). В случае наличия аббревиатуры: функционирование в терминосистеме в качестве сложносокращенного слова/функционирование в двух вариантах (*SEO/CPO*). В случае использования двух вариантов: аббревиатура на языке-источнике с оригинальным написанием/аббревиатура с русскоязычным написанием (*CPO – Cost per Order/KPI – критерий оценки эффективности*);

– продуктивность словообразовательной модели: определенная модель дериватов/отсутствие такой модели (*копирайтинг/наблизити*).

Основными механизмами образования терминов сферы рекламы и связей с общественностью фиксируются следующие: аббревиация, транслитерация, транскрипция, калькирование.

Особую проблему составляет система лексикографических помет. Все словарные единицы имеют грамматические пометы и указание на ударный слог (в редких случаях приводятся оба акцентных варианта – *маркетинг – маркэтинг*). Не дается указание на язык-источник и стилистические пометы: данный словарь не является собственно лингвистическим, с другой стороны, количество профессиональных жаргонизмов (типа прессуха – пресс-конференция) в языке рекламы и СО достаточно малочисленно. В ряде случаев частотность употребления того или иного термина не позволяет отнести его к окказионализмам или профессиональному жаргону.

**Заключение.** Описание и классификация терминологии (не терминосистемы) рекламы и паблик рилейшнз выявило ряд проблем, делающих исследования о корпусе терминов новых социальных практик и научных дисциплин открытыми: о границах предмета исследования; о принципах отбора источников, о специфике лексикографической обработки (от словника к глоссарию и словарю). Особая сложность возникает при определении объема гнезда и его многополярности (возможности отнесения термина к разным гнездам).

Быстрое развитие современных технологий публичных коммуникаций, основанных прежде всего на процессах диджитализации и медиатизации публичного пространства, ставит императив оперативного реагирования специалистов, могущих описывать данные сдвиги в технологиях и их фиксацию в лексикографических источниках.

Работа над словарем может в дальнейшем дать материал для обсуждения ряда собственно лингвистических задач: о соотношении понятий терминологии и терминосистемы, термина и терминоида, о частотности типов терминологических сочетаний.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кривонос А. Д., Данилова Н. И. История рекламы и связей с общественностью. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020.

2. Руберт И. Б., Кривонос А. Д. Социопрагматические и лингвистические аспекты терминообразования (на примере терминов, обозначающих субъектно-объектную сферу PR) // Известия СПбГЭУ. 2015. № 1 (91). С. 108–113.

3. Щербакова Е. В. Предметная область «Связи с общественностью» в терминографическом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук / ИвГУ. Иваново, 2005.

4. Нечаева Е. А. Лингвостилистические особенности PR-терминологии: прагматические, фонетико-орфографические, лексико-грамматические, лингвокультурные аспекты: дисс. ... канд. филол. наук / ИГХТУ. Иваново, 2016.

5. Чащина И. И. Комплексное исследование англоязычной терминологии "Public Relations": автореф. ... канд. филол. наук / ОмГТУ. Омск, 2012.

6. Андрианова Н. А. Терминология событийного маркетинга (на материале терминологических систем Ивент/Special Event): автореф. ... канд. филол. наук / СПбГУЭФ. СПб., 2012.

7. Клочко К. А., Лашова С. Н. К вопросу об изменчивости терминологии в сфере рекламы и связей с общественностью // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 6. Ч. 2. С. 173–175. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-173-175.

8. Киуру К. В., Кривонос А. Д. Динамические изменения в терминологии PR // Российская пиарология-7: тренды и драйверы: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 25–31.

9. Азарова Л. В., Ачкасова В. А. Эволюция базовой терминологии паблик рилейшнз: актуальные подходы // Российская пиарология-7: тренды и драйверы: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 5–8.

10. Валитов Н. Р., Паутов А. Д., Пушкарева Л. Г. Изучение терминологии на примере сферы рекламы и связей с общественностью // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 3 (33). С. 42–48. DOI: 10.1738/issn1998-30.018.33.4.

11. Сергиенко П. И. К вопросу о терминах предметной области «Связи с общественностью» (на материале английского языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 58–69.

12. Чесанов А. А. Реклама в России и за рубежом: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, 1996.

13. Иванова К. А. Англо-русский словарь терминов по рекламе и паблик рилейшнз. М.: Политехника, 1998.

14. Гунтаре М. Толковый словарь для PR-менеджеров. Рига: Балтийский русский ин-т, 2005.

15. Радченко И. А. Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшнз / под ред. Е. Е. Топильской. Воронеж: Изд-во ВФ МГЭИ, 2007.
16. Журналистика, реклама, связи с общественностью: словарь / сост. В. В. Тулупов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010.
17. Словарь терминов для специалистов по рекламе и PR / под ред. А. Н. Волковой. СПб.: Изд-во СПбГУАП, 2013.
18. Энциклопедия паблик рилейшнз / Ж. Сегела, Т. Лебедева и др. Париж; М.: L'Harmattan: «Имидж-контакт», 2009.
19. Учебный словарь языка связей с общественностью / под общ. ред. Л. В. Минаевой. М.: Дрофа, 2010.
20. Коммуникология: энциклопедический словарь-справочник / сост. Ф. И. Шарков. М.: ИТК «Дашков и К°», 2023.
21. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: ФЛИНТА, 2018.
22. Отечественная теория медиа: основные понятия / под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019.
23. Кривонос А. Д. Новый справочник по медиалингвистике // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 216–220.
24. Кривонос А. Д. Московская школа коммуникативистики: новый справочник по медиа. Рецензия // Российская школа связей с общественностью. 2020. № 16. С. 158–164.
25. Краткий словарь терминов и ключевых понятий ивент индустрии. Маркетинг и менеджмент дестинаций (DMO/DMC) / А. В. Вальков, И. С. Огнев, Д. А. Островская и др. СПб.: Первый ИПХ, 2021.
26. Кривонос А. Д., Киуру К. В. Парадигматика современной системы массовых коммуникаций в модели Г. Лассуэлла // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 1. С. 27–40. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).27-40.

### **Информация об авторе.**

**Кривонос Алексей Дмитриевич** – доктор филологических наук (2002), профессор (2006), заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, 199023, Россия. Автор 350 научных публикаций. Сфера научных интересов: генеристика текстов массовых коммуникаций, отраслевые связи с общественностью, методология преподавания коммуникационных дисциплин, терминология коммуникационных дисциплин.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.  
Поступила 02.10.2023; принята после рецензирования 22.10.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

### **REFERENCES**

1. Krivososov, A.D. and Danilova, N.I. (2020), *Istoriya reklamy i svyazej s obshchestvennost'yu* [History of advertising and public relations], Izd-vo SPbGEU, SPb., RUS.
2. Rubert, I.B. and Krivososov, A.D. (2015), "Socio-pragmatic and linguistic aspects of term formation (illustrated term denoting the subject-object sphere of PR)", *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, no. 1 (91), pp. 108–113.
3. Shcherbakova, E.V. (2005), "The subject area of "Public relations" in the terminographic aspect", Can. Sci. (Philology) Thesis, IvGU, Ivanovo, RUS.
4. Nechaeva, E.A. (2016), "Linguistic and stylistic features of PR terminology: pragmatic, phonetic-spelling, lexical-grammatical, linguocultural aspects", Can. Sci. (Philology) Thesis, IGKhTU, Ivanovo, RUS.

5. Chashchina, I.I. (2012), "A comprehensive study of English-language terminology "Public Relations"", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, OmGTU, Omsk, RUS.
6. Andrianova, N.A. (2012), "Terminology of event marketing (based on the terminology of Event systems/Special Event)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SPbGUEF, SPb., RUS.
7. Klochko, K.A. and Lashova, S.N. (2015), "On the changeability of terminology in the sphere of advertising and PR", *Historical and Social Educational Ideas*, vol. 7, no. 6, part 2, pp. 173–175. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-173-175.
8. Kiuru, K.V. and Krivososov, A.D. (2018), "Dynamic changes in the terminology of PR", *PR theory in Russia. Part 7: trends & drivers*, SPbGEU, SPb., RUS, pp. 25–31.
9. Azarova, L.V. and Achkasova, V.A. (2018), "Evolution of basic terminology of Public relations: current approaches", *PR theory in Russia. Part 7: trends & drivers*, SPbGEU, SPb., RUS, pp. 5–8.
10. Valitov, N.R., Pautov, A.D. and Pushkareva, L.G. (2018), "Studying terminology on the example of advertising and public relations", *The Science of Person: Humanitarian Researches*, no. 3 (33), pp. 42–48. DOI: 10.1738/issn1998-30.018.33.4.
11. Sergienko, P.I. (2018), "On the terms of subject area 'public relations' (a case study of the english language)", *Moscow State Univ. Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 58–69.
12. Chesanov, A.A. (1996), *Reklama v Rossii i za rubezhom* [Advertising in Russia and abroad: Textbook], SPbGU, SPb., RUS.
13. Ivanova, K.A. (1998), *English-Russian dictionary of advertising and public relations*, Polytechnic, Moscow, RUS.
14. Guntare, M. (2005), *Tolkovyj slovar' dlya PR-menedzherov* [Explanatory dictionary for PR managers], Baltiiskii russkii in-t, Riga, LAT.
15. Radchenko, I.A. (2007), *Uchebnyj slovar' terminov reklamy i pablik rileyshnz* [Educational dictionary of advertising and public relations terms], in by Topilskaya, E.E. (ed.), Izd-vo VF MGEl, Voronezh, RUS.
16. *Zhurnalistika, reklama, svyazi s obshchestvennost'yu: slovar'* [Journalism, advertising, public relations: dictionary] (2010), comp. by Tulupov, V.V., Izd-vo VGU, Voronezh, RUS.
17. *Slovar' terminov dlya specialistov po reklame i PR* [Dictionary of terms for advertising and PR specialists] (2013), in by Volkova, A.N. (ed.), SPbGUAP, SPb., RUS.
18. Ségéla, Ja., Lebedeva, T. et al. (2009), *Enciklopediya pablic rileyshnz* [Encyclopedia of Public Relations], L'Harmattan, FRA, Image-contact, Moscow, RUS.
19. Minaeva, L.V. (ed.), (2010), *Uchebnyj slovar' yazyka svyazej s obshchestvennost'yu* [Educational dictionary of the language of public relations], Drofa, Moscow, RUS.
20. *Kommunikologiya: enciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Communicology: encyclopedic dictionary-reference] (2023), comp. Sharkov, F.I., ITK "Dashkov i K", Moscow, RUS.
21. *Medialingvistika v terminah i ponyatiyah: slovar'-spravochnik* [Media Linguistics in terms and concepts: dictionary-reference book] (2018), in by Duskaeva, L.R. (ed.), FLINTA, Moscow, RUS.
22. *Otechestvennaya teoriya media: osnovnye ponyatiya* [Domestic theory of media: basic concepts] (2019), in by Vartanova, E.L. (ed.), Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, RUS.
23. Krivososov, A.D. (2019), "New reference book on media linguistics", *Sign: problematic field in mediaeducation*, no. 1 (31), pp. 216–220.
24. Krivososov, A.D. (2020), "Moscow School of Communication Studies: a new media Handbook. Review", *Rossijskaya shkola svyazej s obshchestvennost'yu* [Russian School of Public Relations], no. 16, pp. 158–164.
25. Valkov A.V., Ognev I.S., Ostrovskaya, D.A. et al. (2021), *Kratkij slovar' terminov i klyuchevyh ponyatij ivent industrii. Marketing i menedzhment desti-nacij (DMO/DMC)* [A short dictionary of terms and key concepts of the event industry. Marketing and management of destinations (DMO/DMC)], Pervyi IPKh, SPb., RUS.

26. Krivonosov, A.D. and Kiuru, K.V. (2022), "Paradigmatics of the modern mass communication system in the model of G. Lasswell", *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, vol. 11, no. 1, pp. 27–40. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(1).27-40.

**Information about the author.**

*Alexey D. Krivonosov* – Dr. Sci. (Philology, 2002), Professor (2006), Head of the Department of Communication Technologies and Public Relations, Saint Petersburg State Economic University, 30-32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 199023, Russia. The author of 350 scientific publications. Area of expertise: genristics of mass communications texts, industry public relations, methodology of teaching communication disciplines, terminology of communication disciplines.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.  
Received 02.10.2023; adopted after review 22.10.2023; published online 21.12.2023.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail [discourse@etu.ru](mailto:discourse@etu.ru) либо на электронном носителе:
  - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
  - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
  - сведения об авторах (на русском и английском языках).

#### *Правила оформления текста статьи*

*Текстовый редактор* – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

*Формат* бумаги – А4.

*Параметры страницы*: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

*Текст статьи*: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

*Текст в таблицах* печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындесы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

*Рисунки* в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *a*).

#### *Структура научной статьи*

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
  - УДК (выравнивание по левому краю);
  - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;  
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;  
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

*Англоязычная часть* (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);  
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

*Авторство* и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

*Название статьи* должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

*Аннотация* представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

*Ключевые слова* – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

*Текст статьи* структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

*Благодарности* – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

*Источник финансирования* – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

*Соблюдение этических стандартов* – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidelines/ethics-statements/>

*Конфликт интересов* – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidelines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

*Приложения* – при их наличии.

*Библиографический список* включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

*References* (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

*Авторская справка* содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включить идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

*Перечень основных тематических направлений журнала*

*Философия (по научным специальностям):*

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

*Социология (по научным специальностям):*

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

*Филология (по научным специальностям):*

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

*Рукописи печатаются бесплатно.*

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес [discourse@etu.ru](mailto:discourse@etu.ru)



# СПбГЭТУ «ЛЭТИ» ПЕРВЫЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ

Гуманитарный факультет объявляет о проведении  
1–2 февраля 2024 г.

## **XXI Всероссийской научной конференции с международным участием «ИНФОРМАЦИЯ – КОММУНИКАЦИЯ – ОБЩЕСТВО»**

Работа секций будет осуществляться по следующим тематическим направлениям:

1. Философские измерения современных (де)глобализационных процессов.
2. Динамика социальных и политических институтов современной России.
3. Профессиональные коммуникаторы и искусственный интеллект: перспективы взаимодействия.
4. Современные подходы к исследованию лингвистического материала.
5. Актуальные тенденции исторических и правовых исследований.

В рамках конференции планируется проведение круглого стола:  
«Гуманитарные и социальные исследования в эпоху нестабильности и противостояний»

### *Наше кредо*

- ✓ *Открытость тематики и проблематики конференции любой профессиональной интеллектуальной инициативе.*
- ✓ *Стремление к совмещению в едином интеллектуальном пространстве различных подходов и позиций.*
- ✓ *Диалог представителей разных профессиональных научных сфер, школ, направлений.*

### *Место проведения конференции*

Санкт-Петербургский государственный электротехнический  
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Адрес: Россия, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, д. 5, 5-й ауд. корпус.

Проезд: ст. метро «Петроградская», авт. 128, трол. 31 до остановки «Улица Проф. Попова»

### *Контакты*

Тел./факс: (812) 346-47-83 (доб. 25)

E-mail: ИКО.XXI@gmail.com

Сайт: <https://ics.etu.ru>

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,  
Н. В. Кузнецова, Е. А. Ушакова*  
Компьютерная верстка *И. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,  
N. V. Kuznetsova, E. A. Ushakova*  
DTP Professional *I. A. Orlova*

---

Подписано в печать 19.12.23. Формат 60 × 84 1/8.  
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».  
Уч.-изд. л. 24,5. Печ. л. 23,6. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 173.  
Цена свободная.

Signed to print 19.12.23. Sheet size 60 × 84 1/8.  
Educational-ed. liter. 24.5. Conventional printed sheets 23.6. Number of copies 300.  
Printing plant 1–150 copies. Order no. 173.  
Free price.

---

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»  
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house  
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia  
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56